

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2009 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) 3

Методология перевода

Шабага И.Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) 21
Ballard M. Proverbe et traduction / *Балляр М.* Пословица и перевод . . . 38/39

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Кирсанова Е.М. К вопросу о влиянии этнокультурных стереотипов на процесс перевода 64
Малинина Р.А., Пушкарева Т.В. Gedachtnis-Erinnerung Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода 76
Марусенко М.А., Шабалина А.В. Французский язык — международный язык дипломатии: о соотношении исторической реальности и династического заказа 95
Эстоева Д.Г. Структурно-семантическая парадигма как средство достижения адекватности перевода лингвоконцепта «честность» в разнотемных языках 109
Яндиева А.И. Семантико-когнитивное пространство концептосферы «долг» в парадигме семантической теории перевода 125

Вопросы терминологии

Алексеева М.О. Семасиологические аспекты изучения терминологии православия 140

Contents

General Translation Theory

- Vlasenko, S.V.*: Translation Across Professional Communication Domains: Psycholinguistic Aspects of Decoding Lexical Lacunae (English-Russian Translations Compared) 3

Translation Methodology

- Shabaga, I.Y.*: Translating Ancient Languages: from Literal to Letenary Translation 21
- Ballard, M.*: Proverbe et Traduction 38

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Kirsanova, E.M.*: On the Impact of Ethnocultural Stereotypes on the Translation Process 64
- Malinina, R.A., Pushkaryova, T.V.*: Gedächtnis — Erinnerung — Erinnerungskultur in the Modern Historical Perception of Germany. Problems of Translation 76
- Marusenko, M.A., Shabalina, A.V.*: The French Language as the International Language of Diplomacy: Historic Fact vs. Dynastic Fiction 95
- Эсмоева, Д.Г.*: The Structural and Semantic Paradigm as a Means of Appropriate Translation of the Linguoconcept “Honesty” in the Languages with Differing Systems 109
- Yandieva, A.I.*: The Semantic-Cognitive Area of the Conceptosphere “Duty” in the Paradigm of the Semantic Translation Theory 125

Terminology Studies

- Alekseyeva, M.O.*: Semasiological Aspects in Studying Orthodox Terminology 140

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент, докторант Сектора психолингвистики Института языкознания РАН, доцент Российской правовой академии Минюста России. *E-mail:* svetsign@stream.ru

ПЕРЕВОД В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛАКУН (англо-русские переводческие сопоставления)

В статье рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода в сфере профессиональной коммуникации в языковой паре английский—русский. Приводится палитра мнений в отношении перевода сложных текстов, восприятие и понимание которых осложнено лакунами и их речезыковыми маркерами, лакунизаторами. Такие единицы текста либо имеют непрозрачное смысловое содержание, либо демонстрируют нелинейность и пошаговость при вербализации на языке перевода. Собственно декодирование сложных текстов, которые характеризуются узкоспециальной тематикой и (или) междисциплинарным либо метадисциплинарным предметным содержанием, трактуется как распределенное соответствующих контекстов, обеспечивающее коммуникативную прозрачность и понимание текстов коммуникантами.

Приводятся примеры англо-русского перевода общеупотребительной и узкоспециальной отраслевой терминологии из разных областей знания, перевод которой требует от переводчика обращения к широкому отраслевому макроконтексту как реальной возможности идентификации прототипических событий, актуализированных в переводимом тексте.

Ключевые слова: англо-русский перевод, сфера профессиональной коммуникации, язык оригинала, язык перевода, лексические лакуны, смысловая непрозрачность, лакунизированный текст, лакунизатор (оператор лакун), декодирование, означивание, прототипическое событие, умозаключение, функциональная эквивалентность.

S.V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Ass. Professor, Doctor's Degree Applicant, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Ass. Professor, Russian Academy of Law under the Russian Federation Justice Ministry

Translation Across Professional Communication Domains: Psycholinguistic Aspects of Decoding Lexical Lacunae (English-Russian Translations Compared)

The article explores topical issues of translation theory and practices across professional communication domain in the English—Russian pair. An advocated viewpoint suggests that there are many approaches to translating/interpreting complex texts whose perception and comprehension is obscured by lacunae; the latter being manifested in texts via their speech and/or language markers, lacunasers. Such units are either non-transparent in terms of meaning, or are difficult to verbalize in the receptor language due to a non-linear

and multistage procedure required for so doing. The proper decoding of complex texts with highly specialized and/or interdisciplinary (multidisciplinary) subject matter is treated as disambiguation of relevant contexts aimed at making the communicative message transparent and comprehensible for communicants.

The article contains English-Russian translations of lexemes varying from commonly used to highly specialized terminology from various fields and knowledge domains; the translation effort associated with them implies a real need for the translator/interpreter to refer to broad domain-specific macrocontext for tracing and identifying prototypical events actualized in the text under translation.

Key words: English-Russian translation, professional communication domain, source language, target language, lexical lacunae, semantic opacity (non-transparency), lacunized text, lacunizer (lacuna operator), decoding, verbalization, prototypical event, inference, functional equivalence.

Мышление не сводится исключительно
к оперированию кодом вербальных смыслов.

А.А. Леонтьев, 1974

Несмотря на то, что каждый язык представляет собой
довольно жёсткий способ видения, организации
и интерпретации мира, всегда предполагается
возможность перевести с одного языка на другой.

У. Эко, 2009 [1993]

В статье рассматривается перевод в сфере профессиональной коммуникации, которая трактуется как внутриотраслевое или межотраслевое взаимодействие экспертов разных стран, осуществляемое в целях обмена значимой для них как членов экспертных сообществ информацией, содержащей предметные знания о смежных либо предметно далёких профессиональных областях и (или) видах деятельности [Власенко, 2006а, с. 65—68]. Данный вид перевода трактуется как языковое посредничество, осуществляемое переводчиками или выступающими в роли переводчиков коммуникантами, языковая и коммуникативная компетентность которых позволяет им обеспечивать полноценный взаимообмен информацией между членами экспертного сообщества в рамках институционального дискурса, в нашем случае — англо-русского [Там же, с. 24, 73—76]. Предлагаемый анализ базируется на положениях переводоведения, психолингвистики, теории коммуникации и когнитивной психологии.

Отметим вариативность в понимании институционального дискурса как сферы деятельности переводчиков и объекта изучения переводоведов. Некоторые исследователи определяют его как «институционально обусловленный специальный дискурс» [Гавриленко, 2004, с. 31—45]. Примечательна концепция институционального дискурса, разработанная В.И. Карасиком. Построенная на комплексном изучении большого корпуса исследований, она отражает характеристики институционального дискурса, в котором

на основе принципов социолингвистики выделены следующие типы: политический, деловой, научный, педагогический, медицинский, военный, спортивный, религиозный, юридический и др. [Карасик, 2004, с. 250—303; 363]. Данная концепция созвучна нашей в части дифференциации институционально-дискурсивных полей (институциональных контекстов) переводоведения уже потому, что совпадает с традиционной разбивкой отраслей специальной двуязычной и многоязычной лексикографии, разработанность которой в значительной степени коррелирует с качеством конечного переводческого продукта — текста.

Перевод в сфере профессиональной коммуникации — достаточно молодая отрасль переводоведения [Власенко, 2008а, с. 70—71], которая изначально называлась «сферой научно-технического сотрудничества», а перевод, осуществляемый в ней, — «научно-техническим переводом» (о нем подробнее см.: [Ванников, 1985а; 1985б; 1987; Гавриленко, 2004; Пумпянский, 1981, с. 3—8])¹. С течением времени в разных филологических школах, развивавших отдельные направления в рамках «теории перевода» — прародительнице переводоведения, — научно-технический перевод² стали также называть «специальным» или «отраслевым». В настоящей статье термины «перевод в сфере профессиональной коммуникации» и «отраслевой перевод» употребляются взаимозаменяемо [Власенко, 2006а, с. 53]. Данный вид перевода характеризуется целым рядом проблем, природа которых связана с объективными и субъективными факторами, детерминирующими межкультурную двуязычную или многоязычную коммуникацию, а также социолингвистические и психолингвистические механизмы речемыслительной деятельности³.

¹ Укажем на существование других исследовательских парадигм, сформировавшихся в недалёком прошлом, авторы которых по-другому определяли данный вид перевода в силу иного, детерминированного социально-экономическим контекстом, научного мировоззрения. В частности, Ю.В. Ванников называл эту сферу «социальной научно-технической сферой» [Ванников, 1985а; 1985б, с. 15; 1987], а также «перевод научно-технической литературы» [Климзо, 2003] и «перевод научных и технических текстов» [Гавриленко, 2004, с. 17].

² В целях рассматриваемой проблемы уместно сослаться на известного мастера научно-технического перевода Е.К. Масловского, справедливо отмечавшего в одной из своих недавних статей, что «перевод научно-технической литературы — это та сфера переводческой деятельности, в которой профессиональное выполнение работы возможно только высококвалифицированными техническими специалистами, хорошо знающими предметную область и её специфическую терминологию, в достаточной мере владеющими иностранным языком и (что самое важное) умеющими грамотно излагать свои мысли (не уходя от сути и стиля оригинала) на языке перевода» (*Масловский Е.К. Актуальные проблемы научно-технического перевода* // http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/maslovsky_a1.asp).

³ По умолчанию полагаем, что уровень языковой компетентности занятых в данной сфере переводчиков адекватен целям обеспечения двуязычной и многоязычной коммуникации между экспертами профессиональных сообществ.

Существенные психолингвистические составляющие переводческого процесса

Многие психологи и психолингвисты, с разных ракурсов исследовавшие связь языка и мышления, прямо или косвенно отмечали психолингвистический и когнитивный характер процессов, вовлечённых в межъязыковой перевод [Бубнова, 2008; Быкова, 2003; Глазачева, 2006; Жинкин, 1982; Залевская, 1982, 2005; Карасик, 2004; Леонтьев, 1974, 1993, 1999; Сахно, 1986; Сорокин, 1977, 1985, 2003; Сорокин, Клюканов, 1991; Шабес, 1990]. Сказанное созвучно словам отечественного классика переводоведения А.Д. Швейцера, когда он, вслед за американским переводоведом Ю.А. Найдой, писал, что «перевод, рассматриваемый как технология, основывается <...> на ряде научных дисциплин, включая, прежде всего, языкознание, информатику, психологию и антропологию» [Швейцер, 1999, с. 255]. При этом в своей программной монографии А.Д. Швейцер говорил об изучении «психологии перевода», без которого, на его взгляд, вряд ли возможно исчерпывающе описать алгоритм подлинно творческого решения переводчика [Швейцер, 1988, с. 14]⁴; переводовед отводил особое место в построении такого алгоритма психолингвистике [Там же, с. 21, 25, 28]. Представляется, что психолингвистика действительно позволяет отразить многие аспекты межъязыкового перевода [Власенко, 1996; 2006а, с. 46—47; 2006б; Власенко, Сорокин, 2007; Чернов, 1987; Черняховская, 1988 и др.].

Объектом современной профессиональной переводческой практики преимущественно являются тексты, характер которых не оставляет места монотематической проблематике, а отражает межотраслевое взаимодействие экспертов, отвечающее природе современных коммуникативных процессов и многообразных социально-экономических контекстов их протекания. При этом пограничность или наложение областей деятельности, гипотетичность условий их осуществления для переводчика, высокая концептуальная насыщенность и, зачастую, лишь условная соотнесённость терминологических систем разных областей отраслевой деятельности в разных странах, — вот лишь некоторые из проблемных зон, с которыми неизбежно и ежедневно сталкиваются переводчики, занятые в сфере профессиональной коммуникации [Власенко, 1996, с. 2—3; 2006а, с. 16—90; Рябцева, 2007, 2008]. Современные наработки теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии [Телия, 1987] и когнитивной психологии [Солсо, 1996] также могут содействовать выработке адекватных переводческих стратегий при работе

⁴ Вопросы креативности переводческой деятельности широко представлены в классических работах по переводу художественной литературы и поэзии (см., к примеру, [Сорокин, 2003; Эко 2006]), из самых последних см. [Рябцева, 2008].

с тематически сложными текстами [Власенко, 1996, с. 2—5; 41—43; Власенко, 2006б; Власенко, Сорокин, 2007; Глазачева, 2006, с. 3].

В тех случаях, когда тексты оригинала непонятны переводчику, т.е. содержат непрозрачные в смысловом отношении единицы или фрагменты, мы вправе предположить наличие в них лакун. Под текстом мы вслед за Ю.А. Сорокиным понимаем «сложное и полифункциональное знаковое образование» [Сорокин, 1985, с. 5], а под переводом лакунизированного текста — перевод текстов, порождённых профессиональными сообществами любой отрасли знаний или сферы деятельности с целью фиксации и обмена отраслевыми знаниями, восприятие и понимание которых осложнено наличием в них лакун [Власенко, 1996; 2006а, с. 30, 46—47, 51; Власенко, Сорокин, 2007]. Ранее мы не раз подчёркивали, что лакуны маркируют непосредственный обрыв смыслового контура текста в сознании переводчика, отражая объективные различия в строении контактирующих языков [Там же]. Вследствие этого уместно говорить о прямой корреляции лакун с механизмами интерпретации и понимания текстов в процессе перевода. В этом случае необходимо, прежде всего, апеллировать к тем или иным явлениям языка, восприятие которых представляет трудность. Отметим, что очевидность лакун обнаруживает себя в противоречиях, которые возникают между смыслом исходного иноязычного текста автора и понятийным континуумом переводчика.

Итак, подчеркнём, что в переводе лакуна указывает на фрагментарность и неполноту понимания переводчиком текста оригинала, что, как правило, является следствием двух основных причин: во-первых, неадекватности фоновых общих, фоновых специальных, или отраслевых, знаний переводчика⁵ и, во-вторых, нарушении параметров текстовости оригинала, например нелогичности или противоречивости, несвязности стиля изложения, двусмысленности существенных смыслоформирующих элементов и др. Сошлёмся на В.И. Карасика, который, рассматривая рациональную точность дискурса, косвенно подтверждает нашу мысль, когда утверждает, что «общение на уровне точных обозначений свидетельствует о высокой степени коммуникативной компетенции отправителя и получателя речи» [Карасик, 2004, с. 297].

Нередко лакуны бывают спровоцированы тем фактом, что используемые языками и, в частности, столь далёкими по строю языками, как английский и русский, процессы и формы на пути превращения глубинной смысловой структуры в поверхностную не совпадают. Это обстоятельство объясняет такое распространён-

⁵ Анализ этого фактора выходит за рамки целей данной статьи (см.: [Власенко 2006а, с. 33—34, 65]).

ное явление, как несовпадение объёмов понятий терминов, конструкций и т.п., например⁶: (*юр., макроэкон., миграц. уч.*) *effects* → *движимое личное имущество* (*например, мигранта*); *средства* (*в том числе денежные*); именно из второго значения выводится смысл терминологической фразы финансового права *No effects*, которая не что иное, как надпись банка на неакцептованном чеке клиента *Нет средств*.

Анализ большого корпуса текстов дает основание утверждать, что текстовая *лакуна* маркирует либо (1) отсутствие связей текста с фрагментами описываемой действительности (реальной, гипотетической, виртуальной), представляя неопределённый, незнакомый дейксис и (или) отсутствие какого-то одного или нескольких типов знаний у коммуникантов (общих или специальных) и (или) (2) нарушение текстовой когезии. В последнем случае речь должна идти о смысловом разрыве внутритекстовых связей. Укажем, однако, что основными препятствиями при интерпретации знаний в ходе коммуникации являются не столько *лакуны*, сколько их маркеры, *лакунизаторы*, расшифровка которых предполагает использование ситуационного анализа или анализа прототипической ситуации, актуализированной в тексте [Власенко, 1996, с. 7, 11, 14, 21, 26, 40]. Под *лакунизатором*, или *оператором лакун*, понимается та речезыковая единица, которая актуализирует *лакуну*, становясь своего рода «носителем» смысловой или контекстуальной неопределённости текста (его фрагмента), маркирующим разрыв смыслового контура либо на уровне внутритекстовых связей, либо на уровне связей «текст — реальность» [Власенко, 1996; 2006а, с. 67; 2006б].

Отметим, что под переводом в широком смысле мы понимаем механизм глубинного декодирования предметного содержания текстов, соотносимого с экзистенциально-деятельными контекстами. Для декодирования текста полагается процедура предметного понимания — распредемечивания — переводчиком отраслевого текста, включающая идентификацию представленных в тексте специальных знаний для их дальнейшего ситуативного означивания на языке перевода [Власенко, 1996; 2006а, с. 67]. Подобное понимание сходно с мнением отечественного классика психолингвистики Н.И. Жинкина, который не раз высказывался о понимании как результате работы механизма «эквивалентности смысловых замен» (цит. по: [Залевская, 2005, с. 324]).

⁶ Здесь и далее по тексту предлагаемые русскоязычные варианты представлены в авторской версии на основе соответствующих статей следующих англо-русских отраслевых словарей: [АРФС, 2005; БАРС, 2000; БАРИОС, 2003; НАРБЭС, 1995; АВВУУ, 2006].

Вызывая нарушение непрерывности формирования связей в индивидуальной когнитивной сети и ассоциативно-образных рядов в языковом сознании переводчика, *лакунизатор* препятствует активации ассоциативно-вербальной сети. Таким образом, переводчик сталкивается с невозможностью оперативно разрешить конфликт или реконструировать разрыв смыслового контура переводимого текста. Отметим, что ассоциативно-вербальная сеть, определяющая и восприятие контекста переводчиком, и прочтение им терминологии, и выбор реакции на вербальные и невербальные стимулы, является одним из неотъемлемых психолингвистических механизмов концептуально-категориального мышления, задействованного в переводе.

Укажем на мнения переводоведа-психолингвиста Ю.А. Сорокина [Сорокин, 1977], а также переводоведа-лакуноведа Н.Л. Глазачевой, рассматривающей «феномен лакунарности как самый чуткий барометр национальной специфики» культур, взаимодействующих посредством текстового контакта [Глазачева, 2006, с. 3]. Лакуноведы выражают мнение о неизбежности лакунизированности современных текстов, причина которой видится в отсутствии в той или иной национальной языковой системе средств языкового выражения для многочисленных концептов, что и представляет феномен лакунарности — основного препятствия взаимопонимания носителей различных языков и культур [Там же; Быкова, 2003].

Представляется, что характер лакунизации в значительной мере детерминирован субъективными факторами, как то: параметрами психометрического интеллекта [Бубнова, 2008], сформированностью у переводчика профессиональных навыков, а также его знанием объективных регулярных соответствий между языками-коммуникантами и жанровых особенностей текста оригинала (далее — ТО). Перечисленные факторы — базовые составляющие языковой компетентности как основополагающего звена профессиональной компетентности переводчика.

Важно подробнее остановиться на фактах неполного или неточного понимания в переводе, которое, по нашему мнению, сводится к прерванному или нарушенному восприятию переводчиком смысловых связей собственно в ТО вследствие разрыва непрерывно формирующейся сети ассоциативно-образных рядов и их взаимоактивации. *Лакуна* материализуется в тексте через возникновение у переводчика состояний в поле негативного континуума в диапазоне «странное—экзотичное—чужое», через словесные знаки, выступающие в качестве «чужой» образно-чувственной полифонии и указывающие на неизвестные переводчику зоны фоновых и (или) предметных знаний автора ТО [Власенко, 2006а, с. 46—47]. Так, например, перевод юридического термина *substantive due*

process of law → процедура рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права возможен лишь при условии априорного знания переводчиком базового термина *substantive enforcement*, означающего применение норм материального права.

Традиционно переводческое решение, как и обычный процесс принятия решения, включает этапы формулирования проблемы, поиска альтернатив, анализа имеющихся альтернатив, выбора решающего правила или критерия определения одного из множества альтернатив как конечной цепи принятия переводческого решения. При этом каждый или некоторые из этих этапов могут оказаться не реализованными переводчиком в силу субъективных или объективных причин. Важно отметить, что лакунизированность текста обуславливает неполноту условий для принятия корректного переводческого решения.

Лексические лакуны в тексте — непрозрачное для смысловосприятия пространство

Как отмечено выше, маркерами лакун в тексте, её текстовыми воплощениями являются операторы лакун, или *лакунизаторы*. Учитывая, что это речезыковые средства, отметим, что их активация наступает в момент вербальной реализации текстовой единицы или текстовой последовательности, а роль сводится к «сигнализированию» переводчику об отсутствии в его когнитивном и (или) языковом сознании некоторого стереотипа в виде концепта и (или) образа, необходимого для узнавания—опознавания—распознавания актуализированного в тексте фрагмента знаний. Если переводчику удастся распределить в ТО весь спектр представленных знаний, т.е. с «внетекстом», и означить их средствами переводящего языка в тексте перевода (далее — ТП), то перевод можно считать адекватным с коммуникативно-когнитивной точки зрения (о концепции коммуникативной эквивалентности подробнее см. [Львовская, 2008, с. 74—79]).

Лакунизаторы были исчислены нами и классифицированы по трём классам — лексическому, грамматическому и синтаксическому, поскольку основным критерием их дифференциации выступает уровень репрезентации значения единицами текста — соответственно лексический, грамматический или синтаксический [Власенко, 1996, с. 11, 15, 17]. В настоящей работе рассматриваются вопросы перевода, связанные с классом лексических лакунизаторов⁷, к которому полагаем возможным отнести следующие:

⁷ Проблематика перевода в связи с системно-структурными расхождениями языков-коммуникантов, отражённых в грамматике с позиций теории лакун, т.е. через грамматические лакунизаторы, описана в работе [Власенко, 2008б].

- слова и термины широкой семантики;
- реалии лингвокультурного, страноведческого или отраслевого характера, другую безэквивалентную лексику;
- кванторные слова (слова количественной семантики) со значением дискретности—недискретности и определённости—неопределённости квантификации типа *all, some, much, none, many, few, little, something, anyone, always, never, nobody* и т.п.;
- сложнопроизводные атрибутивные лексемы, имеющие структуру:
 - а) *N-Adj/Part II* типа *economy-related, cost-effective, nation-specific, culture-oriented, cost-driven, tailor-made* и т.п.;
 - б) *Adv-Adj/Part II* типа *socially-targeted, environmentally-related, ill-defined, technologically-advanced, economically-valid* и т.п.;
- лексические средства передачи пространственно-временных значений:
 - а) сложносоставные номинативные лексемы с постпозитивными локативами типа *follow-on* или *follow-up, sit-in, drive-in, cook-out* и т.п.;
 - б) сложносоставные атрибутивные лексемы с препозитивными и префиксальными предлогами-локативами типа *on-going, in-depth, in-house, in-flight, on-premise, off-premise, on-site, in-door, inward, outward* и т.п.;
 - в) глаголы с префиксальными или препозитивными локативами типа *to internationalize, to internalize, to outperform, to mark down* и т.п.;
 - г) наречия с пространственным значением типа *globally, internally, regionally, internationally* и т.п.;
 - д) предлоги-локативы типа *under, beyond, across, throughout* и т.п.;
- дейктические отношения, выраженные лексическими средствами: указательными и (или) неопределённо-личными (безличными) местоимениями;
- социологемы как наименования социально-экономических институтов и внутриведомственных должностных структур типа *Finance and Private Sector Development Division, financial sustainability project task manager* и т.п.) [Власенко, 2009б].

Вероятность присутствия в ТО *лакун* может обуславливаться рядом факторов, среди которых укажем на несколько наиболее значимых.

Терминологическое разночтение: несбалансированность терминологических систем исходного (ИЯ) и переводящего (ПЯ) языков, которые являются следствием следующих явлений:

— несовпадения объёмов понятий, т.е. частичной безэквивалентности терминов в ИЯ и ПЯ, в значительном большинстве слу-

- чаев из-за нечётких границ референтного пространства или не-предметности, абстрактности референта, например термин информационного права и вычислительной техники: **email disclaimer** → оговорка о неразглашении информации, ошибочно полученной адресатом по электронной почте, освобождающая адресанта от ответственности; сообщение отправителя электронного сообщения о снятии с себя ответственности в случае ошибочной электронной доставки сообщения несанкционированному адресату; финансовый термин: **high leverage firms** → компании с высокой долей заёмных средств в общем объеме капитала; термин морского, договорного и международного торгового права: **safe port clause** → оговорка в договоре (или соглашении) о гарантии, предоставляемой фрахтователем в отношении безопасности порта при заходе судна; в этих примерах очевидна возможность взаимоналожения проблемных зон перевода, поскольку русскоязычное означивание сопряжено со знанием макроконтекста;
- многозначностью терминологии в рамках одной области знаний: правовой термин **covenant** → соглашение; договор; договорённость; отдельная статья договора, условие договора; банковско-финансовый термин **collections** → суммы денежных поступлений; инкассируемые средства может в контексте учета, финансовой и банковской статистики означать суммы выплачиваемой задолженности;
 - прагматической обусловленностью значения термина, традиционно называемой контекстной зависимостью или ситуационной обусловленностью [Чернов, 1988], например термин экологического и налогового права, аудита, экономики; метеорологии: **environmental benchmarking** → сопоставительный анализ текущих показателей состояния окружающей среды с исходными показателями за предыдущий(е) период(ы); рассмотрение динамики показателей экологического статуса и др.; термин культурологии, политологии и социологии: **the country's landmarks** → объекты, символизирующие национальную гордость, мощь и процветание страны; национальные символы государственного процветания; следствиями действия данного фактора является междисциплинарность слово- и терминопотреблений, а также высокая ситуативная зависимость предложенных и других возможных прочтений рассматриваемых терминов [Власенко, 2006а, с. 26—27];
 - недостаточной разработанностью терминологического поля определенного концепта (обычно в междисциплинарных областях знаний), например термин вещного права: **custodian trustee** → опекун, в обязанности которого входит забота о доверительной собственности, но не входит в обязанность управлять ею; термин, одновременно используемый в банковской сфере, аудите, финансовом

и уголовном праве: money laundering → легализовать доходы, полученные преступным путем; проводить нелегальные доходы через финансовую отчетность легально существующих предприятий; придавать нелегальным доходам законный характер, (профжарг.) «отмывать» капитал (деньги);

- дисбалансом, или несоразмерностью, синонимических рядов, при котором численность синонимических рядов для обозначения референтно-тождественного концепта (семантически близкого понятия) в ИЯ и ПЯ не совпадает; иными словами, наличие одного термина в ИЯ и нескольких или определённого множества терминов в ПЯ для описания одного и того же или близкого по смыслу концепта в языках-коммуникантах [Власенко, 2007а; 2007б], например термин предпринимательского и финансового права: контрольный (мажоритарный) пакет акций → *controlling interest, controlling stock, majority ownership, controlling stake, majority holding, majority stake, majority interest*; термин экономической статистики и бухгалтерского учета: наличный объем товарно-материальных запасов (запас материальных оборотных средств) → *stock on hand, on-hand stock, stock in hand, inventory on hand, on-hand inventory, inventory in stock, available inventories*; термин финансового права, банковского дела: конечный баланс, итоговое сальдо, конечный остаток, итоговое сальдо на конец периода → *ending balance, closing balance*.

Описанные факторы и примеры англо-русских терминологических соответствий ставят переводчика перед проблемой переводческого выбора, обуславливая необходимость наличия у него устойчивого навыка текстовосприятия и текстопостроения. Кроме того, серьезным фактором лакунизации ТО выступает синонимия отраслевой терминологии [Власенко, 2007а; 2006а, с. 62—63, 69—71].

Терминологическая синонимия: наличие нескольких или определённого множества терминов для описания одного и того же или референтно тождественного (семантически близкого) понятия, обозначающего действие, событие, явление или состояние в какой-либо предметной области, соотносимые с каким-либо одним отраслевым концептом; показателен концепт юридической концептосферы, широко употребляемый в договорном праве «форс мажор», имеющий следующие речевые реализации в языках-коммуникантах: *force majeure, force majeure circumstances, the Act of God, superior force, elemental forces, Providence, the law of impossibility, divine intervention, the law of randomness* → *форс-мажор, форс-мажорные обстоятельства, непреодолимая сила, непреодолимые обстоятельства, непредвиденные обстоятельства, закон невозможного, стихийная(ые) сила(ы), провидение, сила провидения, стихийное бедствие, высшие силы, закон невозможного, закон случайных событий*;

непреодолимые силы, действие которых в случае их наступления освобождает стороны договора от ответственности за его неисполнение; вмешательство высших сил; природные катаклизмы, послужившие причиной невыполнения контракта и др.

Ситуации подобного рода ставят переводчика перед проблемой переводческого выбора из большого набора имеющихся альтернатив, при этом сделать адекватный выбор переводчик сможет при наличии зрелого опыта вербализации (подробнее см. [Власенко, 1999; 2005; 2006а, с. 88—89]).

Неопределенность как фактор принятия переводческого решения: условия неопределённости обусловлены рядом факторов, среди которых выделим следующие:

- объективное отсутствие словарных эквивалентов в ИЯ и ПЯ, невзирая на доступность лексикографических источников;
- высокая степень синонимии среди имеющихся конвенциональных соответствий в терминологических системах ряда областей знаний и сфер деятельности;
- незнание переводчиком имеющихся конвенциональных соответствий и прецедентов перевода в рассматриваемой предметной области;
- отсутствие специальных знаний, включая незнание переводчиком предыстории рассматриваемого в ТО вопроса, незнание общей тематики и конкретной проблематики дискурса;
- недостаточность арсенала переводческих наработок (переводческого инструментария) и опыта;
- несформированность практических навыков текстовосприятия и текстопостроения, т.е. опыта декодирования (распредмечивания) и вербализации;
- чрезвычайно жесткие условия выполнения перевода, как правило, дефицит времени.

Текстовое пространство может по-разному ощущаться переводчиками как лакунизированное, вследствие чего лакунизированность ТО, его «рассыпавшаяся» в сознании переводчика логика построения или смысловая несвязность требуют оперативной реконструкции смыслового контура ТО для завершения процедуры перевода. Лакунизированный текст, как указано выше, порождает сложности в предметном понимании исходного смысла. Под «предметным пониманием» полагаем целесообразным понимать декодирование, или распредмечивание, переводчиком смыслового содержания ТО в процессе активного восприятия посредством корректного прочтения, опознания и идентификации представленных в нем знаний. Последнее является следствием успешного соотнесения переводчиком представленных в ТО специальных

знаний со своими фоновыми и (или) отраслевыми знаниями (о прагматических аспектах восприятия текста [Власенко, 2007б; Шабес, 1990]).

Высока вероятность того, что переводчику без предварительной подготовки может не хватить языковой компетенции для означивания на русском языке термина гражданского и уголовного судопроизводства *unnecessary warrant* → *ордер, не являющийся необходимым для производства предписанных им процессуальных действий*, или общеупотребительной лексемы *appointment*, которая в юридическом контексте наследственного права обретает омоним со значением *распределение наследственного имущества по доверенности*.

Макроконтекст как инкорпорированный фактор переводческого решения

Одним из последствий перевода лакунизированного текста во многих случаях становится заимствование или калькирование непонятых и потому не полностью распредмеченных переводчиком единиц ТО. При этом переводчик варьирует речезыковыми средствами в пределах границ гипотетического осмысления расплывчатых для понимания фрагментов переводимого текста, смысловые границы которых нечётки и которые, как правило, являются следствием непрозрачности контекста употребления или трудности соотносения речезыковых воплощений с событием-прототипом [Власенко, 2006а, с. 56; 2009; Шабес, 1990, с. 9—12]. Здесь уместно сослаться на В.Я. Шабеса, который рассматривает событие как «основную единицу фонового знания, репрезентирующую тривиальные типизированные динамические когнитивные сущности», и как «обобщенный инвариант, обладающий свойствами прототипа», указывая при этом, что «именно система событий является базой совместных знаний в коммуникативных актах» двух и более коммуникантов [Там же, с. 11—12].

Перевод термина банковского дела и финансового права *дружеский индоссант; индоссант, учинивший «дружеский» индоссамент* (от англ. *accommodation endorser*) служит наглядной иллюстрацией включённости, или инкорпорированности, макроконтекста — отраслевой сферы, корпоративной культуры и т.п. — в непосредственное решение, принимаемое переводчиком при выборе речезыковых средств в ПЯ.

Извечный вопрос о достаточности понимания ТО через план выражения при определении значения использованной в нем терминологии для переводчиков-практиков прост: непосредственный лингвистический контекст (микроконтекст) для понимания терминов зачастую достаточен, но для вербализации на ПЯ — не всегда.

Примером может служить перевод термина финансового права *on account request* → *требование частичного платежа в счет причитающейся суммы* или термина гражданского права *disruptive behaviour* → *поведение, нарушающее порядок судебного заседания*. Приведённые русскоязычные эквиваленты указывают на присутствие в русскоязычных соответствиях таких уточняющих компонентов макроконтекста, как *частичный платеж, причитающаяся сумма и судебное заседание*, что неоспоримо указывает на ситуационно-деятельностные элементы значения, привнесённые макроконтекстом.

Аналогичная ситуация наблюдается и с терминами других отраслей знаний: торгово-коммерческий термин *referral leads* → *потенциальные клиенты компании, обычно рекомендованные ей предыдущими клиентами, которых удовлетворили оказанные им ранее услуги*; термин трудового права *insourcing* → *использование внутренних ресурсов (как правило, кадровых) для обеспечения нормального хода производственного процесса (компании, предприятия)*. Их декодирование требует специальных знаний для правильного распрямления и дальнейшего означивания на русском, поскольку заключённый в них смысл представляет самостоятельную пропозицию, сжатую в части речевого воплощения. И здесь русскоязычное соответствие прямо указывает на экспликацию референтного пространства как технику перевода и макроконтекстные знания, воплощённые в речевом построении на русском.

Наши выводы о переводе как о речемыслительной деятельности, опирающейся не только на «оперирование кодом вербальных смыслов» [Леонтьев, 1974, с. 31], согласуются с результатами исследования В.Я. Шабеса, на которое мы не раз ссылались выше, о том, что «речемыслительная деятельность, учитывающая связь языка (речи) и мышления, необходимо должна включать репрезентацию единиц фонового знания» [Шабес, 1990, с. 30]. В связи с этим использование макроконтекстных знаний для достижения большей последовательности изложения в ТП — неотъемлемая часть языковой и профессиональной компетенции переводчика, в особенности при переводе лакунизированных текстов.

В заключение отметим, что настоящая статья, далеко не исчерпывая всего круга вопросов в рамках затронутой проблематики, вместе с тем позволяет обобщить ряд ее аспектов, в частности, касающихся тактики переводчика в сфере профессиональной коммуникации, контексты существования которой по определению могут быть непрозрачны для понимания и декодирования [Сорокин, Власенко 1998]. Лакунизированный текст оригинала ставит переводчика перед необходимостью использования активных тактик и приемов перевода, основанных на субъективном опыте, знаниях и языковой компетенции. Основная техника перевода лакунизи-

рованного текста сводится к использованию комплекса методов и приемов, включающих среди прочего связующий вывод, расширительное толкование и переводческие решения, основанные на собственных умозаключениях переводчика, его логических выводах в условиях неопределённости смысла переводимого текста, его фрагментов или отдельных единиц. В широком смысле такой перевод — один из видов понимания текста, основанный на обращении интерпретирующего переводчика к своей картине мира и направленный на производство качественного текстового продукта, функционально и коммуникативно эквивалентного оригиналу.

Список литературы

- Бубнова И.А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): Автореф. ... докт. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 2008.
- Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.
- Ванников Ю.В.* К обоснованию общей теории перевода и теории перевода научно-технической литературы // Теория перевода и сопоставительный анализ языков: Сб. научн. ст. / Под ред. Э.М. Медниковой. М., 1985а. С. 131—141.
- Ванников Ю.В.* Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности: Метод. пособие / ГКНТ СССР. Всесоюзный центр переводов. Ч. I. М., 1985б.
- Ванников Ю.В.* Научно-технический перевод как особый вид деятельности (структура, перспективы исследования и рационализация) // Научно-технический перевод: Сб. ст. / ГКНТ СССР. Всесоюзный центр переводов. М., 1987. С. 31—54.
- Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 1996.
- Власенко С.В.* Перевод финансовой литературы: аспекты интерпретации // Филологические науки в МГИМО. М., 1999. № 1 (16). С. 93—101.
- Власенко С.В.* Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реалии—профессионализмы в языковой паре английский—русский // Филологические науки в МГИМО. М., 2005. № 21 (37). С. 129—140.
- Власенко С.В.* Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // С.В. Власенко. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский—русский: Учебник по спец. «Юрист-переводчик», «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». М., 2006а. С. 16—90.
- Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределённости // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы 5-й межвуз. науч. конф. М., 2006б. С. 211—214.

- Власенко С.В.* Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем // Вестн. МГЛУ. Серия «Лингвистика». М., 2007а. Вып. 532. С. 171—183.
- Власенко С.В.* Прагматический аспект текстовосприятия в англо-русском отраслевом переводе // Вестн. МГЛУ. Сер. Лингвистика. М., 2007б. Вып. 537. С. 208—221.
- Власенко С.В.* Когнитивная стилистика: английские рамочные конструкции как компоненты стилистической схемы представления картины мира англоговорящих // Вестн. МГЛУ. Сер. Лингвистика. М., 2007в. Вып. 522. С. 62—71.
- Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопросы филологии / РАН. Ин-т языкознания. 2008а. № 3 (30). С. 65—75.
- Власенко С.В.* Грамматические трансформации в англо-русском отраслевом переводе с позиций теории лакун // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика. М., 2008б. Вып. 553. С. 35—46.
- Власенко С.В.* Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009а. № 1. С. 20—29.
- Власенко С.В.* Социологемы — комплексные наименования социально-экономических институтов и внутриведомственных должностей (англо-русские сопоставления) // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков / Матер. междунауч. конф. к 100-летию проф. А.В. Кунина / МГЛУ. М., 2009б. С. 32—34.
- Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики / РАН. Ин-т языкознания. 2007. Вып. № 5. С. 41—45.
- Гавриленко Н.Н.* Теоретические и методические основы подготовки переводчиков научно-технических текстов: Монография. М., 2004.
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М., 1988.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М., 2004.
- Глазачева Н.Д.* Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков): Автореф... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Залевская А.А.* О некоторых аспектах связи между формой и значением слова // Текст как психолингвистическая реальность: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания. Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1982. С. 42—60.
- Залевская А.А.* Перевод как понимание // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово и текст: Избранные труды. М., 2005. С. 367—369.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
- Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. М., 2003.

- Леонтьев А.А.* Факторы вариантности речевых высказываний // Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / РАН. Ин-т языкознания. М., 1993. С. 16—21.
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода / Пер. с исп. М., 2008.
- Пумпянский А.Л.* Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский языка. 2-е изд., доп. М., 1981.
- Рябцева Н.К.* Металингвистические знания в теории и практике перевода // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М.-Калуга, 2007. С. 102—111.
- Рябцева Н.К.* Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. ПермГУ / Под ред. Е.А. Баженовой. Пермь, 2008. Вып. 12. С. 12—26.
- Сахно С.Л.* Следы номинативной деятельности говорящего в тексте // Проблемы перевода текстов разных типов: Сб. науч. тр. / АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. А.Д. Швейцер. М., 1986. С. 34—45.
- Солсо Р.Л.* Когнитивная психология / Пер. с англ. Под общ. ред. В.П. Зинченко. М., 1996.
- Сорокин Ю.А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения: Сб. науч. тр. / АН СССР. Ин-т языкознания / М., 1977. С. 166—173.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Ю.А. Сорокин. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. С. 5—34.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе // Hermeneutics in Russia. Tver State University, Russia. 1998. Vol. 2. N 2 (<http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>).
- Сорокин Ю.А., Клюканов И.Э.* Психолингвистика и перевод // Введение в психолингвистику. Текст лекций. Часть II. М., 1991. С. 57—77.
- Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987. С. 65—75.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М., 1987.
- Чернов Г.В.* Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // Текст и перевод: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Д. Швейцера. М., 1988. С. 51—63.
- Черняховская Л.А.* Информационная структура текста как объект перевода // Текст и перевод: Сб. науч. ст. / Под ред. проф. А.Д. Швейцера. М., 1988. С. 17—24.
- Шабес В.Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. ... дис. докт. филол. наук. Л., 1990.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика: Эволюция связей // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Материалы научно-практич. конф. Воен. ун-та МО РФ (18 февраля 1999 г.). М., 1999. С. 254—257.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб., 2006 [2003].
- Эко У.* Перевод // Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. и прим. А. Миролюбовой. СПб., 2009 [1993]. С. 352—358. (Сер. Становление Европы).

Лексикографические источники

- АРФС:* Англо-русский финансовый словарь: В 2 т. / Сост. В.Я. Факов. М., 2005. Т. 1.
- БАРФЭС:* Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2000.
- БАРИОС:* Большой англо-русский юридический словарь / Сост. Пивовар А.Г. М., 2003.
- НАРБЭС:* Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Сост. Федоров Б.Г. СПб., 1995.
- АВВУУ:* АBBYU LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary. — АBBYU Software Ltd., 2006 (www.Lingvo.ru).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

И.Ю. Шабига,

канд. ист. наук, доцент, преподаватель факультета Высшая школа перевода и исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: shabag@land.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ (от подстрочника к переводу)

Методика перевода с античных (древнегреческого и латинского) языков значительно отличается от методики перевода с современных западноевропейских языков. Основное отличие заключается в том, что герменевтический этап переводческой работы требует расшифровки и толкования не только оригинального текста, но и (в подавляющем большинстве случаев) дословного перевода. Это объясняется наличием в греческом и латинском языках синтаксических конструкций (оборотов *Nominativus/Accusativus cum infinitivo*, *Nominativus/Accusativus cum participio*, *Genetivus/Ablativus absolutus*, особая причастная конструкция), прямых соответствий которым в современном русском языке нет, а также широким употреблением периодической речи и особым, не характерным для русского языка способом связи между словами.

В статье на примере отрывков из пяти различных по характеру произведений (биографического, естественно-научного, публицистического: речи увещательные и панегирические, — и эпистолярного) подробно анализируется, как работает мысль переводчика и каким образом рождается точный по смыслу и отвечающий нормам литературного русского языка перевод античного текста.

Ключевые слова: древнегреческий, латынь, методика перевода, подстрочник, переводческие трансформации.

I.Y. Shabaga,

Cand. Sc. (History), Ass. Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and Department of History (Lomonosov MSU)

Translating Ancient Languages: from Literal to Leterary Translation

The methods of translation from Ancient Greek and Latin into Russian are considerably different from those of the translation from modern Western European languages. In the former case, the hermeneutical stage of translation does not consist in interpretation of the source text only, but in its literal translation as well. Besides, there are many peculiar syntactic constructions not present in modern Russian language (such as *Nominativus/Accusativus cum infinitivo*, *Nominativus/Accusativus cum participio*, *Genetivus/Ablativus absolutus*) but typical for the periodic speech in the ancient languages.

Based on the analysis of five different works (biographic, on natural science, publicistic (exhortatory and eulogistic speeches), and epistolary) the process of proper translation from the above mentioned languages is shown.

Key words: ancient Greek, Latin, methods of translation, literal translation, translational transformations.

Методика перевода с древнегреческого и латинского языков на русский значительно отличается от методики перевода с языков современных¹. Это отличие обусловлено прежде всего, как представляется, разницей в мировосприятии античного и современного человека, что проявляется в несколько ином, по сравнению с современным, мышлении и в ином способе грамматического оформления понятийного аппарата².

В частности, грамматические связи внутри предложения в греческом языке и в латыни часто выражаются особыми синтаксическими конструкциями, утраченными (совершенно или в значительной степени) современным русским языком: Nominativus/Accusativus cum infinitivo, Ablativus absolutus в латинском языке; Nominativus/Accusativus cum infinitivo/participio, Genetivus absolutus и особая причастная конструкция в греческом, и т.д. Глагольное управление и категория переходности/непереходности может изменять семантическое значение одного и того же глагола. Так, например, глагол ἐργάζομαι в непереходном значении означает «работать, трудиться», в переходном — «обрабатывать, создавать, делать», причём глагольное управление у сходных и даже тождественных по семантике глаголов в греческом/латинском и в русском языках может различаться. Например, русский глагол «помнить» считается с предложным падежом (*помню о тебе*), а латинский глагол *meminisse* с тем же значением — с родительным или винительным падежами (*memini tui/te*). Напротив, если при глаголе *meminisse* стоит косвенное дополнение в Ablativus с предлогом, что соответствует русскому предложному падежу, то этот глагол имеет значение «упоминать» (*de te meminī*).

Ввиду указанных и множества других особенностей греческого/латинского языков, при работе с античным текстом необходимо следовать особой методике его анализа и перевода, которая предполагает жёсткое и последовательное выполнение целого ряда операций с целью получения дословного перевода³. Такой перевод с точки зрения русской литературной нормы является, как правило, очень «корявым», поскольку сохраняет нехарактерную для рус-

¹ Имеются в виду современные западноевропейские языки.

² Ср. с лингвистической гипотезой Сепира—Уорфа, согласно которой, напротив, именно структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира — Кузнецов А.М. Сепира—Уорфа гипотеза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 443.

³ Количество таких последовательных операций, в зависимости от структуры латинского предложения, может достигать до пятнадцати. См.: И.Ю. Шабига. Латинский язык в таблицах: Учеб. пособие. М., 2001. § 85.

ского языка структуру греческого/латинского предложения. В то же время он позволяет предельно ясно понять не только общий смысл высказывания, но и его малейшие нюансы, которые на заключительном этапе переводческой работы передаются средствами литературного русского языка.

Ниже на примере отрывков из пяти произведений разного рода, написанных древнегреческими и латинскими авторами, показывается, как в результате осмысления подстрочника переводчик получает адекватный по смыслу и построенный в соответствии с нормами литературного русского языка окончательный вариант перевода. В качестве примера используются те отрывки, которые ярко иллюстрируют основные особенности перевода с греческого⁴ и латинского языков.

Пример № 1⁵ представляет собой отрывок из биографии знаменитого афинского политического деятеля и поэта Солона (конец VI—V вв. до н.э.), принадлежащей перу древнегреческого писателя Плутарха (46—119 гг. до н.э.). Произведения Плутарха очень информативны и увлекательны, однако его язык и стиль небезупречны: конец предложения часто не соответствует его началу, тяжёлые периоды⁶ прерываются различными вставками, одно понятие часто выражается двумя синонимичными словами, разницу между которыми уловить очень трудно. Иллюстрацией этого служит приводимый ниже отрывок.

(1) γενέσθαι δὲ μετ' ἀλλήλων ἔν τε Δελφοῖς ὁμοῦ λέγονται καὶ πάλιν ἐν Κορίνθῳ, Περιάνδρου σύλλογόν τινα κοινὸν αὐτῶν καὶ συμπόσιον κατασκευάσαντος ἔτι δὲ μᾶλλον εἰς ἀξίωμα καὶ δόξαν αὐτοῦς κατέστησεν ἢ τοῦ τρίποδος περίοδος καὶ διὰ πάντων ἀνακύκλις καὶ ἀνθύπειξις μετ' εὐμενείας φιλοτίμου γενομένη. (2) Κῶων γάρ, ὡς φασι, καταγόντων σαγήνην, καὶ ξένων ἐκ Μιλήτου πριαμένων τὸν βόλον οὐπω φανερόν ὄντα, χρυσοῦς ἐφάνη τρίπους ἐλκόμενος, ὃν λέγουσιν Ἑλένην πλέουσαν ἐκ Τροίας αὐτόθι καθεῖναι χρησμοῦ τινος ἀναμνησθεῖσαν παλαιοῦ⁷.

⁴ Здесь и далее имеется в виду древнегреческий язык.

⁵ Цит. по книге: *Плутарх*. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 160.

⁶ «Периодом» называется такая форма сложноподчинённого предложения, когда придаточное или ставится впереди главного, или одно или несколько придаточных вводятся в состав главного предложения.

⁷ Текст приводится по изданию: Plutarchus. Vitae parallelae: In 4 vol. Vol. 1. Rec. C. Sintenis. Lipsiae, 1877. P. 157—158.

Дословный перевод	Перевод С.И. Соболевского ⁸
<p>1. Говорят, что сошлись друг с другом в том же месте/в то же время в Дельфах и опять/снова — в Коринфе, так как Периандр устроил какое-то общее собрание для них и выпивку/пирушку, а ещё больше к почёту/уважению и к славе поставил их треножника обход/круговращение и через всех круговращение/круговой обход и взаимная уступка, с ревностной/честолюбивой доброжелательностью сделанная.</p> <p>2. Ведь, как говорят, в то время как косцы (жители острова Кос) вытаскивали невод и пришельцы/чужеземцы из Милета купили сеть, ещё не бывшую ясной/очевидной, <они> явно/очевидно вытянули/вытащили золотой/великолепный треножник, который, как говорят, Елена, плывущая из Трои, здесь бросила, о каком-то предсказании оракула вспомнившая древнем.</p>	<p>1. Рассказывают, что <i>эти учёные</i>⁹ сошлись <i>однажды</i> в Дельфах, а потом в Коринфе, где Периандр устроил какое-то пиршество. Но ещё больше уважения и славы <i>доставила им история</i> с треножником, <i>который</i> обошёл их всех, как по кругу, и который они уступали друг другу с благожелательным соревнованием.</p> <p>2. Косские <i>рыбаки</i> (так гласит молва) закидывали сеть, и приезжие из Милета купили <i>улов</i>, ещё не зная, каков он будет. <i>Оказалось</i>, что они вытащили треножник, который, по преданию, Елена, плывя из Трои, бросила тут, вспомнив какое-то старинное предсказание оракула.</p>

Сразу скажем, что С.И. Соболевский совершенно адекватно передал смысл греческого текста. Однако, чтобы добиться этого, ему пришлось произвести целый ряд переводческих трансформаций (грамматических и лингвистических). Так, С.И. Соболевский значительно перестроил структуру греческого предложения, содержащего синтаксические конструкции, не характерные для современного русского языка: обороты *Nominativus cum infinitivo*, *Genetivus absolutus*, особую причастную конструкцию и *Accusativus cum infinitivo*.

Посмотрим подробнее, как работает мысль переводчика. В предложении примера 1¹⁰ он упрощает две пары синонимов: сочетания *σύλλογος* и *συμπόσιον* («собрание» и «пирушка с возлияниями») и *περίοδος* и *ἀνακύκλησις* («обход/круговращение» и «круговра-

⁸ Перевод выполнен выдающимся русским филологом, блестящим знатоком античности и автором учебников по грамматике древнегреческого и латинского языков С.И. Соболевским.

⁹ Все добавленные переводчиком слова здесь и далее выделены курсивом.

¹⁰ Это сложносочинённое греческое предложение состоит из двух простых предложений со сказуемыми *λέγονται* и *κατέστησεν*; в составе первого из них присутствует оборот *Nominativus cum infinitivo* (при пропущенном имени оборота), соответствующий русскому придаточному дополнительному, и оборот *Genetivus absolutus causae*, соответствующий русскому придаточному причины.

шение/круговой обход»): первую пару С.И. Соболевский передаёт одним словом «пиршество», которое включает в себя оба греческих понятия, а вторую — оборотом «обошёл... как по кругу». Кроме того, в переводе меняется сама структура предложения в той его части, где в греческом тексте субъектами действия являются «треножник» и «взаимная уступка»: с точки зрения русского языка это звучит нелепо.

Структура греческого предложения в примере 2¹¹ изменена полностью, поскольку смысл главного предложения, простого по структуре в оригинальном тексте, на русский язык адекватно возможно передать лишь при помощи сложноподчинённого предложения с двумя придаточными. Поэтому, чтобы избежать нагромождения придаточных, С.И. Соболевский разбил большое и неуклюжее в дословном варианте русское предложение на два самостоятельных.

Далее. Как было указано выше, в греческом тексте, присутствует так называемая особая причастная конструкция, т.е. причастие, употреблённое в предикативной функции в составе сказуемого при субъекте действия. В нашем случае причастие ἐλκόμενος (participium praesentis medii) соединено с глаголом φαίνομαι (в форме 3 s. aoristus II indicativi activi). На русский язык греческое предикативное причастие переводится, как правило, глаголом в личной форме, а греческий глагол — наречием. Однако сделанный по всем правилам дословный перевод не удовлетворителен с точки зрения русского языка, и С.И. Соболевский адекватно передаёт смысл греческого оригинала при помощи русского придаточного изъяснительного <оказалось,> «что они вытащили». Налицо и такой переводческий приём, как добавление отсутствующих в оригинале слов, взятых из контекста.¹²

Пример № 2 — это отрывок из девятнадцатой речи греческого ратора Либания (IV век н.э.), перу которого принадлежит огромное количество увещательных и хвалебных речей и писем. Речи Либания написаны хорошим языком, основанным на являвшемся литературной нормой аттическом диалекте; в то же время для ри-

¹¹ Сложноподчинённое греческое предложение состоит из (1) главного, включающего особую причастную конструкцию, и двух оборотов Genetivus absolutus temporis, соответствующих русским придаточным предложениям времени; (2) вводного предложения ὡς φασι и (3) придаточного относительного ὃν λέγουσιν Ἑλένην πλέουσιν ἐκ Τροίας αὐτόθι καθεῖναι χρησμοῦ τινος ἀναμνησθεῖσαν παλαιού, в состав которого входит оборот Accusativus cum infinitivo, соответствующий русскому придаточному дополнительному.

¹² С другой стороны, непонятно, почему С.И. Соболевский снял в переводе определение χρυσοῦς («золотой» или «великолепный»): как представляется, оно употреблено Плутархом не случайно, а чтобы показать, что Елена во исполнение оракула бросила не обычный, бронзовый, а очень дорогой золотой треножник.

тора характерны не-ожиданные скачки мысли, большие, зачастую путанные периоды, а также вычурность и некоторая искусственность языка. Особенность стиля Либания видна и в приводимом отрывке.

(22) ...οἱ τοίνυν Σκύθην τινὰ στρατιώτην αἰτιαθέντα τι ἐπὶ μὲν δικάστηριον οὐκ ἀγαγόντες, ἐπὶ δὲ τὴν θάλατταν μετὰ τὴν ἐν τῇ γῆ σφαγὴν προσαποστεροῦντες καὶ ταφῆς ἐλύπησαν μὲν οἷς ἐτόλμησαν κινεῦντες τὸ Σκυθικόν, ἔδεισαν δὲ τὴν ὀργὴν καὶ οὐδὲ ὅλην ἡμέραν, ἀλλ' ἐλπίσαντες πεινήσειν ἦσαν ἐν ἄρτῳ πάλιν παρὰ τῶν διαλλαγῶν¹³.

Дословный перевод	Перевод С. Шестакова ¹⁴
Итак, те, кто скифа какого-то, воина, обвинённого в чём-то, не в суд привели, а в/на море, после убийства на суше и погребения лишая, с одной стороны, раздражили/огорчили, каковым/чем осмелились, тревожа/беспокоя скифство/скифский мир, с другой — испугались гнева/негодования и притом не в течении целого дня, но, ожидая/опасаясь голодать, были при хлебе снова/опять от/благодаря примирения.	...итак те ¹⁵ , кто некоего воина, скифа, обвинённого в чём-то, в суде не представили, а вывезли в море, после убийства на суше лишая его, сверх того, и погребения, оскорбили тем, что дерзостью этою раздражили скифов, но страшились гнева даже не целый день, но после опасений, что придётся голодать, снова, благодаря примирению, получили хлеб.

Греческий период состоит из (1) главного предложения и (2) придаточного относительного οἷς ἐτόλμησαν, причём структура главного предложения, с точки зрения греческой грамматики, довольно проста: оно состоит из группы подлежащего (само подлежащее — субстантивированное выражение οἱ τοίνυν Σκύθην τινὰ στρατιώτην αἰτιαθέντα τι ἐπὶ μὲν δικάστηριον οὐκ ἀγαγόντες, ἐπὶ δὲ τὴν θάλατταν — и определений к нему, выраженных причастными оборотами προσαποστεροῦντες καὶ ταφῆς, κινεῦντες τὸ Σκυθικόν и ἐλπίσαντες πεινήσειν) и трёх сказуемых ἐλύπησαν, ἔδεισαν и ἦσαν ἐν ἄρτῳ.

С. Шестаков практически полностью сохранил структуру греческого предложения, однако именно это сделало его перевод

¹³ Текст приводится по изданию: Libanii Opera: In 2 vol. / Rec. R. Foerster. Vol. 2. Orationes 12—25. Lipsiae, 1904. P. 395.

¹⁴ Перевод даётся по книге: Речи Либания / Пер. с прим. С. Шестакова: В 2 т. Т. 2. Казань, 1916. С. 293. Этот перевод является единственным полным переводом речей Либания на русский язык..

¹⁵ Речь в этом отрывке идёт о жителях города Антиохии-на-Оронте (совр. г. Антакия в Сирии).

крайне неудовлетворительным. Во-первых, перед нами, строго говоря, не перевод, а подстрочник. Во-вторых, этот подстрочник не точен¹⁶: в результате буквального следования греческому порядку слов получилось, будто антиохийцы оскорбили воина-скифа тем, что раздражили скифский народ, в то время как в оригинале сказано, что, напротив, как раз оскорбление воина-скифа послужило причиной волнений всего скифского мира: οἱ τοίνυν Σκύθην τινὰ στρατιώτην αἰτιαθέντα τι ἐπὶ μὲν δικαστήριον οὐκ ἀγαγόντες... ἐλύπησαν... κινούντες τὸ Σκυθικόν. Иначе говоря, слепое следование греческой конструкции извратило в русском переводе смысл оригинального предложения.

Для того, чтобы адекватно передать смысл греческого текста, необходимо сделать целый ряд переводческих преобразований, и прежде всего — разбить большой период Либания на две самостоятельные фразы. Кроме того, структуру ряда мест в греческом периоде следует изменить в соответствии с требованиями русского синтаксиса, а также добавить целый ряд слов, отсутствующих в оригинале, но совершенно понятных из контекста и необходимых в русской версии.

В итоге всех этих преобразований получается следующий перевод.

В самом деле, они¹⁷ некоего воина-скифа, обвинённого в каком-то преступлении, не отвели, *как положено*, в суд, а *вывезли* в море, *предварительно* убив его на суше и *таким образом* лишив *возможности* быть погребённым: *тем самым* они осмелились встревожить скифский мир. И тем не менее *скифского* гнева они боялись даже не целый день, а, после одних лишь опасений, что им *придётся* испытывать голод, снова стали получать хлеб *благодаря подписанию* мирного договора.

Пример № 3 — отрывок из восьмой книги энциклопедического труда римского писателя Плиния Старшего (I век н.э.), посвящённой описанию наземных животных. Сочинение Плиния представляет собой компилятивное изложение материала, почерпнутого, по его собственным словам, из более чем двух тысяч книг древнегреческих и латинских авторов. Главным критерием отбора была занимательность и необычность материала. Слог Плиния неровный — одни места написаны стилистически очень хорошо, другие же из-за искусственной сжатости языка довольно темны и трудны для понимания. Образец последнего представлен ниже.

¹⁶ В подавляющем большинстве случаев русский текст С. Шестакова адекватно, хотя и в устаревшей форме, передаёт смысл речей Либания.

¹⁷ Жители Антиохи.

(214) ...sunt ibices pernicitatis mirandae, quamquam onerato capite vastis cornibus gladiatorum ceu vaginis; in haec se librat ut tormento aliquo rotatus, in petris potissimum e monte alio in alium transilire quaerens, atque recusu pernicious quo libuerit exultat¹⁸.

Дословный перевод ¹⁹	Перевод И.Ю. Шабага
<p>...существуют ибиксы, удивительные быстротой/ловкостью, хотя голова отягощена огромными рогами, словно ножнами для мечей; в них он себя мечет/бросает с размаху как какой-то катапульты/метательной машиной закрученный, на скалах особенно с утёса/ скалы одного на другой перепрыгнуть стремящийся, а также благодаря отскакиванию/обратному толчку быстрее/ проворнее, куда захотел, прыгает/выпрыгивает.</p>	<p>...существуют <i>альпийские козероги</i> (ибиксы)²⁰ — животные удивительно проворные, хотя их головы увенчаны огромными тяжёлыми рогами, <i>напоминающими</i> ножны для меча: их туловище устремляется за этими <i>рогами</i> как вращающийся <i>снаряд</i>, выпущенный из какой-то катапульты, особенно когда ибиксы стремятся перепрыгнуть с одного крутого утёса на другой; отталкиваясь <i>от поверхности</i>, они <i>добиваются</i> до нужного места всего в несколько быстрых прыжков.</p>

Латинский отрывок представляет собой, по существу, два самостоятельных предложения, (1) первое из которых — простое (sunt ibices pernicitatis mirandae), включающее оборот Ablativus Absolutus “quamquam onerato capite vastis cornibus gladiatorum ceu vaginis”, соответствующий русскому придаточному уступительному. Второе предложение — это период, в котором в состав (1) главного предложения in haec se librat ut tormento aliquo rotatus, in petris potissimum e monte alio in alium transilire quaerens, atque recusu pernicious exultat вставлено (2) придаточное относительное с оттенком причины quo libuerit.

Как мы видим, дословный перевод латинского текста требует глубокого осмысления. Основная трудность заключается в том, что в латинском тексте связи слов не характерны для русского языка, вследствие чего приходится значительно изменять структуру латинского предложения. Так, с точки зрения русского языка совершенно недопустима такая, например, конструкция, как

¹⁸ Текст приводится по изданию: Pliny. Natural History: In 10 vol. / With an Engl. transl. by H. Rackham, M.A. Vol. 8. Lnd., 1947. P. 148.

¹⁹ Не указанное авторство дословного и/или окончательного перевода означает, что перевод выполнен И.Ю. Шабага.

²⁰ Латинское название этого животного — *capra ibix* (*Брэм А.Э. Жизнь животных: В 3 т. Т. 1. М., 1992. С. 426*).

«ибикс с размаху бросает себя в рога» или «как какой-то катапультай/метательной машиной закрученный». Точно так же пришлось заменить латинское существительное *recusus* «отскакивание/обратный толчок» на русское деепричастие «отталкиваясь <от поверхности>», а латинский оборот *Ablativus absolutus concessivus* (*operato capite*), соответствующий русскому уступительному предложению «хотя голова отягощена огромными рогами», заменить словами «их головы увенчаны огромными тяжёлыми (наличие этого слова обусловлено содержащимся в латинском тексте причастии *operato*) рогами», что адекватно и в соответствии с нормами русской речи передаёт содержание латинского предложения.

Точно так же пришлось поступить и со словами *in petris... e monte* «на скалах/ горах... со скалы/утёса»: употребление синонимов понято здесь как усиление понятия, и потому переведено выражением «крутая скала». Что касается латинского наречия в сравнительной степени *pernicius* при глаголе-сказуемом *exultat* «прыгает быстрее» (без объекта сравнения), то, чтобы добиться адекватности перевода, структуру последней части предложения пришлось значительно переделать.

Пример № 4 — отрывок из хвалебной речи (панегирика) римского ритора Назария, произнесённой в 321 году в честь победы императора Константина I над его политическим противником императором Максенцием (*Pan. Lat. X* 4. 4—5). В приведённом отрывке описывается решающая битва императоров около Мульвийского моста через Тибр. Панегирик написан хорошим отточенным латинским языком, следующим классическим канонам; в то же время характерная для речи Назария краткость создаёт определённые (иногда значительные) трудности для её понимания и перевода.

(4) *Apud Tiberim igitur suos instruit sic ripae locatos ut ultimorum vestigia praesagio quodam eventurae cladis unda fatalis allueret, ita vero multitudine suppeditante ut ultra quam visus agi posset extenta acies pertineret, (5) non quo frons imbecilla tractu invalido duceretur, sed tanta subsidiorum atque ordinum confirmatione ut acies non porrectior quam robustior mirum utrumque praeberet, quod eam nec constipatio contraxisset nec longitudo tenuaret*²¹.

²¹ Текст приводится по изданию: *Panegyriques Latines: In 3 vol. / Texte établi et trad. par Ed. Galletier. Vol. 2. P., 1952. P. 189.*

Дословный перевод	Перевод И.Ю. Шабага
<p>4. Итак, у Тибра он своих выстроил таким образом расположенных/расставленных на речном берегу, что ступни самых дальних/последних, так как существовало какое-то предсказание о несчастье/бедствии, которому предстояло случиться, роковая/гибельная волна/вода омывала, с другой стороны, так как численность/многочисленная армия была столь обильна/имелась в таком изобилии, что далее, на каковую взгляд мог направляться, протяжённая/обширная боевая линия/боевой строй тянулась,</p> <p>5. не каковым бессильным/слабосильным растягиванием/протяжённостью бессильная/немощная передняя линия/передовая тянулась/вытягивалась, но благодаря такому укреплению/упрочению резервов/вспомогательных отрядов, а также шеренг/боевого строя, что боевая линия/боевой строй не более протяжённая/обширная, чем более сильная/мощная, и то и другое/оба чудо доставляла/поставляла, так как её и скопление/нагромождение не стягивало/сжимало/суживало, и длина/протяжённость не истончала/ослабляла.</p>	<p>4. Итак, он²² выстроил своих <i>воинов</i> у Тибра, расположив их на берегу таким образом, что, согласно некоему предсказанию о грядущей катастрофе, ноги стоящих в последней шеренге воинов омывали <i>оказавшиеся</i> роковыми <i>для них</i> волны реки. При этом численность его армии была столь велика, что взглядом <i>невозможно было охватить то пространство</i>, на котором она была развёрнута.</p> <p>5. К тому же передний край <i>его войска</i> не был ослаблен тем, что растянулся на огромное расстояние; напротив, его поддерживали такие <i>мощные</i> резервы и такое множество <i>воинов</i> в <i>тыловых</i> шеренгах, что боевой строй был столь же крепким, сколь и протяжённым, являя собой двойное чудо: он и не сократился <i>ввиду концентрации сил в одном месте</i>, и не истончился ввиду своей протяжённости.</p>

Как видно из дословного перевода, связи между словами в тексте оригинала и сам строй огромного латинского периода очень своеобразны. Это и обусловило главную трудность при переводе данного отрывка, поскольку, чтобы получить текст, отвечающий литературным нормам русского языка, пришлось коренным образом переосмыслить и изменить всю структуру латинского предложения.

Итак, латинский период состоит из (1) главного предложения *arud Tiberim igitur suos instruit sic ripae locatos* («у Тибра он своих выстроил таким образом расположенных/расставленных на речном берегу») и шести придаточных предложений: трёх предложений следствия, в первое из которых (2) вставлено два оборота *Ablativus Absolutus*²³ “*ut ultimorum vestigia praesagio quodam eventurae cladis unda fatalis allueret, ita vero multitudine suppeditante*”, соответствующих русским придаточным причины, причём от второго оборота *Ablativus Absolutus* зависит (3) придаточное следствия *ut ultra extenta acies pertineret*, в которое, в свою очередь, вставлено (4) придаточное определительное с оттенком причины *quam visus*

²² Император Максенций.

²³ Выделены курсивом.

agi posset; (5) придаточного предложения относительного с оттенком следствия *non quo frons imbecilla tractu invalido duceretur sed tanta subsidiorum atque ordinum confirmatione* и зависящего от него (6) придаточного следствия *ut acies non porrectior quam robustior mirum utrumque praeberet*, от которого зависит (7) придаточное причины *quod eam nec constipatio contraxisset nec longitudo tenuaret*.

В русском переводе латинский период пришлось разбить на три самостоятельных сложноподчинённых предложения. В то же время в окончательном варианте были сняты два придаточных предложения причины, соответствующих латинским оборотам *Ablativus Absolutus causae*: «так как существовало какое-то предсказание <о несчастьи/бедствии, которому предстояло случиться>» и «так как численность/многочисленная армия была столь изобильна/имелась в такой изобилии», а также придаточное относительное «на что взгляд мог направляться». Кроме того, *participium futuri activi*²⁴ “*eventurae <cladis>*”, переданное в дословном переводе придаточным предложением определительным «...которому предстояло случиться», было заменено выражением «<согласно некоему предсказанию> о грядущей катастрофе».

Текст примера 5, являющийся второй частью латинского периода, передан, как было отмечено выше, самостоятельным русским предложением. При этом вместо присутствующего в оригинале косвенного дополнения *tractu invalido* (*Abl. s. causae*) «бессильным/слабосильным растягиванием/протяжённостью») введено придаточное предложение следствия «<тем,> что растянулся на огромное расстояние», а слова «благодаря такому укреплению/упрочению резервов/вспомогательных отрядов, а также шеренг/боевого строя» (*tanta subsidiorum atque ordinum confirmatione*), по-русски звучащие очень тяжеловесно, переведены как «такие *мощные* резервы и такое множество *воинов* в *тыловых* шеренгах».

В целом этот отрывок из речи Назария служит наглядной иллюстрацией того, что, дабы передать в русском переводе красоту, уравновешенность и изящество латинской фразы, следующей высоким классическим образцам, приходится значительно перерабатывать текст оригинала, добиваясь столь же полного соответствия перевода нормам литературного русского языка.

Пример № 5 — отрывок из письма императора Константина I, в котором он благодарит ратора Публилия Оптациана Порфирия за посвящённый ему панегирик (326 год). Вряд ли император сам написал это послание — скорее всего оно было создано в недрах его канцелярии и является образчиком официальной императорской переписки. Стиль письма лаконичен и в то же время витиеват.

²⁴ Причастие будущего времени действительного залога, прямого соответствия которому в русском языке нет.

(9) Gratum mihi est studiorum tuorum felicitatem in illud exisse, ut in pangendis versibus dum antiqua servaret etiam nova iura sibi conderet. (10) Vix hoc custoditum a pluribus fuit, ut nodis quibusdam artis innexi citra interventum vitii inculpatum carmen effunderet. (11) Tibi nominum difficultate opposita, numero litterarum, distinctionibus versuum (qui ita medium corpus propositi operis intermeant, ut oculorum sensus interstincta colorum pigmenta delectent) hoc tenere propositum contigit, ut haesitantiam carmini multiplex legis observantia non pareret²⁵.

Дословный перевод	Перевод И.Ю. Шабага ²⁶
<p>9. Приятно мне, что успех/удача трудов твоих в том/до того состоялся/поднялся, что в сложении/сочинении стихов, в то время как оно старые соблюдает/сохраняет, оно также новые предоставленные законом права/возможности для себя пишет/составляет.</p> <p>10. Едва/навряд ли то соблюдено/сохранено многими было, что/чтобы они, так как существуют трудности/препятствия/помехи какие-то/ некие для занятия/искусства, вплетённого/привязанного без появления/вмешательства недостатка/погрешности безупречную/безукоризненную песнь/стих(отворение) произносили/производили в изобилии.</p> <p>11. Что касается тебя, хотя слов/терминов затруднительность/капризность/своенравие противостоит, хотя налицо обилие букв, хотя налицо различия/отличительные признаки стихотворных строк (которые так срединное/существенное тело/корпус выставленного/открытого произведения/творения насквозь проходят, что глаз ощущения/восприятия разделённые/разобшённые цветов/красок/оттенков краски/красящие вещества улаждают), так <тебе> достичь/овладеть намерения/замысла выпало на долю/ случилось, что запинку/замешательство для песни/стиха сложное/многообразное закона/ правила/ порядка соблюдение/почитание не создавало/производило.</p>	<p>9. Меня радует, что твоё <i>профессиональное</i> мастерство достигло таких высот, что при сочинении стихов ты пользуешься и <i>уже известными способами стихосложения, и изобретаешь новые.</i></p> <p>10. Едва ли большинству <i>поэтов</i> было под силу — ввиду известных трудностей этого <i>замысловатого вида</i> искусства — создать безупречные стихи, совершенно свободные от недостатков.</p> <p>11. Тебе же, несмотря на то, что из множества слов с трудом приходилось выбирать лишь <i>нужные</i>; несмотря на огромное количество букв, <i>составляющих твои стихи</i>; несмотря на то, что ты <i>использовал при их написании</i> различные стихотворные размеры, а эти <i>ключевые</i> фразы, выделенные различными цветами, пронизывают <i>массив</i> основного текста таким образом, что восхищают взор, — <i>несмотря на всё это тебе</i> удалось создать стихи, не нарушив при этом сложных и многообразных законов стихосложения.</p>

²⁵ Текст приводится по изданию: *Optatianus Porfyrius P. Opera / Rec. L. Müller. Leipzig, 1877. S. 9.*

²⁶ Цит. по: *Шабага И.Ю.* Публилий Оптациан Порфирий: Панегирик императору Константину / Кентавр — Centaurus. *Studia classica et medievalia.* М., 2008. С. 56.

Наибольшая трудность при переводе этого отрывка состояла в том, чтобы подобрать соответствующие русские эквиваленты, поскольку способ выражения мысли и связь между словами в латинском тексте, с чем мы уже сталкивались при анализе латинского текста в Примере № 4, совершенно не свойственны русскому языку. Ясно, например, что в переводе невозможно сохранить естественные для языка оригинала выражения «удача твоих трудов», или «оно <сочинение стихов> пишет для себя новые законы», или «разобшённые краски оттенков»: эти и подобные дословно переведённые выражения требуют осмысления с тем, чтобы адекватно передать их средствами литературного русского языка.

Достаточно сложна и структура латинских предложений. Так, первое из них (9) состоит из главного предложения (1) *Gratum mihi est studiorum tuorum felicitatem in illud exisse*, в состав которого включён оборот *Accusativus cum infinitivo* (выделен курсивом), соответствующий русскому придаточному дополнительному «что успех/удача трудов твоих в том/до того состоялся/поднялся», с зависящим от него (2) придаточным следствия *ut in pangendis versibus etiam nova iura sibi conderet*, в которое, в свою очередь, вставлено (3) придаточное времени *dum antiqua servaret*. Второе латинское предложение (10) имеет на удивление простую структуру: оно состоит из (1) главного предложения *Vix hoc customditum a pluribus fuit* и (2) придаточного изъяснительного *ut nodis quibusdam artis in-nexi citra interventum vitii inculpatum carmen effunderet*, включающего в себя оборот *Ablativus Absolutus causae*, который соответствует русскому придаточному причины: в окончательном переводе это придаточное заменено вводным предложением «ввиду известных трудностей этого замысловатого вида искусства».

Наибольшее осмысления потребовало третье предложение (11), тяжеловесное с точки зрения русского языка, но вполне уравновешенное и гармоничное с точки зрения латыни. Предложение это представляет собой большой период, состоящий из (1) главного предложения *Tibi nominum difficultate opposita, numero litterarum, distinctionibus versuum hoc tenere propositum contigit* и зависящего от него придаточного следствия (2) *ut haesitantiam carmini multiplex legis observantia non pareret*. В свою очередь главное предложение включает в себя три оборота *Ablativus Absolutus concessivus* (*nominum difficultate opposita, numero litterarum, distinctionibus versuum*), соответствующих русским придаточным уступительным предложениям, от третьего из которых зависит (3) придаточное определительное с оттенком причины *qui ita medium corpus prop-*

ositi operis intermeant, а от него, в свою очередь, — (4) придаточное следствия ut oculorum sensus interstincta colorum pigmenta delectent.

Как видно из сопоставления дословного и окончательного переводов, в целом структуру латинского предложения сохранить удалось, за исключением того, что зависящее от главного предложения придаточное следствия ut haesitantiam carmini multiplex legis observantia non paretet было заменено деепричастным оборотом «не нарушив при этом сложных и многообразных законов стихосложения».

Наибольшая же трудность, как уже было отмечено, заключалась в подборе русских эквивалентов для тех латинских выражений, которые в дословном переводе зачастую просто непонятны. Кроме того, на примере этого отрывка хорошо видно, что для получения максимально точного перевода в тех случаях, когда смысл латинского текста не прозрачен, для уяснения семантики того или иного слова необходимо использовать синонимичные ряды. Так, например, в окончательном варианте для дословно переведённых выражений «успех/удача твоих трудов» подобран приемлемый с точки зрения литературного русского языка эквивалент «*профессиональное* мастерство»; «противостоит затруднительность/капризность/своенравие слов/терминов» — «из множества слов *с трудом* приходилось выбирать лишь *нужные*», и т.д.

В заключение подведём итоги.

Как было сказано выше, для анализа нами были отобраны отрывки из пяти произведений разного рода: биографического, естественно-научного²⁷, публицистического (речи увещательные и панегирические) и эпистолярного. Это сделано для того, чтобы показать те присущие греческому/латинскому тексту особенности, которые, вне зависимости от его жанровой принадлежности, определяют специфику работы с любым античным текстом.

К этим особенностям относится, прежде всего, являющаяся практически литературной нормой периодическая речь и разного рода синтаксические конструкции, не имеющие прямых аналогов в современном русском языке, а также своеобразный характер связей между словами в греческом/латинском предложении. В результате получаемый дословный перевод подчас нуждается почти в таком же осмыслении, как и сам оригинальный текст. Это обуславливает самую важную особенность герменевтического этапа

²⁷ Следует оговориться, что цитируемый труд Плиния не является «научным» в полном смысле слова. В нём бессистемно и некритично изложены как вполне научные факты, почерпнутые из произведений серьёзных греческих и латинских исследователей, так и совершенно фантастические истории.

работы с античным текстом: расшифровке и толкованию подлежит не только оригинал, но и его дословный перевод. В ряде случаев, как было показано выше²⁸, подстрочник бывает попросту непонятен, и потому, прежде чем приступить к лингвистическому и собственно переводческому этапу работы, подчас приходится долго и мучительно думать над тем, что же хотел сказать античный автор.

Итак, основные переводческие преобразования, которые необходимо проводить при работе с греческим/латинским текстом, таковы:

1. Греческий/латинский периоды, как правило, дробятся на несколько отдельных предложений. Более того, подчас приходится дробить и простые предложения, особенно когда в их состав входят синтаксические конструкции, передаваемые в русском языке при помощи придаточных предложений.

2. Часто необходимо упрощать или даже изменять всю конструкцию античного предложения, поскольку буквальное воспроизведение его структуры может привести к извращению смысла оригинала.

Что касается латинского языка, то необходимость изменения структуры оригинального текста часто бывает вызвана тем, что в латинском языке, по сравнению с русским (и древнегреческим), очень широко используются пассивные конструкции. Грамматически это объясняется тем, что в русском языке страдательные формы могут быть образованы только от переходных глаголов (за рядом исключений типа «перейти, (по)целовать, уколоть, слышать» и др.)²⁹, в то время как в латыни они могут быть образованы не только от всех переходных, но и от ряда непереходных глаголов (но только в форме 3-го лица единственного числа в безличном значении)³⁰. Во втором случае дословный перевод попросту невозможен. Например, латинскую пассивную форму *dormītur* (3 s. praes. ind. pass.) нельзя перевести русским непереходным глаголом с постфиксом *-ся* «спится», поскольку русская форма имеет значение, не присущее оригиналу («спится» = «хочется спать»): адекватный перевод формы *dormītur* — «спят». Более того, в зависимости от контекста латинский пассив можно перевести на русский язык семью различными способами³¹.

²⁸ См. текст примера № 5.

²⁹ *Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. М., 1993. С. 168—170.

³⁰ *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология. Синтаксис. М., 1999. § 190, 425, 669.

³¹ *Шабага И.Ю.* Указ. соч. § 79.

С другой стороны, одной из особенностей древнегреческого языка является очень широкое использование субстантивации. При этом в отличие, скажем, от русского языка, где субстантивация применяется ограниченно, в греческом языке субстантивируются не только все части речи, но и выражения с предлогами, и обороты *Nominativus* и *Accusativus cum infinitivo*, и целые предложения, причём во всех падежах, числах и родах (по большей части в мужском и среднем). Это, конечно же, создаёт определённые трудности при переводе. Так, в примере 2 подлежащее выражено субстантивированным причастным оборотом *οἱ τοίνυν Σκύθην τινὰ στρατιώτην αἰτιαθέντα τι ἐπὶ μὲν δικαστήριον οὐκ ἀγαρόντες, ἐπὶ δὲ τῆν θάλατταν*: при переводе на русский язык эту часть предложения пришлось существенно переработать ввиду отсутствия в русском языке конструкции, аналогичной греческой.

3. Необычный с точки зрения русского языка характер связи между словами (сочетаемость слов) в древнегреческом/латинском предложении часто требует добавления в переводе слов, отсутствующих в оригинале, но вполне понятных из контекста. Более того, без добавления этих слов смысл античного предложения может быть непонятен³², и потому обычно (но отнюдь не всегда) русский перевод на треть превышает объём античного текста.

4. Для уяснения точного смысла авторского текста очень часто приходится выстраивать синонимические ряды.

В целом приходится признать, что те трудности, с которыми переводчик сталкивается при работе с текстом, написанным на любом современном западноевропейском языке, многократно увеличиваются при работе с античным текстом.

Список литературы

- Брэм А.Э. Жизнь животных: В 3 т. Т. 1. М., 1992.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М., 1987.
Речи Либания / Пер. с прим. С. Шестакова: В 2 т. Т. 2. Казань, 1916.
Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология. Синтаксис. М., 1999.
Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия (монография). М., 1997; *Ran. Lat.* III, VI, IX / Вступит. статья, пер. с лат., коммент. // *Вестн. древней истории.* 1996 № 3; 1997. № 1—2; Латинский язык в таблицах: Учеб. пособие. М., 2001.
Шабига И.Ю. Латинский язык в таблицах: Учеб. пособие. М., 2001.
Шабига И.Ю. Публилий Оптациан Порфирий: Панегирик императору Константину. М., 2008.

³² Например, см. пример № 5.

- Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. М., 1993.
- Libanii Opera: In 2 vol. / Rec. R. Foerster. Vol. 2. Orationes 12—25. Lipsiae, 1904.
- Panegyriques Lanins: In 3 vol. Texte établi et trad. par Ed. Galletier. Vol. 2. P., 1952.
- Pliny. Natural History: In 10 vol. With an engl. transl. by H. Rackham, M.A. Vol. 8. Lnd., 1947.
- Optatianus Porfyrius P.* Opera / Rec. L. Müller. Leipzig, 1877.
- Plutarchus.* Vitae parallelae: In 4 vol. Vol. 1. Rec / C. Sintenis. Lipsiae, 1877.

M. Ballard,

Professor of Research Centre "Lettres et Langues", Artois University, Arras
(France)

PROVERBE ET TRADUCTION

The article is devoted to the translation of proverbs. The author reviews formal and semantic characteristics of proverbs and their social meaning. He notes that the main principle is to look for possible variants in the lexis of the target and source languages. Using the French and English languages, the author shows the main ways of attaining equivalence in translating proverbs and systematizes difficulties.

Key words: proverbs, translating proverbs, language lexis, proverb functioning in speech.

Le proverbe est un énoncé figé complet visant à transmettre une vérité d'expérience ou un conseil de sagesse pratique ; il fait partie de la mémoire collective d'une communauté linguistique (ou d'un de ses sous-groupes) et se présente comme un héritage de la sagesse populaire ou ancestrale ; il est exprimé en une formule souvent lapidaire, plus ou moins elliptique et généralement imagée ; par exemple : *The more, the merrier*.

Le proverbe appartient à la classe des idiomes, c'est-à-dire un ensemble de formes figées, de différentes tailles, caractéristiques d'une langue et d'une civilisation, et dont l'interprétation peut s'avérer problématique pour un récepteur étranger. Parmi ces formes on a des syntagmes comme les collocations, des fragments d'énoncés comme les expressions idiomatiques et enfin des énoncés complets comme les proverbes.

Le proverbe, comme les figements de manière générale, est souvent associé à l'idée de traduction globale et régulière, une sorte de traduction automatique où l'on substituerait un énoncé à un autre par le biais du dictionnaire. Ce serait bien entendu avoir une vue assez simpliste du problème (mais nous verrons qu'elle existe, de façon implicite, dans certaines pratiques observables) que d'envisager la question ainsi. Notre point de vue étant celui d'une traductologie réaliste, c'est-à-dire fondée sur l'observation du travail des traducteurs, nous avons travaillé sur un corpus large, offrant des proverbes, que nous avons confronté aux traductions publiées ou effectuées par nous-même. La présentation ordonnée des résultats de ces observations intègre ce qui nous semble être les paramètres fondamentaux de tout acte de traduction : les caractéristiques de l'objet d'étude (en l'occurrence : les proverbes), le répertoire d'équivalences préexistantes à l'acte du

М. Балляр,

профессор научно-исследовательского центра «Филология и языки»
Университета Артуа, Аррас (Франция)

ПОСЛОВИЦА И ПЕРЕВОД

В статье освещаются вопросы перевода пословиц. Автор рассматривает формальные и семантические характеристики пословиц, их социальную значимость. Он отмечает, что основной принцип перевода пословиц заключается в поиске возможных эквивалентов в лексических фондах языков, контактирующих в переводе. На материале французского и английского языков автор показывает основные пути достижения эквивалентности при переводе пословиц и систематизирует возникающие затруднения.

Ключевые слова: пословицы, перевод пословиц, лексический фонд языка, функционирование пословиц в речи.

Пословица — устойчивое законченное высказывание, передающее истину, проверенные опытом, или житейскую мудрость; она является частью коллективной памяти языкового сообщества (или одной из его групп) и представляет собой наследие народной мудрости, идущей от предков; она выражается в виде краткого, более или менее эллиптического, чаще всего образного высказывания, например: *The more, the merrier*¹.

Пословицы входят в состав фразеологических выражений, которые представляют собой совокупность устойчивых форм разного размера, характерных для того или иного языка или культуры, понимание которых может вызвать сложности у иностранца. К этим формам относятся устойчивые словосочетания, фрагменты высказывания, т.е. фразеологизмы, а также законченные высказывания, представленные пословицами.

Считается, что пословицы, как и устойчивые выражения вообще, следует всегда переводить как целостную единицу, автоматически заменяя одно высказывание на другое посредством словаря. Это представляет собой упрощенный взгляд на проблему перевода пословиц (но такая точка зрения неявно содержится в некоторых рассматриваемых методах). Мы отстаиваем позицию реалистического переводоведения, т.е. основанного на осмыслении работ разных переводчиков. Был проведен анализ обширного материала, касающегося пословиц, переводы которых уже существовали, или же они были сделаны нами. Результаты наших наблюдений, представленные в упорядоченном виде, включают в себя то, что нам кажется основными параметрами любого перевода: характеристики объекта исследования (в нашем случае пословиц), перечень уже существующих соответствий, выбор переводчиком наиболее при-

¹ Чем больше, тем веселее.

traducteur, l'option de traduction adoptée par le traducteur (de façon consciente ou inconsciente ; implicite ou explicite), les configurations textuelles qui sollicitent l'action du traducteur.

Caractéristiques du proverbe

Les caractéristiques formelles du proverbe sont liées à sa fonction, et peut-être serait-il plus juste d'ailleurs de parler de ses fonctions, au pluriel. L'utilisation d'un proverbe est générée par une situation, dont il fait le commentaire. Ce commentaire peut être simplement l'énoncé d'une morale, un constat, ou alors une incitation à agir, un conseil.

Exemple de constat : une personne attend des nouvelles de quelqu'un et n'en reçoit pas, elle peut dire (pour se rassurer) : « *No news is good news* : pas de nouvelles, bonnes nouvelles ».

Exemple de conseil : une personne peut exprimer sa confiance en quelqu'un qui lui semble particulièrement amène et son interlocuteur peut répondre : « *Still waters run deep* : il n'est pire eau que l'eau qui dort/méfiez vous de l'eau qui dort ».

De façon générale, le proverbe, par son commentaire, exprime une prise de distance avec la situation vécue en la rattachant à d'autres situations analogues, qui ont permis à une sorte de sagesse ou de savoir collectif (et souvent populaire) de s'élaborer. Certains traits linguistiques révèlent le caractère généralisant, prescriptif ou incitatif des énoncés : assertions non modalisées en majorité (on transmet des certitudes) ; la valeur généralisante du message (il vous concerne ou la situation à laquelle le proverbe est appliqué) se marque par l'utilisation du présent simple, de l'article générique *the* renvoyant à des types, de l'article indéfini renvoyant à des classes.

Ce sont donc ces constats, cette sagesse, ce savoir, ces conseils, que le proverbe s'efforce de véhiculer avec force à l'aide d'éléments formels que sont le figement et des procédés stylistiques. Le figement (comme une loi, une prière) atteste l'ancienneté de sa source et fonctionne comme une sorte de stéréotype qui s'impose et emporte l'adhésion de l'interlocuteur (on ne se met pas en dehors de la pensée commune). La nature stylistique du proverbe se marque dans l'utilisation de certains procédés : l'ellipse: *When in Rome do as the Romans do* (ellipse de 'you are'); l'assonance : *A friend **in need** is a friend **indeed*** ; l'allitération: *Spare the rod and **spoil** the child* ; l'image, la métaphore: *Once **bitten**, twice shy* ; la répétition: *No **news** is good **news***. Par ces moyens, le proverbe constitue une sorte d'énoncé-texte, une forme déjà travaillée, élaborée, qui vise à produire un effet stylistique en vue de transmettre un message. Les caractéristiques du proverbe se retrouvent dans une

емлемого варианта (сознательный или бессознательный, скрытый или явный), структурные особенности контекста, с которым работает переводчик.

Характеристики пословицы

Формальные характеристики пословицы напрямую связаны с ее функцией, возможно, правильнее будет сказать с ее функциями. Использование пословицы связано с ситуацией, реакцией на которую она является. Это может быть просто высказывание морализаторского толка, констатация факта, побуждение к действию, совет.

Пример констатации факта: человек, который ждет новостей от другого, но не получает их, может сказать (чтобы успокоить себя): «*No news is good news*: нет новостей — хорошие новости».

Пример совета: человек может выразить свою уверенность в ком-либо, кто ему кажется особенно любезным, а собеседник может ответить: «*Still water run deep*: в тихом омуте черти водятся».

Обобщая можно сказать, что пословица своим пояснением дает возможность взглянуть на ситуацию со стороны, сближая ее с другими подобными ситуациями, которые способствовали возникновению некоей житейской мудрости или коллективного знания (зачастую, идущего из народа). Некоторые лингвистические черты указывают на обобщающий, предписывающий, побудительный характер такого рода высказываний: большей частью невыраженная модальность утверждения (так как передается уверенность), содержащееся в высказывании обобщение (пословица касается вас или ситуации, в которой она употреблена) выражается посредством простого настоящего времени, обобщающего артикля *the*, отсылающего к типу, неопределенного артикля, отсылающего к классу.

Эти утверждения, мудрость, знание, советы и старается передать пословица с помощью формальных элементов — устойчивой формы и стилистических приемов. Устойчивая форма (как и в случае с законами, молитвами) свидетельствует о древности источника и играет роль некоего стереотипа, который довлеет над собеседником и привлекает его участие (не выходя за рамки общей мысли). Стилистические особенности пословиц отмечены использованием определенных приемов: эллипсиса: *When in Rome do as the Romans do* (эллипсис *you are*); ассонанса: *A friend in need is a friend indeed*; аллитерации: *Spare the rod, spoil the child*; образов, метафор: *Once bitten, twice shy*; повторов: *No news is good news*². С помощью этих приемов пословица становится своего рода высказыванием-текстом, заранее созданной, выработанной формой, которая производит определенный стилистический эффект с целью передать сообщение. Подобные характеристики присущи и рекламным слоганам — спе-

² В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Друг познается в беде; Пожалеешь розгу — испортишь ребенка; Обжегшись на молоке, дуют на воду; Отсутствие новостей — хорошие новости.

forme d'énoncé texte créatif qui lui ressemble par son souci de toucher et de convaincre le destinataire : le slogan publicitaire.

Il convient, en outre de souligner la nature sociolinguistique du proverbe ; elle est perceptible dans son rattachement à une culture spécifique, ceci se marque : dans le renvoi direct à certains référents (*an apple a day keeps the doctor away* ne peut provenir que d'une civilisation où l'on mange des pommes) et dans les référents utilisés comme métaphores : *Hunger drives the wolf out of the wood* ne peut provenir que d'une civilisation où l'on a des loups ; « *a penny saved is a penny gained* se rattache, de façon étroite, à la civilisation britannique par l'évocation de sa monnaie.

Enfin, la sémantique du proverbe est liée à la nature métaphorique de certains d'entre eux et concerne leur degré d'interprétation immédiat ; ce qui fait que les proverbes ont des degrés divers d'opacité : certains ont un sens direct (*Better late than never*) ; d'autres ont un sens indirect (*A rolling stone gathers no moss*) ce dernier proverbe possède un sens second, mais il n'est pas opaque, il peut se déduire par interprétation au second degré des référents. Le référent apparent du sujet est « une pierre », le référent réel (second), à découvrir, est « l'homme ». Le sens de ce message est que : « on ne s'enrichit pas (ou on ne se fait pas une situation stable) à courir le monde, à changer sans arrêt ».

Etant données ces caractéristiques intralinguistiques, il nous faut maintenant examiner à leur lumière la situation de traduction. Le principe d'équivalence, fondamental en traduction, voudrait que l'on reproduise les caractéristiques précédemment dégagées du proverbe mais la nature même du proverbe vient interférer avec l'action du traducteur. Le proverbe en tant que figement, parole collective, n'est pas un acte de langage personnel mais une citation d'une parole collective ; il faut donc, en principe pour que le proverbe traduit remplisse sa fonction qu'il soit le produit de la parole collective de la culture réceptrice afin d'être reconnu en tant que tel par le lecteur. Ceci détermine la base commune de la traduction des proverbes, c'est-à-dire l'utilisation des équivalences possibles entre les répertoires des deux langues mises en contact par la traduction.

La base transversale de la traduction : les répertoires

La pratique de la traduction fait vite apparaître la naïveté (surprenante mais qui mérite d'autant plus d'être soulignée) de Vinay et Darbelnet quand ils déclarent : « On trouvera assez facilement, dans des répertoires ad hoc, les équivalents des proverbes d'une langue à l'autre, puisqu'en général la "sagesse des nations" a fait partout les mêmes

циально созданным текстам-высказываниям, задача которых также заключается в том, чтобы убедить адресата.

Кроме того, следует подчеркнуть социолингвистическое значение пословиц; заключающееся в особой связи пословиц с культурой, что проявляется в прямой отсылке к определенным референтам³ (*an apple a day keeps the doctor away*⁴ может быть создано только в контексте культуры, где едят яблоки) и в референтах, используемых в метафорах: *Hunger drives the wolf out of the wood*⁵ может возникнуть только там, где есть волки; пословица *a penny saved is a penny gained*⁶ тесно связана с британской культурой через наименование монеты.

Наконец, семантика пословицы связана с метафорической природой некоторых из них с уровнем непосредственной интерпретации. Благодаря этому не все пословицы обладают одинаково прозрачным смыслом: у некоторых пословиц прямой смысл (*Better late than never*)⁷, у других — переносный (*A rolling stone gathers no moss*)⁸. У последней пословицы есть второй смысл, но он достаточно прозрачен и выводится через вторичную интерпретацию референта. Явным референтом подлежащего является «камень», а реальным (вторичным) референтом, который и предстоит отыскать — «человек». Смысл этого послания заключается в следующем: «Нельзя обогатиться (или обеспечить себе стабильное положение), путешествуя по миру, постоянно меняясь».

Учитывая все эти внутрилингвистические особенности, нам предстоит рассмотреть проблему перевода пословиц. Принцип эквивалентности, являющийся в переводоведении основополагающим, требует, чтобы все выделенные ранее характеристики были воспроизведены, но здесь сама природа пословицы вступает во взаимодействие с переводчиком. Пословица, будучи устойчивым оборотом, передающим коллективное высказывание, не является индивидуальным речевым актом, а цитированием коллективного высказывания. Следовательно, нужно, чтобы переведенная пословица продолжала выполнять свои функции, чтобы она оставалась результатом коллективного высказывания в культуре читателя и могла бы быть им узнана в качестве таковой. Основной принцип перевода пословицы заключается в поиске возможных эквивалентов между лексическим фондом обоих языков, участвующих в переводе.

Поперечная основа перевода: лексический фонд языка

Практика перевода быстро доказывает наивность (очевидную и от этого тем более заслуживающую внимания) Вине и Дарбельне,

³ Референт — объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный отрезок речи.

⁴ Яблоко в день приносит здоровье.

⁵ Голод и волка из лесу выманит.

⁶ Сэкономленный пенни — приобретенный пенни.

⁷ Лучше поздно, чем никогда.

⁸ Катящийся камень мхом не обрастает.

découvertes. » (V&D : 256). Tout d'abord, on ne trouve pas toujours les équivalents des proverbes dans les dictionnaires, ensuite la traduction permet précisément de se rendre compte que les proverbes en tant que productions culturelles reflètent des mondes et des visions du monde différents.

La comparaison des répertoires peut se fonder sur une opposition binaire entre les proverbes ayant un équivalent et ceux qui n'en ont pas d'attesté. Des proverbes comme : *When in Rome do as the Romans do* ou *A drowning man will clutch at a straw* n'ont pas de contrepartie pré-existante dans la culture française. Les dictionnaires de traduction, quand ils les mentionnent les traitent souvent sur le mode de la traduction littérale, par exemple, pour le dernier proverbe cité, *Le Robert et Collins* en propose la traduction suivante : « Un homme qui se noie se rattache à un fétu de paille ».

Pour ce qui est des proverbes ayant un équivalent, leur mise en équivalence (par le sens et la fonction) laisse paraître, au niveau des métaphores utilisées et des formulations linguistiques, des palettes d'équivalences analogues à celles que l'on peut observer lorsque le traducteur intervient dans la reformulation. Nous nous contenterons d'évoquer ici la palette d'équivalences observables au niveau des métaphores :

— certains énoncés non métaphoriques semblent être une traduction (presque) littérale l'un de l'autre : *Like father, like son* : Tel père, tel fils;

— certains énoncés utilisent des métaphores plus ou moins analogues : *When the cat's away the mice will play* : Quand le chat n'est pas là les souris dansent ;

— d'autres énoncés utilisent des métaphores différentes : *Once bitten, twice shy* (métaphore de la morsure) : Chat **échaudé** craint l'eau froide (métaphore de la brûlure) ;

— d'autres semblent être une traduction sémantique d'énoncés métaphoriques : *Birds of a feather flock together*: **Qui se ressemble s'assemble**.

L'utilisation de cette base de données repose sur une conception de la traduction que certains qualifieront d'acclimatante. Depuis les années quatre-vingt on a vu se développer en France, sous l'influence d'Antoine Berman en particulier une conception de la traduction 'importatrice' qui vise à apporter au lecteur le 'parfum de l'étranger', sensation intrinsèquement liée aux formes et qui ici consisterait sans doute à traduire *Birds of a feather flock together* par « les oiseaux de même plumage se rassemblent » au lieu de « **Qui se ressemble s'assemble** ». Berman s'est exprimé sur ce point au début de son étude

утверждавших: «В лексическом фонде любого языка очень легко найти эквиваленты для пословиц другого языка, так как открытия “мудрости народов” повсюду одинаковы» (Vinay, Darbelnet, 1966, p. 256). Прежде всего в словарях не всегда можно найти эквиваленты пословиц, помимо этого перевод как раз и позволяет понять, что пословицы как продукт определенной культуры отражают мировоззрение разных народов по-разному.

Сопоставление лексического фонда языков может основываться на бинарной оппозиции между пословицами, имеющими соответствия, и теми случаями, когда таких соответствий не выявлено. Такие пословицы, как *When in Rome do as Romans do* или *A drowning man will clutch at a straw*⁹ не имеют эквивалента, существовавшего ранее во французской культуре. Переводные словари, обозначая их, часто прибегают к дословному переводу, например для последней процитированной пословицы словарь *Le Robert et Collins* дает следующий перевод: «Un homme qui se noie se rattache à un fêtu de paille»¹⁰.

Что касается пословиц, имеющих соответствия, в них выбор эквивалента (смыслового и функционального) выявляет на уровне использованных метафор и языковых оборотов целую палитру различных соответствий, сопоставимую с теми, которые можно наблюдать, когда переводчик прибегает к переформулированию пословицы. Ограничимся упоминанием палитры соответствий, которые можно наблюдать в отношении метафор.

— некоторые неметафорические высказывания выступают в роли (почти) буквального перевода другой пословицы: *Like father, like son: Tel père, tel fils*¹¹;

— в некоторых высказываниях используются метафоры более или менее сходные: *When the cat is away the mice will play: Quand le chat n'est pas là les souris dansent*¹²;

— в других высказываниях используются различные метафоры: *Once bitten, twice shy* (метафора укуса): *Chat échaudé craint l'eau froide* (метафора ожога)¹³;

— некоторые высказывания являются смысловым переводом метафорических высказываний: *Birds of a feather flock together: Qui se ressemble s'assemble*¹⁴.

Использование этой базы данных лежит в основе концепции перевода, которую можно назвать адаптивной. Начиная с 1980-х гг. во Франции под влиянием, в частности, Антуана Бермана развивается концепция перевода, опирающаяся на источник, целью которой является донести до читателя «аромат чужой страны», пе-

⁹ Утопающий хватается за соломинку.

¹⁰ Человек, который тонет, хватается за соломинку.

¹¹ Каков отец, таков и сын.

¹² Когда кошка уходит, мыши играют; Когда кошка уходит — мыши танцуют.

¹³ Однажды укушенный становится осторожнее: Кошка, обжегшись, боится холодной воды.

¹⁴ Птицы с одинаковым оперением собираются вместе: Похожие сходятся.

sur ‘la traduction et la lettre’ (Berman 1985: 31—126) et nous aurons l’occasion de revenir plus loin sur cette question. On voit donc que d’emblée, face aux répertoires, se pose le problème de leur utilisation ou non ; faut-il en faire un principe absolu, constant, ou une affaire d’opportunité ? C’est en partie ce dont nous débattons dans la suite de notre exposé qui est fondé sur une étude de cas réels et non l’énonciation d’un principe absolu et uniforme.

Le proverbe in situ : le facteur textuel

Le proverbe appartient à un répertoire mais il est utilisé par un individu dans une situation, un contexte, à des fins multiples qui découlent de la fonction de commentaire, cette utilisation textuelle peut revêtir des formes diverses dont il convient de tenir compte pour sa traduction. Nous distinguerons entre l’utilisation droite et l’utilisation biaisée du proverbe.

La fonction commentaire droite

L’utilisation droite du proverbe peut fonctionner au premier et au second degré : c’est-à-dire en citation pleine ou allusive

La citation pleine

Dans ce cas, le proverbe est cité sous forme habituelle (plus ou moins normée) et rempli de façon directe, sa fonction de commentaire vis-à-vis de la situation. La traduction alors relève d’un choix entre l’équivalent attesté et le désir de rendre compte de la forme du proverbe :

Voici un exemple d’utilisation de l’équivalent attesté comme traduction :

*As for children, they’re beyond count, a boast I’ve heard my two-legged neighbours make also, but when it comes to the count, if the count is what they want (**the more the merrier**, I assume), I will bet on myself. (Highsmith : 18)*

[le locuteur est un cafard, qui raconte sa vie dans un hôtel] Quant aux enfants, impossible de les compter, ce dont j’ai entendu se vanter mes voisins à deux pattes, mais quand on fera les comptes, s’ils y tiennent vraiment (**plus on est de fous, plus on rit, je suppose**), c’est sur moi que je parierai. (Hardin : 19)

редать ощущение, имеющее глубинную связь с формой. В рамках этой концепции *Birds of a feather flock together* следовало бы, вероятно, переводить, как «les oiseaux de même plumage se rassemblent»¹⁵, а не «Qui se ressemble s'assemble». Берман говорит об этом в самом начале исследования, посвященного буквальному переводу (Берман, 1985, с. 31—126), и нам еще предоставится возможность вернуться к этому вопросу. Итак, мы видим, что с самого начала встает вопрос о том, стоит ли обращаться при переводе к лексическому фонду языка, а также является ли такой подход абсолютным и неизменным принципом или это зависит от конкретного случая? Мы будем говорить, в частности, и об этом в продолжении нашего сообщения, в основе которого лежат конкретные случаи, а не желание выдвинуть абсолютный принцип, основанный на обобщении.

Употребление пословиц: значение контекста

Пословицы входят в состав лексического фонда языка, но они используются людьми в конкретном контексте, конкретной ситуации для различных целей, которые вытекают из основной функции пословицы, заключающейся в реакции на ситуацию. Употребление пословицы в контексте может иметь разные формы, и на эти особенности следует обращать внимание при переводе. Мы разграничиваем *прямое* и *искажённое* употребление пословицы.

Прямое употребление пословицы

Прямое употребление в свою очередь может иметь различные уровни, т.е. пословица может быть процитирована полностью или частично.

Полное цитирование

В этом случае пословица цитируется в своем обычном виде (более или менее принятом) и прямо выполняет свою функцию реакции на ситуацию. У переводчика при этом есть выбор между существующим эквивалентом и желанием передать форму пословицы. Вот пример использования существующего эквивалента при переводе:

As for children, they're beyond count, a boast I've heard my two-legged neighbours make also, but when it comes to the count, if the count is what they want (the more the merrier, I assume), I will bet on myself. (Highsmith: 18)¹⁶

[говорящий — таракан, повествующий о своей жизни в отеле]
Quant aux enfants, impossible de les compter, ce dont j'ai entendu se vanter mes voisins à deux pattes, mais quand on fera les comptes, s'ils

¹⁵ Птицы с одинаковым оперением собираются вместе.

¹⁶ Что касается детей — они не поддаются исчислению, я слышал как хвастались мои двуногие соседи, но если дело дойдет до подсчета (чем больше, по моему, тем смешнее), я готов держать пари и ставлю себя самого.

Malgré l'existence d'un équivalent attesté, le traducteur peut estimer nécessaire ou préférable d'informer le public de la manière de dire usitée dans l'autre communauté par une traduction littérale ou une traduction glosée ou incrémentalisée, du type : « *comme disent les anglais* 'Quand on a été mordu une fois, on fait attention' » au lieu d'utiliser l'équivalent habituel: « Chat échaudé craint l'eau froide ». Certains ne prennent même pas cette précaution et pratiquent d'autorité la traduction littérale :

Bond frowned at him. 'Well, it's no good crying over spilt milk,' he said. We didn't the cover to stick for long, but it's worrying they bowled it out so soon.' (Fleming 1953: 31)

— bon, **ça ne sert à rien de pleurer sur le lait qu'on a renversé**, dit Bond en lui adressant un regard sévère. Nous n'espérons pas que la couverture tiendrait bien longtemps. Mais c'est ennuyeux qu'elle ait été fichue en l'air si rapidement. (Gilliard 1980 : 35)

Alors que le dictionnaire *Hachette-Oxford* donne pour traduction : « *(it's) no use crying over spilt milk* : ça ne sert à rien de pleurer sur ce qui est fait », et que à notre avis, on dit souvent en français : « ce qui est fait est fait ».

Face aux proverbes n'ayant pas d'équivalent attesté, nous avons signalé que la solution du dictionnaire, se limitant à une traduction sémantique, était souvent plate sur le plan stylistique ; c'est alors que le traducteur peut se montrer créatif et écrire un proverbe à l'aide de la langue d'arrivée.

Revenons sur le proverbe cité plus haut: « *A drowning man will clutch at a straw* », qui n'a pas de contrepartie pré-existante dans la culture française. *Le Robert et Collins* en propose la traduction suivante : « Un homme qui se noie se rattache à un fétu de paille »; le *Harrap's* : « un homme qui se noie se rattache à un brin de paille, se retient à tout ». Le traducteur peut se contenter de ces solutions toutes faites ou bien faire intervenir sa créativité et produire un énoncé utilisant, par exemple, le principe de l'assonance si souvent présente dans les proverbes : « Celui qui se noie se rattache à n'importe quoi ». Voici maintenant un exemple contextualisé :

My uncle said he was very sorry he had forgotten. He said he believed in the old saying: 'All work and no play makes Jack a dull boy.' (Joyce : 31)

y tiennent vraiment (**plus on est de fous, plus on rit, je suppose**)¹⁷, c'est sur moi que je parierai. (Hardin: 19)

Несмотря на существование готового соответствия, переводчик может счесть нужным или предпочтительным передать высказывание, используемое в другом языковом сообществе, с помощью буквального перевода или с помощью добавочного пояснительного комментария, например: «как говорят англичане, 'Quand on est mordu une fois, on fait attention'»¹⁸ вместо того, чтобы использовать привычное соответствие: «Chat échaudé craint l'eau froide». Некоторые не прибегают даже к такому приему и просто дают буквальный перевод:

Bond frowned at him. 'Well, it's no good crying over spilt milk,' he said. We didn't cover to stick for long, but it's worrying they bowled it out soon.' (Fleming 1953: 31)¹⁹

— bon, **ça ne sert à rien de pleurer sur le lait qu'on a renversé**²⁰, dit Bond en lui adressant un regard sévère. Nous n'espérons pas que la couverture tiendrait bien longtemps. Mais c'est ennuyeux qu'elle ait été fichue en l'air sirapidement. (Galliard, 1980, p. 35)

В то время как словарь *Hachette-Oxford* дает следующий перевод: «(it's) no use crying over spilt milk: ça ne sert à rien de pleurer sur ce qui est fait²¹», а по нашему мнению, это часто выражается по-французски так: «ce qui est fait est fait»²².

Что касается пословиц, для которых нет принятых соответствий, то, как мы отмечали ранее, попытка словарей ограничиться семантическим переводом часто оказывалась неудачной с точки зрения стилистики. Это как раз тот случай, когда переводчику стоит прибегнуть к творческому подходу и написать пословицу с помощью исходного языка.

Вернемся к приведенной ранее пословице: «A drowning man will clutch at a straw», для которой во французской культуре соответствия не существовало. *Robert et Collins* предлагает для нее следующее соответствие: «Un homme qui se noie se rattache à un fêtu de paille»; Harrap's: «Un homme qui se noie s rattache à un brin de paille, se retient à tout»²³. Переводчик может довольствоваться предложенными решениями или же призвать на помощь свое воображение и создать высказывание, используя, например, принцип ассонанса, так часто встречающийся в пословицах: «Celui qui se noie se rattache à n'importe quoi»²⁴. А вот пример из контекста:

¹⁷ Чем люди ненормальнее, тем веселее.

¹⁸ Один раз укушенный человек становится осторожнее.

¹⁹ Бонд грозно посмотрел на него. «Что сделано, то сделано (незачем сокрушаться о пролитом молоке)», — сказал он, — «мы не думали, что покрытие продержится долго, но досадно, что оно так быстро вышло из строя».

²⁰ Незачем плакать о перевернутом молоке.

²¹ Незачем плакать о том, что уже сделано.

²² Что сделано, то сделано.

²³ Человек, который тонет, хватается за соломинку, за все.

²⁴ Тот, кто тонет, хватается за все, что угодно.

Mon oncle répondit qu'il était très fâché d'avoir oublié.

Il dit qu'il croyait au vieil adage : « **Rien que du travail et point de plaisir fait de Jack un ennuyeux garçon.** » (Du Pasquier : 56)

Mon oncle dit qu'il était désolé d'avoir oublié.

Il ajouta qu'il croyait au vieux proverbe: **Il y a un temps pour travailler et un temps pour s'amuser.** (Aubert : 78)

Mon oncle se dit fort désolé d'avoir oublié. Il déclara qu'il croyait au vieux dicton : Travail sans jeux rend ennuyeux. (Tadié : 64)

Le dictionnaire *Harrap's* donne l'équivalence suivante : « On ne peut pas tj travailler ss se délasser » (H-O et R&C ne donnent aucun équivalent). Du Pasquier a produit une traduction littérale sans recherche, qui ne rend pas la forme, la stylistique du proverbe. Aubert semble avoir travaillé à partir d'un proverbe français équivalent : « il y a un temps pour tout » et, à partir de là, il reconstruit une forme où apparaît une opposition entre temps du travail et temps du loisir mais sans allusion aux effets de l'absence de loisir. Tadié produit une forme élaborée et séduisante : fondée sur une opposition entre travail et jeux soulignée par une assonance qui crée un effet de déductibilité

La citation allusive

Il peut s'agir d'une simple troncation : le caractère stéréotypé du proverbe suppose sa connaissance par l'interlocuteur et la citation tronquée permet de créer une connivence par la prise en charge du proverbe par celui à qui on laisse le soin de le rétablir complètement :

Here two men entered the room. One of them was a very fat man, whose blue serge clothes seemed to be in danger of falling from his sloping figure. [...]

'Hello, Crofton!' said Mr. Henchy to the fat man. 'Talk of the devil...' (Joyce : 127)

Ici, deux hommes entrèrent dans la chambre ; l'un d'eux était un homme très gras dont le costume de serge bleue semblait prêt à glisser des pentes de sa personne.

— Hullo, Crofton, dit M. Henchy au gros homme, **quand on parle du loup.** (Fernandez : 155)

My uncle said he was very sorry he had forgotten. He said he believed in the old saying: 'All work and no play makes Jack a dull boy.' (Joyce: 31)²⁵

Mon oncle répondit qu'il était très fâché d'avoir oublié.

Il dit qu'il croyait un vieil adage : « Rien qu du travail et point de plaisir fait de Jack un ennuyeux garçon.» (Du Pasquier: 56)²⁶

Mon oncle dit qu'il était désolé d'avoir oublié.

Il ajouta qu'il croyait au vieux proverbe : Il y a un temps pour travailler et un temps pour s'amuser. (Aubert: 78)²⁷

Mon oncle se dit fort désolé d'avoir oublié. Il déclara qu'il croyait au vieux dicton : Travail sans jeu rend ennuyeux. (Tradié: 64)²⁸

Словарь *Harrap's* дает следующее соответствие: «On ne peut pas tj travailler ss se délasser»²⁹ (Н-О R&C не дают соответствия). Дю Паскье сделал незатейливый буквальный перевод, который не передает форму и стилистические особенности пословицы. Обер отталкивался, вероятно, от сходной французской пословицы: «il y a un temps pour tout»³⁰ и из-за этого он создал высказывание, в котором появляется противопоставление между временем работы и временем отдыха без намека на результат отсутствия отдыха. Традье создал отточенное привлекающее внимание высказывание, основанное на противопоставлении работы и игры, подчеркнутым с помощью ассонанса, благодаря которому одно вытекает из другого.

Неполное цитирование

Речь может идти о простом усечении: устойчивый характер пословицы предполагает тот факт, что она знакома собеседнику, и усеченная цитата вовлекает собеседника в процесс расшифровки и полного восстановления пословицы:

Here two men entered the room. One of them was a very fat man, whose blue serge clothes seemed to be in danger of falling from his sloping figure. [...]

'Hello, Crofton!' said Mr Henchy to a fat man. 'Talk of the devil...' (Joyce: 127)³¹

Ici, deux hommes entrèrent dans la chambre; l'un d'eux était un homme très gras dont le costume de serge blue semblait prêt à glisser les pentes de sa personne.

— Hullo, Crofton, dit M. Henchy au gros homme, quand on parle du loup. (Fernandez: 155)³²

²⁵ Дядя сказал, что очень сожалеет о своей забывчивости. Он сказал, что верит в старую пословицу: «Одна только забота без забав превращает Джека в скучного малого».

²⁶ Работа и отсутствие удовольствий делают Джека скучным.

²⁷ Делу — время, потехе — час.

²⁸ Работа без игр наводит тоску.

²⁹ Нельзя работать без отдыха.

³⁰ Всеу свое время.

³¹ Тут в комнату вошли двое мужчин. Один из них был очень толстым, его синий саржевый костюм, казалось, вот-вот скатится с него. «Привет, Крофтон!», — сказал мистер Хенчи толстяку, — «Заговори о черте...».

³² Заговори о волке...

L'allusion peut être plus subtile et renvoyer par un commentaire à un proverbe absent du texte mais présent sous forme de palimpseste, la citation est alors indirecte et fonctionne entre initiés ; le traducteur révèle alors sa connaissance profonde de la civilisation étrangère à laquelle appartient la langue. Par exemple, dans le roman de Kerouac, *On the Road*, on a la situation suivante :

*Out on the dawn street, Dean said, 'Now you see, man, there's real woman for you. Never a harsh word, never a complaint, or modified; her old man can come in any hour of the night and have talks in the kitchen and drink the beer and leave any old time. **This is a man and that's his castle.**' He pointed up at the tenement. (Kerouac: 203)*

Le passage en gras utilise le proverbe *a man's home is his castle*. Le traducteur publié adopte une solution médiane par rapport à celle d'importation de l'étranger, prônée par Berman et d'autres : il traduit littéralement le texte et renvoie en note au proverbe anglo-saxon traduit également de façon littérale :

Dehors dans la rue matinale, Dean dit: «Tu vois, mon pote, voilà la vraie femme pour toi. Pas un mot dur, pas de plainte, pas d'allusion ; son brave mec rentre à n'importe quelle heure de la nuit avec n'importe qui et discute dans la cuisine et boit de la bière et se taille n'importe quand. **Voilà un homme et voilà son château.** » Il désigna du doigt le gourbi. (J. Houbart : 288—289)

Note du traducteur : Allusion au dicton anglais : « le foyer d'un homme, c'est son château. »

Si l'on analyse la situation de traduction, on constate que la difficulté est double : le proverbe est cité de façon indirecte, sous forme d'allusion, il n'y a pas de proverbe en équivalence formelle mais sémantique dans l'autre culture. En effet voici l'équivalence que donne le dictionnaire *Hachette-Oxford* : '*an Englishman's GB ou a man's US home is his castle*' : « charbonnier est maître chez lui ». La solution adoptée par le traducteur détruit le jeu de l'allusion dans la mesure où il n'y a pas le même proverbe en français et donc aucune évocation dans l'esprit du lecteur. On peut alors envisager une autre option consistant à greffer la référence au proverbe français: « voilà un homme qui est **maître chez lui** ».

Цитата может быть более скрытой и отсылать к пословице, в тексте отсутствующей, но наличествующей в форме палимпсеста. Цитата в этом случае косвенная, доступная только посвященным, от переводчика здесь требуется глубокое знание культуры страны языка. Например, в романе Керуака «На дороге» мы сталкиваемся со следующей ситуацией:

Out on the street, Dean said, ‘Now you see, man, there’s a real woman for you. Never a harsh word, never a complaint or modified; her old man can come in any hour of the night and have talks in the kitchen and drink the beer and leave any old time. **This is the man and that’s his castle**’ He pointed up at the tenement. (Kerouac: 203)³³

Отрывок, выделенный жирным шрифтом, отсылает к пословице «*a man’s home is his castle*»³⁴. Переводчик, которого мы приводим, выбирает решение, среднее между концепцией переноса иностранных значений, которая принадлежит Берману, и другими: он переводит текст буквально и в примечании отсылает к английской пословице, также переведенной буквально:

Dehors dans la rue matinale, Dean dit: “Tu vois, mon pote, voilà une vraie femme pour toi. Pas un mot dur, pas de plainte, pas d’allusion ; son brave mec rentre à n’importe quelle heure de la nuit avec n’importe qui et discute dans la cuisine et boit de la bière et se taille n’importe quand. Voilà un homme et voilà un château”. Il désigna du doigt le gourbi. (J. Houbart: 288—289). Note du traducteur : Allusion au dicton anglais : « le foyer d’un homme, c’est son château.»³⁵

Анализируя данную ситуацию, можно выделить две проблемы: пословица приводится не прямо, а в форме скрытой цитаты, кроме того, в другой культуре нет пословицы, отражающей ее форму и содержание. Вот какой эквивалент дается в словаре *Hachette-Oxford* : ‘an Englishman’s GB ou a man’s US home is his castle’ : «charbonnier est maitre chez lui»³⁶. Решение, принятое переводчиком, разрушает игру смыслов в той мере, что во французском не существует подобной пословицы, следовательно, у читателя не возникает никаких ассоциаций. В таком случае можно предположить другое решение, которое заключается в том, чтобы соединить понятие, к которому отсылает говорящий, с французской пословицей: «voilà un homme qui est maitre chez lui»³⁷.

³³ На улице Дин сказал: «Видишь, старик, это подходящая женщина для тебя. Никогда не скажет грубого слова, не жалуется, не делает намеков, ее парень возвращается в любое время среди ночи, разговаривает на кухне, пьет пиво, уходит, когда ему вздумается. Вот человек, а вот его крепость». Он показал пальцем на дом.

³⁴ Дом человека его крепость.

³⁵ Примечание переводчика: Аллюзия на английскую поговорку «дом человека — его крепость».

³⁶ Угольщик — хозяин в своем доме.

³⁷ Вот человек, который в своем доме хозяин.

La fonction commentaire biaisée

Elle consiste à utiliser le proverbe de façon détournée à des fins ludiques. Nous en examinerons trois aspects : la déformation, la réactivation et la création. La première et la dernière de ces techniques relèvent de la parodie c'est-à-dire de l'imitation grotesque, comique de la forme de départ qu'est le proverbe.

La déformation

Elle fonctionne à partir d'un proverbe préexistant ; un auteur comme Balzac a utilisé ce procédé de façon assez mécanique dans *Un début dans la Vie* ; il y introduit deux personnages, un peintre et son valet, qui sont les producteurs de discours parémiologiques déformés ; il faut pour apprécier l'énoncé être capable de retrouver la forme canonique :

— Te voilà donc enfin, mon petit Oscar, dit Estelle d'un air pincé. J'espère que tu vas aller t'habiller, reprit-elle après l'avoir toisé de la façon la plus méprisante. Ta mère ne t'a pas, je crois, habitué à dîner en compagnie, fagoté comme te voilà.

— Oh ! fit le cruel Mistigris, un futur diplomate doit être *en fonds... de culotte. Deux habits valent mieux qu'un.* (Balzac: 355)

On trouve le même procédé utilisé, par exemple, dans le titre d'un des chapitres de *The Lord of the Rings* :

Three is Company (Tolkien : 55)

Trois font de la compagnie (Ledoux : 122)

Le titre joue sur le proverbe anglais : '*Two is company, three is a crowd*', littéralement « Deux c'est une compagnie, trois c'est une foule » habituellement traduit par « Quand il y a trois personnes, il y en a une de trop » (*Robert et Collins*). Il s'emploie quand deux personnes aimeraient rester en tête-à-tête. En accord avec le dicton, *Three is Company* voudrait dire que trois ne sont pas de trop, que la tierce personne est la bienvenue, que sa présence est jugée opportune. La traduction, littérale de Ledoux ne conserve pas le jeu de l'allusion ; pour conserver le jeu de l'allusion, il faudrait, comme Tolkien, jouer sur un proverbe français dont la composition se rapproche du texte source tel que : « Les deux font la paire ». A partir de là on peut imaginer une traduction allusive du style : « Trois font la paire » ou plus sémantique comme : « un tiers opportun » ou « le troisième est le bienvenu ».

Искаженное употребление пословицы

Оно заключается в использовании пословицы в измененном варианте в игровых целях. Рассмотрим три его аспекта: деформация, реактивация и созидание. Первые два основаны на пародии, т.е. на гротескном подражании исходной форме пословицы.

Деформация

Она основывается на существующей пословице, например, Бальзак использовал этот прием в «Первых шагах в жизни». В произведении фигурируют два персонажа, художник и его слуга, которые используют фразы, наполненные искажёнными пословицами. Чтобы оценить высказывание, необходимо восстановить исходную форму:

— Te voilà donc enfin, mon petit Oscar, dit Estelle d'un air pincé. J'espère que tu vas aller t'habiller, reprit-elle après l'avoir toisé de la façon la plus méprisante. Ta mère ne t'a pas, je crois, habitué à dîner en compagnie, fagoté comme te voila.

— Oh ! fit le cruel Mistigri, un futur diplomate doit être en fonds... de culotte. Deux habits valent mieux qu'un. (Balzac: 355)³⁸

Этот же прием можно встретить, например, в названии одной из глав «Властелина Колец»:

Three is Company (Tolkien: 55)

Trois font de la compagnie (Ledoux: 122)³⁹

В заглавии обыгрывается английская пословица: '*Two is a company, three is a crowd*', дословно «двое — компания, трое — толпа», которую обычно переводят как «Quand il y a trois personnes, il y en a une de trop»⁴⁰ (*Robert et Collins*). Она используется, когда двое предпочли бы остаться тет-а-тет. В соответствии с пословицей *Tree is a Company*, что третий — не лишний, а, напротив, желанный гость, его присутствие расценивается как уместное. Дословный перевод Леду не сохраняет игру смысла, для ее сохранения нужно было бы, как это сделал Толкиен, использовать французскую пословицу, строение которой похоже на вариант источника, например: «Les deux font la paire»⁴¹. Отталкиваясь от этого можно было бы придумать перевод, построенный на скрытой цитате, например: «Trois font la paire», или более семантизированной: «un tiers opportun» или «le troisième est le bienvenu»⁴².

³⁸ — Ну вот и ты, наконец, мой маленький Оскар, — высокомерно сказала Эстель. Надеюсь, ты пойдешь переоденешься, — сказала она, неприязненно осмотрев его. — Судя по твоему виду, твоя мать не приучила тебя обедать в кругу других людей.

— О, — сказал жестокий Мистигри, — будущий дипломат должен позволить себе аперитив (être en fonds — быть при деньгах, fond de culotte — сорт аперитива). Два наряда — лучше одного (в оригинале — deux avis, два мнения).

³⁹ И трое — компания.

⁴⁰ Когда есть двое, третий — лишний.

⁴¹ Двое — пара.

⁴² «Трое — пара», «третий не лишний», «желанный третий».

La création

Elle fonctionne littéralement à partir des éléments formels du proverbe, ceux que nous avons examinés ci-dessus dans la rubrique consacrée aux caractéristiques stylistiques du proverbe. On en trouve un exemple, sous forme de sentence plus que de proverbe (mais il s'agit d'une forme soeur) dans *Alice's Adventures in Wonderland*, dans un des dialogues d'Alice avec la reine de coeur :

Alice said ; 'there's a large mustard-mine near here. And the moral of that is – 'the more there is of mine, the less there is of yours' (Carroll: 77)

L'un des traducteurs, André Bay a tout simplement escamoté ce passage; deux autres se sont efforcés de préserver une forme de proverbe à cet énoncé qui part d'un jeu de mot pour ensuite énoncer sur un mode sentencieux une déduction logique élémentaire et sans rapport avec le contexte :

Il y a une grande mine de moutarde tout près d'ici. Et la morale de ce fait est : « garde toi de juger les gens sur la mine » (Papy : 124)

Il y a une grande mine de moutarde, tout près d'ici. Et la morale de ceci est : « Il ne faut jamais juger les gens sur la *mine* » (Parisot : 221)

Guy Leclercq, dans une étude sur les jeux de langage dans *Alice*, fait une proposition de traduction assez séduisante où l'on retrouve quelque chose de la loufoquerie de l'œuvre de Carroll : «si ta mine te mine, ma mine m'anime » (Leclercq 1985 : 116).

La réactivation

Dans *Alice*, au chapitre 9, la Duchesse, qui ne cesse de dispenser des morales à Alice, lui dit à propos de la moutarde et des flamands roses :

'Flamingoes and mustard both bite. And the moral of that is Birds of a feather flock together.' (Carroll: 77)

ce à quoi Alice répond : *'only mustard isn't a bird'*

La comparaison de la reine porte sur le fait de 'piquer' pris dans un double sens (« ce qui est pointu » et « ce qui est brûlant »), Alice prend le proverbe au pied de la lettre pour ce qui est du sujet '*birds*' et examine la situation à la lumière de cette déclaration.

Созидание

В этом приеме используются формальные элементы пословиц, которые мы рассматривали в рубрике, посвящённой стилистическим особенностям пословиц. Данный приём встречается, например, в виде скорее изречения, чем пословицы (но это родственные формы) в «Алисе в стране чудес» в одном из диалогов Алисы с Черновой королевой:

Alice said: there's a large mustard-mine near here. And the moral of that is — 'the more there is of mine, the less there is of yours' (Carroll: 77)⁴³

Один из переводчиков, Андре Бэ просто опустил этот отрывок, два других переводчика попытались сохранить форму пословицы в этом высказывании, в котором благодаря игре слов и с помощью простого логического вывода появляется изречение, не имеющее никакой связи с контекстом:

Il y a une grande mine de moutarde tout près d'ici. Et la morale de ce fait est : «garde-toi de juger les gens sur la mine» (Papy: 124)⁴⁴

Il y a une grande mine de moutarde tout près d'ici. Est la mrle de ceci est : «Il ne faut jamer juger les gens sur la mine» (Parisot: 221)⁴⁵

Ги Леклерк в своем исследовании словесной игры в «Алисе» предлагает достаточно удачный перевод, который отражает затейливые переходы, характерные для произведения Кэрролла: «Si ta mine te mine, ma mine m'anime». (Leclercq 1985: 116)⁴⁶.

Реактивация

В 9 главе «Алисы» Герцогиня, постоянно читающая Алисе мораль, говорит ей по поводу горчицы и розовых фламинго следующее:

'Flamingoes and mustard both bite. And the moral of that is *Birds of a feather fock together.*' (Carroll: 77)⁴⁷
на что Алиса отвечает: 'only mustard isn't a bird'⁴⁸.

Сравнение герцогини построено на двойном смысле глагола «щипать» («то, что имеет заострённый конец» и «то, что обжигает»), Алиса воспринимает подлежащее пословицы 'birds' в буквальном смысле и в этом свете рассматривает всё высказывание.

⁴³ Алиса сказала: «Тут поблизости есть горчичная шахта. Вывод: чем больше моего, тем меньше твоего».

⁴⁴ Остерегайся судить о людях по внешнему виду.

⁴⁵ Никогда нельзя судить о людях по внешнему виду.

⁴⁶ Если твой внешний вид тебя мучает, мой внешний вид меня оживляет.

⁴⁷ Фламинго и горчица щиплются. Вывод: Похожие птицы держатся в стае.

⁴⁸ Только горчица — не птица.

On peut considérer que ce proverbe anglais a pour équivalent en français le proverbe « qui se ressemble s'assemble ». Mais si l'on observe trois des traductions publiées on se rend compte que le traitement est assez différent selon les traducteurs et que cette différence n'est pas anodine. Jacques Papy suit l'usage et utilise le proverbe correspondant :

Les flamants et la moutarde piquent également. Et la morale de ce fait est : « **qui se ressemble s'assemble.** » (Papy : 123)

La traduction de Papy fonctionne pour la première partie du jeu de mot mais pas pour la seconde, il est obligé de souligner le fait que « la moutarde ne ressemble pas à un flamant » mais cette non-ressemblance est exprimée en termes généraux ('qui') elle ne porte pas sur « le fait d'être ou ne pas être un oiseau et de pouvoir voler »

André Bay propose une traduction qui préserve l'image des oiseaux tout en changeant le verbe (se rassemblent/s'assemble) pour créer une sorte de lapalissade, un truisme, à effet comique :

Et la morale de ceci est : « **Les oiseaux de même plumage se ressemblent !** » (Bay : 111)

De son côté, Henri Parisot se montre également créatif, d'une autre manière, en créant un calembour à partir de l'expression « de concert », il peut traduire la réplique littéralement :

« Et la morale de ceci, c'est : **Les oiseaux de même plumage** volent de conserve. »

« malheureusement la moutarde n'est pas un oiseau »
(Parisot : 219)

Deux des traducteurs se sont donc efforcés de recréer une sorte de proverbe qui évoque la métaphore de départ du proverbe anglais ; ils sont avant la lettre (étant donné la date de réalisation de leurs traductions) des acteurs de la préservation des locutions telle que semble la réclamer Berman.

Conclusion

On peut bien entendu dire que de manière générale, dans ' la traduction' des proverbes, le traducteur se borne à appliquer une équivalence pré-établie dans laquelle il n'a pas eu de part, son intervention se limitant alors à se souvenir et à substituer une forme à une autre. Le travail du traducteur apparaît alors surtout comme un

Соответствием этой английской пословицы можно считать французскую пословицу «qui se ressemble, s'assemble». Но, рассмотрев три существующих перевода, мы увидим, что переводчики используют это по-разному и что различия здесь довольно значительны. Жак Папи идёт по традиционному пути и использует соответствующую пословицу:

Les flamants et la moutarde piqueant également. Et la morale de ce fait est : « **qui se ressemble s'assemble** ». (Papuy: 123)

Перевод Папи передаёт только первую часть игры слов, он вынужден подчеркнуть, что горчица не похожа на фламинго, но эта несхожесть выражена через обобщающее qui, она не связана с тем, птица это или нет, и с умением летать.

Андре Бэ предлагает перевод, который сохраняет образ птицы, при этом меняя глагол (se ressemblent/s'assemble), таким образом, заключённая во фразе банальность, очевидная истина создаёт комический эффект:

Et la morale de ceci est: «**Les oiseaux de meme plumage se ressemblent !**» (Bay: 111)⁴⁹

Со своей стороны Анри Паризо также даёт волю воображению, но по-другому: создав каламбур на основе выражения «de concert»⁵⁰, он имеет возможность перевести реплику дословно:

«Et la morale de ceci, c'est: Les oiseaux de même plumage volent de conserve.

«malheureusement la moutarde n'est pas un oiseau»⁵¹.
(Parisot: 219)

Два переводчика из трёх постарались, таким образом, воссоздать некое подобие пословицы, которая содержит метафору исходной английской пословицы. Они оказались сторонниками теории Бермана, касающейся сохранения выражений в исходном виде, еще до того, как она была создана.

Заключение

Безусловно, можно сказать, что обычно при 'переводе' пословиц переводчики ограничиваются употреблением существующих соответствий, и вся их работа заключается в том, чтобы правильно вспомнить нужную форму и заменить ею исходное высказывание. Таким образом, главную роль здесь играет работа памяти. Однако

⁴⁹ Птицы с одинаковым оперением походят друг на друга.

⁵⁰ Вместе, заодно.

⁵¹ Вывод такой: птицы с одинаковым оперением делают в консервах (вместо «вместе»). К несчастью горчица — не птица.

travail de mémoire. En fait derrière cet acquiescement apparent aux clichés linguistico-culturels il y a un acte de jugement qui estime que cette application suffit au transfert de la fonction du proverbe dans le texte. Le proverbe en tant que figement semble fonctionner comme un signe, un énoncé-signe invariant, son utilisation en discours par certains auteurs révèle sa malléabilité et des potentiels d'utilisation qui dépassent largement la simple citation droite. L'absence d'équivalence pré-établie, l'option de décentrement, le détournement du proverbe par l'auteur à des fins de commentaire ou ludiques sont trois points de sollicitation de la créativité du traducteur s'il ne veut pas produire une traduction plate. La traduction du proverbe nous permet d'explorer un champ particulier où se mêlent le linguistique et le culturel, le stéréotype et l'innovation, le figement et la création.

Bibliographie

Références

Ballard M. Versus: Repérages et Paramètres. Vol. 1. Paris, 2003.

Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain // Berman A. et al. Les tour de babel, essais sur la traduction. Mauvezin, 1985. P. 31—150.

Leclercq G. Traduction et parodie // Humour et Traduction / Ed. By Laurian A.-M. Paris, 1985. P. 102—124.

Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. OUP, 1982.

Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1966.

Grand Dictionnaire Hachette Oxford. Oxford/Paris, 1994.

Harrap's New Standard French and English Dictionary. Harrap, Londres & Paris, 1981.

Le Robert & Collins Super Senior. Paris/Glasgow, 1995.

Corpus

Balzac H. de. Un Début dans la vie // La Comédie Humaine. Vol. 15. Lausanne, 1960.

Fleming I. Casino Royale. Londres, Hodder and Stoughton, 1988.

Fleming I. Casino Royal, traduit de l'anglais par André Gilliard. Paris, 1996.

Highsmith P. Le Bestiaire/The Bestiary, (five short stories/cinq nouvelles) choix, traduction et notes par Gérard Hardin. Paris, Presses Pocket (bilingue), 1987.

Joyce J. Dubliners. Harmondsworth, Penguin, 1970.

тот факт, что переводчик использует присутствующую в языке и культуре устойчивую форму, указывает на то, что в его представлении такой перенос является достаточным для отражения в тексте функций данной пословицы. Пословица, будучи устойчивой единицей, может функционировать как языковой знак, как неизменяемое высказывание-знак, и использование её некоторыми авторами обнаруживает разнообразие потенциально заложенных в ней смыслов, которые не могут быть отражены при прямом цитировании. Отсутствие существующего соответствия, а также дополнительные смыслы или искажения, которые автор привносит в пословицу для отражения ситуации или в игровых целях, требуют творческого подхода от переводчика, который стремится найти удачный вариант. Исследование переводов пословиц открывает перед нами особую область, в которой соприкасаются лингвистика и культура, стереотипы и новые находки, шаблоны и творчество.

Bibliographie

Références

Ballard M. Versus: Repérages et Paramètres. Vol. 1. Paris, 2003.

Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain // Berman A. et al. Les tour de babel, essais sur la traduction. Mauvezin, 1985. P. 31—150.

Leclercq G. Traduction et parodie // Humour et Traduction / Ed. By Laurian A.-M. Paris, 1985. P. 102—124.

Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. OUP, 1982.

Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1966.

Grand Dictionnaire Hachette Oxford. Oxford/Paris, 1994.

Harrap's New Standard French and English Dictionary. Harrap, Londres & Paris, 1981.

Le Robert & Collins Super Senior. Paris/Glasgow, 1995.

Corpus

Balzac H. de. Un Début dans la vie // La Comédie Humaine. Vol. 15. Lausanne, 1960.

Fleming I. Casino Royale. Londres, Hodder and Stoughton, 1988.

Fleming I. Casino Royal, traduit de l'anglais par André Gilliard. Paris, 1996.

Highsmith P. Le Bestiaire/The Bestiary, (five short stories/cinq nouvelles) choix, traduction et notes par Gérard Hardin. Paris, Presses Pocket (bilingue), 1987.

Joyce J. Dubliners. Harmondsworth, Penguin, 1970.

Joyce J. Gens de Dublin, traductions de Yva Fernandez, Hélène du Pasquier, Jacques-Paul Raynaud, Préface de Valéry Larbaud. Paris, Plon (Presses Pocket), 1982.

Joyce J. Dublinois, traduit de l'anglais par Jacques Aubert. Paris, Gallimard (Folio), 1993.

Joyce J. Gens de Dublin, traduction et édition de Benoît Tadié. Paris, Flammarion (GF), 1994.

Keruoac J. On the Road. Harmondsworth, Penguin, 1991.

Keruoac J. Sur la Route. Traduit de l'anglais par Jacques Houbart. Paris, Folio, 2005.

Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring, being the first part of The Lord of the Rings. London, Harper Collins, 1999.

Tolkien J.R.R. Le Seigneur des anneaux. La Communauté de l'anneau, traduit de l'anglais par F. Ledoux. Paris, Bourgois, 1972.

Joyce J. Gens de Dublin, traductions de Yva Fernandez, Hélène du Pasquier, Jacques-Paul Raynaud, Préface de Valéry Larbaud. Paris, Plon (Presses Pocket), 1982.

Joyce J. Dublinois, traduit de l'anglais par Jacques Aubert. Paris, Gallimard (Folio), 1993.

Joyce J. Gens de Dublin, traduction et édition de Benoît Tadié. Paris, Flammarion (GF), 1994.

Keruoac J. On the Road. Harmondsworth, Penguin, 1991.

Keruoac J. Sur la Route. Traduit de l'anglais par Jacques Houbart. Paris, Folio, 2005.

Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring, being the first part of The Lord of the Rings. London, Harper Collins, 1999.

Tolkien J.R.R. Le Seigneur des anneaux. La Communauté de l'anneau, traduit de l'anglais par F. Ledoux. Paris, Bourgois, 1972.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Е.М. Кирсанова,

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета МГЛУ. *E-mail:* elena.kirsanova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА

В данной статье на примере алиментарных стереотипов как неотъемлемой части национальных культур рассматривается проблема влияния устойчивых этнокультурных представлений на процесс принятия переводческого решения и анализируются возможные смысловые потери, возникающие в результате упрощенной интерпретации оригинала.

Ключевые слова: стереотип, этнокультурная специфика, символ, перевод.

E.M. Kirsanova,

Cand. Sc. (Philology), Ass. Professor, Department of English, Faculty of Translation, MSLU. *E-mail:* elena.kirsanova@mail.ru

On the Impact of Ethnocultural Stereotypes on the Translation Process

On the example of alimentary stereotypes as an integral part of the national culture, the article regards the problem of misinterpretation and considerable losses of information caused by the translator's traditional conceptual inertia and a simplified interpretation of the original.

Key words: stereotype, ethno-national culture, symbol, translation.

Использование стереотипов в качестве готовых когнитивных моделей — естественная особенность человеческого мышления, которая позволяет оптимизировать мыслительные усилия и высвободить требуемые ресурсы для решения нестандартных творческих задач. Человек вынужден прибегать к помощи стереотипов, чтобы справляться с огромным количеством непрерывно поступающей неструктурированной информации об окружающем мире. В этом свете стереотипы можно рассматривать как удобные отправные точки восприятия других культур и социальных групп, а также относящихся к ним индивидов.

Многоплановый характер человеческой деятельности отражает существование различных видов стереотипов:

— стереотипы *восприятия* (например, традиционные обобщённые образы-представления индивида/социума/этносообщества о себе самом или другом индивиде/социуме/этносообществе);

- стереотипы *поведения* (закреплённые в социуме стандарты поведения);
- стереотипы *мышления* (упрощённые схемы формирования суждений, например *оценочные* стереотипы, *нравственные* стереотипы);
- *речевые* стереотипы (устойчивые речевые модели).

В коммуникации стереотипы объективируются различными языковыми средствами, вызывающими в сознании индивида или представителей определённой национально-культурной общности «некоторый минимум сходных *ассоциативных реакций* по ряду семантических признаков *оценочного* характера» (Рыжков, 1983, с. 13).

Здесь и далее под *стереотипом* мы будем понимать обобщённое устойчивое представление об объекте или явлении действительности, сформированное на основе ассоциативных связей, зафиксированное в сознании отдельных личностей или целых социальных групп и объективированное различными языковыми средствами (как отдельными лексическими единицами, так и более крупными языковыми блоками — устойчивыми словосочетаниями, устойчивыми речевыми моделями, прецедентными высказываниями либо текстами).

В национальных культурах и языках находят отражение как некоторые универсальные, так и национально-специфические стереотипные особенности восприятия и понимания мира.

Особую роль стереотипы играют в процессах национальной самоидентификации и идентификации. В процессе познания и самопознания стереотип выполняет две *прагматические функции: категоризирующую и оценочную*. Упрощая процесс категоризации, позволяя применять систему устоявшихся концептов, прототипов и оценок для классификации людей, объектов и событий, стереотипы служат для очерчивания границ «своего», противопоставления себя «чужому».

Оппозиция «своё/чужое» является фундаментом, на котором выстраивается бытийная философия этноса, открыто или завуалировано провозглашающая превосходство собственной культуры. «Своё» выглядит естественным и имеет положительную оценку, «чужое», напротив, представляется в неестественном виде. Снисходительное, а иногда и уничижительное отношение к другим народам и культурам основано на убеждении, что они являются чужими, чуждыми. Данный факт, по нашему мнению, лежит в основе неискоренимости стереотипов: всякая социокультурная общность постоянно сопоставляет себя с другими общностями, при этом результат сопоставления должен быть преимущественно позитивным. Среди других причин живучести стереотипов можно

выделить традиционалистическую концептуальную инерцию, (нежелание индивидов обдумывать и изменять свое мнение), устойчивые предрассудки как часть национальной идеологии, присущие нациям комплексы неполноценности или превосходства, емкость и практичность стереотипов.

Степень интеграции нации в мировую культуру и интенсивность ее межкультурных контактов влияет на скорость формирования и разнообразие возникающих по отношению к ней стереотипных представлений. В сознании многих народов с культурами некоторых стран связан целый набор стереотипов, истинность которых рядовой носитель языка в принципе не подвергает сомнению (например, США, Франции, Китая, Бразилии). Такие национальные культуры мы предлагаем называть *глобально* стереотипизированными. Другие же культуры представлены стереотипами только в сознании соседних народов, поэтому мы предлагаем называть их *локально* стереотипизированными (например, представления австрийцев о венграх и чехах или представления русских о татарах).

Национальные пищевые предпочтения и ритуалы приёма пищи традиционно являются источником устойчивых стереотипов. *Алиментарные стереотипы* характеризуют отношение того или иного этнокультурного сообщества к потреблению пищи вообще и определенным продуктам питания в частности. Они являются результатом ассоциативной работы национального сознания и закрепляются в системе национального *пищевого символизма*, который содержит информацию об устойчивых ассоциациях, связанных с национальными традициями питания. В этом процессе задействован целый ряд прагматических факторов: образность, эмоциональность, оценочность. Несмотря на существующую информационную доступность и предпосылки для формирования более глубоких суждений о национальных характерах алиментарные стереотипы по-прежнему весьма востребованы в коммуникации, в том числе и двуязычной.

Будучи одними из наиболее древних и стойких (если не самыми древними и стойкими), алиментарные стереотипы фиксируются в языке и проявляются преимущественно в *нейоративных оценках*, раскрывающих этические и эстетические представления определенного этноса, по сути, о своем антагонисте.

Например, о русских и британских традициях питания сложилось достаточно много устойчивых стереотипов. Так, жена известного российского футболиста, приглашённого играть за одну из британских команд, имела неосторожность открыто выразить не любовь к местной кухне:

«The wife of the Premier League's latest foreign star has revealed *she can't stand the English* — except for Victoria Beckham. "I do not

particularly like England”, Yulia, 26, said in an interview before the player clinched his £15 million move to London. “In my opinion, people there are too reserved and it’s dull”. In her swipe at Britain and our culture, the mum-of-two also *revealed her dislike of English food*. In May last year, after visiting Manchester, she said: “I do not like English cuisine. “If Andrey goes to play in England, *finding the right food may turn into a problem*”. However, despite what she sees as the failings of the English, she admits that Victoria Beckham stands out as an icon».

Несмотря на то, что британская кухня никогда не имела у иностранцев репутации «здоровой» или «изысканной» и традиционно служила объектом насмешек, реакция англичан на «русский негативизм» оказалась болезненной, местная пресса мгновенно и весьма язвительно отреагировала на интервью, отыгравшись «на том же поле»:

“So do you fancy some *Russian grub*?

Andrey Arshavin’s wife Yulia may have slated English grub but *Russia is hardly known for its culinary delights*. One of the most popular meals in the former Soviet state is okroshka — a cold soup made with *sour* milk. This is then mixed with cold vegetables and meat or fish. Yummy!

And if that doesn’t take your fancy you could always get stuck into the nation’s favourite dish of cabbage soup known as shchi or, as an alternative, rassolnik — a *salty-sour* cucumber stew.

Then for main course why not feast on *jellied* chopped pork, known as studen? This is served in a *stodgy* porridge and with *sauerkraut* on the side.

And if you’ve still got room after *that lot*, for dessert you can have vatrushka — a *large* ring of dough stuffed with cottage cheese. Bon appetit” (Andrey Arshavin’s WAG Yulia can’t stand the English — except Victoria Beckham, by Chris Hughes, 7.02.2009, mirror.co.uk — sport (online edition of The Daily Mirror).

По сути, в данной коммуникативной ситуации столкнулись два стереотипных суждения: англичане *не умеют* готовить *здоровую* еду ↔ русские едят *много несвежей* пищи (кислый вкус в британской кулинарии не приветствуется, кислый значит ‘несвежий’ (Mennell, 1985)).

Как мы видим, в межкультурном диалоге стереотип возникает в результате межкультурного напряжения и является *простейшей формой коммуникации*.

Влияние стереотипов на процесс перевода — явление, на наш взгляд, еще недостаточно изученное. Насколько переводчик зависим или, напротив, свободен от существующих в его сознании стереотипных представлений о нации, чья культура является предметом его анализа? Готов ли он быть объективным и непредвзятым

интерпретатором незнакомых (или даже чуждых) ему реалий иной этнокультурной общности?

Рассмотрим в данной связи два широко распространенных этнокультурных стереотипа: русские люди печальные, несчастливые, по складу характера угрюмые, безудержные (стереотип восприятия), а распитие водки в больших количествах — неотъемлемая часть русского застолья (стереотип поведения). При этом водка становится символом русской тоски, отчаяния и безрассудности.

Источниками возникновения упомянутых выше представлений являются личный опыт или информация из газетных публикаций, туристических справочников, энциклопедий:

«Russians drink a *great deal* of tea, as well as *vodka* and *wine*. The latter is produced in the south of the country. Kvass, a slightly *alcoholic* beverage, is particularly popular in the summer, when it is also used in cold soups» (Customs of Russia. Encarta Encyclopedia Deluxe, 2004). (Примечательно в данной связи отметить, что даже квас рассматривается составителями данной энциклопедической статьи прежде всего не как освежающий напиток, а как алкогольный.)

Еще одним важным источником возникновения этнокультурных стереотипов являются тексты переводной художественной литературы, которые требуют от переводчика не только глубокого знания «чуждой» ему культуры, но и умения по-новому взглянуть на предмет своего исследования, быть гибким в восприятии и интерпретации знакомых ему явлений.

Так, упоминание водки часто встречается на страницах одного из наиболее почитаемых за рубежом произведений — романа Л.Н. Толстого «Война и мир». При этом при внимательном прочтении становится очевидным, что использование этой реалии в различных социокультурных контекстах сопровождается передачей целой гаммы дополнительных значений. И ни разу она не встречается в упрощённом стереотипном толковании (как символ банального русского пьянства).

Так, водка — неотъемлемая часть *простой безыскусной* трапезы: «Уже смеркалось, когда Денисов с Петей и есаулом подъехали к караулке. <...> В сенях маленькой избушки казак, засучив рукава, рубил баранину. В самой избе были три офицера из партии Денисова, устроивавшие стол из двери. Петя снял, отдав сушить, свое мокрое платье и тотчас принялся содействовать офицерам в *устройстве обеденного стола*. Через десять минут был готов стол, покрытый салфеткой. *На столе была водка*, ром в фляжке, белый хлеб и жареная баранина с солью» (Толстой, 1979. Т. 4, с. 146).

Водка — часть *солдатского* рациона, необходимая для поднятия боевого духа: «В движении русской армии от Тарутина до Красного выбыло пятьдесят тысяч больными и отсталыми, то есть число,

равное населению большого губернского города. Половина людей выбыла из армии без сражений. И об этом-то периоде кампании, когда войска без сапог и шуб, с *неполным провиантом, без водки*, по месяцам ночуют в снегу и при пятнадцати градусах мороза; когда дня только семь и восемь часов, а остальное ночь, во время которой не может быть влияния дисциплины; когда, не так как в сражение, на несколько часов только люди вводятся в область смерти, где уже нет дисциплины, а когда люди по месяцам живут, всякую минуту борясь с смертью от голода и холода; когда в месяц погибает половина армии, — об этом-то периоде кампании нам рассказывают историки...» (Толстой, 1979. Т. 4, с. 180).

Но водка не просто атрибут солдатской трапезы, в определённых контекстах она становится своего рода благословением перед боем, фактически *солдатским причастием*: «В другой, более *счастливой* роте, так как не у всех была *водка*, солдаты, толпясь, стояли около рябого широкоплечего фельдфебеля, который, нагибая бочонок, лил в подставляемые поочередно крышки манерок. Солдаты с *набожными лицами* подносили ко рту манерки, опрокидывали их и, полоща рот и утираясь рукавами шинелей, с *повеселевшими* лицами отходили от фельдфебеля. Все *лица* были такие *спокойные*, как будто всё происходило не в виду неприятеля, перед делом, где должна была остаться на месте, по крайней мере, половина отряда, а как будто где-нибудь на родине в ожидании спокойной *столянки*» (Толстой, 1979. Т. 1, с. 220).

Перед решающим сражением при Бородине русские солдаты отказывались пить водку, так как хотели сохранить ощущение сосредоточенной решимости: «— Вот, ваше сиятельство, правда, правда истинная, — проговорил Тимохин. — Что себя жалеть теперь! Солдаты в моем батальоне, поверите ли, *не стали водку, пить: не такой день, говорят*. — Все помолчали» (Толстой, 1979. Т. 3, с. 216).

В некоторых контекстах солдатская каша и водка становятся символом *гостеприимства*: «Это были два прятавшиеся в лесу француза. Хрипло говоря что-то на непонятном солдатам языке, они подошли к костру. Один был повыше ростом, в офицерской шляпе, и казался совсем ослабевшим. Подойдя к костру, он хотел сесть, но упал на землю. Другой, маленький, коренастый, обвязанный платком по щекам солдат, был сильнее. Он поднял своего товарища и, указывая на свой рот, говорил что-то. Солдаты окружили французов, подстелили больному шинель и обоим принесли *каши и водки*» (Толстой, 1979. Т. 4, с. 206).

Водка действительно упоминается в контекстах, описывающих необъяснимые с точки зрения прагматичной логики *отчаянные* поступки *русского человека*: «Два одинаково сильные чувства неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было чувство

потребности *жертвы и страдания* при сознании общего несчастья, то чувство, вследствие которого он 25-го поехал в Можайск и заехал в самый пыл сражения, теперь убежал из своего дома и, вместо привычной роскоши и удобств жизни, спал, не раздеваясь, на жёстком диване и ел одну пищу с Герасимом; другое — было то неопределённое, исключительно *русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира*. В первый раз Пьер испытал это *странное и обаятельное* чувство в Слободском дворце, когда он вдруг почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все, что с таким старанием устраивают и берегут люди, — все это ежели и *стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить*. Это было то чувство, вследствие которого охотник-рекрут *пропивает последнюю копейку, запивший человек перебивает зеркала и стекла без всякой видимой причины и зная, что это будет стоить ему его последних денег*; то чувство, вследствие которого человек, совершая (в пошлом смысле) *безумные* дела, как бы пробует свою личную власть и силу, заявляя присутствие высшего, стоящего вне человеческих условий, суда над жизнью. С самого того дня, как Пьер в первый раз испытал это чувство в Слободском дворце, он непрестанно находился под его влиянием, но теперь только нашел ему полное удовлетворение. Кроме того, в настоящую минуту Пьера поддерживало в его намерении и лишало возможности отречься от него то, что уже было им сделано на этом пути. И его бегство из дома, и его кафтан, и пистолет, и его заявление Ростовым, что он остаётся в Москве, — все потеряло бы не только смысл, но все это было бы презренно и смешно (к чему Пьер был чувствителен), ежели бы он после всего этого, так же как и другие, уехал из Москвы. Физическое состояние Пьера, как и всегда это бывает, совпадало с нравственным. Непривычная *грубая пища, водка*, которую он пил эти дни, отсутствие вина и сигар, грязное, непеременимое белье, наполовину бессонные две ночи, проведенные на коротком диване без постели, — все это поддерживало Пьера в состоянии раздражения, близком к *помешательству*» (Толстой, 1979. Т. 3, с. 372).

Водка стоит на столе Денисова, когда он, полный *душевных терзаний*, пытается высказать в письме к Наташе Ростовой свои чувства: «Когда Ростов вернулся, на столе стояла *бутылка с водкой* и лежала колбаса. Денисов сидел перед столом и трещал пером по бумаге. Он *мрачно* посмотрел в лицо Ростову. — *Ей пишу*, — сказал он. Он облокотился на стол с пером в руке, и, очевидно обрадованный случаю быстрее сказать словом всё, что он хотел написать, высказывал своё письмо Ростову» (Толстой, 1979. Т. 1, с. 166).

Но водка употребляется и в контекстах, лишённых мрачности: «Один раз француз, которого брал Тихон, выстрелил в него из пистолета и попал ему в мякоть спины. Рана эта, от которой Тихон *лечился только водкой, внутренне и наружно*, была предметом самых весёлых шуток во всём отряде и шуток, которым охотно поддавался Тихон» (Толстой, 1979. Т. 4, с. 143). «Официанты отодвинули и пододвинули стулья. Пьер развернул холодную салфетку и, решившись прервать молчание, взглянул на Наташу и княжну Марью. Обе, очевидно, в то же время решились на то же: у обеих в глазах светилось довольство жизнью и признание того, что, кроме горя, есть и радости. — *Вы пьёте водку, граф?* — сказала княжна Марья, и *эти слова вдруг разогнали тени прошедшего*» (Толстой, 1979. Т. 4, с. 232).

Как оказалось, передача тонких оттенков смысла контекстов, содержащих данную национальную культурную реалию, может представлять определённую трудность для переводчика, находящегося под влиянием существующих стереотипов.

Так, в переводе поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах» переводчики М. Хэйворд и Дж. Риви заменяют слово *вино* на *vodka*, полагая, по-видимому, что подобная замена лучше укладывается в рамки стереотипного представления реципиентов текста о «буйном и безудержном» русском национальном характере: «Ёжусь, зашвырнувшись в трактирные углы, / *вином* обливая душу и скатерть» (Маяковский, 1988, с. 41) // “I huddle, slumped in corners of saloons; / with *vodka* drenching my soul and the cloth” (Mayakovsky, 1975, с. 147).

Казалось бы, единичный случай. Однако, проанализировав произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита», мы пришли к заключению, что влияние вышеупомянутых стереотипов на переводчиков романа — явление системное. Наиболее частое несоответствие, которое мы наблюдаем в оригинале и переводе, касается несоответствий в *объёме* выпитого. Трудность, которая возникает при переводе, связана с корректной передачей реалий, обозначающих традиционную русскую питейную посуду, предназначенную для водки: *рюмка, стопка, лафитник*.

Когда один из героев романа Никанор Иванович Босой, председатель жилищного товарищества дома, где и находилась «нехорошая квартира» № 50, приступает к трапезе в «своей маленькой столовой», супруга сервирует перед ним закуски и ставит графин водки и *лафитник*: «Через пять минут председатель сидел за столом в своей маленькой столовой. Супруга его принесла из кухни аккуратно нарезанную селёдку, густо посыпанную зелёным луком. Никанор Иванович налил *лафитничек*, выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селёдки...» (Толстой, 1979, с. 150).

Лафитник — это небольшая изящная удлинённая рюмка. Заметим, что данный тип питейной посуды пришел в Россию из Франции, которая традиционно славится умением изысканной сервировки. Лафитники сейчас практически вышли из употребления, однако в 20—30-е гг. XX в. все еще были в ходу и являлись напоминанием о том времени, когда русские люди не знали общепита и соблюдали традицию неспешного приёма пищи. Никанор Иванович представлен М.А. Булгаковым как «человек с понятием»: полный достоинства председатель жилищного товарищества принимает пищу за грамотно сервированным столом (да ещё, заметим, не на кухне, а в столовой), что полностью согласуется с образом солидного человека при должности.

Однако переводчики, не зная или намеренно игнорируя особенности русского застольного этикета, используют в переводе эквиваленты, обозначающие сосуды гораздо бóльшие по объёму — *бокал* и даже *графин*: “...poured himself a *wineglassful of vodka*, drank it, poured out another, drank that, speared three slices of herrings on his fork...” (Michael Glenny, Bulgakov, 2003, p. 120) // “...poured himself a small *carafe of vodka*, drank it down, poured another, drank that down, speared three pieces of herring on his fork...” (Diana Burgen & Catherine O’Connor. Bulgakov, 1997a, p. 83).

И лишь в переводе Р. Пивера и Л. Волконски мы видим попытку передать небольшой объём выпитого героем романа: “...poured himself a *dram of vodka*, poured another, drank it, picked up three pieces of herring on his fork...” (Richard Pevear & Larissa Volokhonsky. Bulgakov, 1997b, p. 101).

Переводчиков не смущает (по-видимому, в силу сложившихся стереотипов) тот факт, что в их трактовке герой М.А. Булгакова из степенного должностного лица превращается в банального любителя выпить: небольшая порция водки в качестве аперитива и два стакана или графина водки несопоставимы по объёму и последствиям влияния на организм.

Рассмотрим еще один пример. После Великого бала у Сатаны Воланд предлагает Маргарите выпить, чтобы снять чудовищную усталость, которая навалилась на главную героиню романа: «...кот налил Маргарите какой-то прозрачной жидкости в *лафитный стакан*. — Это водка? — слабо спросила Маргарита? Кот подпрыгнул на стуле от обиды. — Помилуйте, королева, ...разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт. <...> Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта. Но ничего плохого не произошло. Живое тепло потекло по ее животу, <...> вернулись силы, как будто она встала после долгого освежающего сна, кроме того почувствовался волчий голод. <...> После второй *стопки*, выпитой Маргаритой, свечи в канделябрах разгорелись

поярче, и в камине прибавилось пламени <...> Никакого опьянения Маргарита не чувствовала» (Булгаков, 2004, с. 352—353).

Из перевода М. Гленни англоязычный читатель понимает, что Маргарита выпила не два лафитных стакана, а два стакана спирта (существенную для женщины порцию чистого алкоголя) и даже не почувствовала опьянения, что не согласуется с образом хрупкой героини: “...remarked the cat, pouring out a *glassful* of clear liquid for Margarita... Margarita tried to push away the glass... After second *glassful* the light in the candelabra burned brighter, the coals in the fireplace glowed hotter, yet she did not feel at least drunk (Michael Glenny. Bulgakov, 2003, p. 315).

В переводе Р. Пивера и Л. Волконски *лафитный стакан* превращается в *бокал (goblet)*: “...the cat poured some transparent liquid into a *goblet* for Margarita <...> After Margarita’s *second glass*, the candles in the candelabra flared up more brightly, and the flame increased in the fireplace” (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Bulgakov, 1997b, p. 277).

И лишь в переводе Д. Бергин и К. О’Коннор мы видим, что более точная передача слова *лафитник* все же возможна: “...he poured Margarita some transparent liquid into an *ornate small glass* (Diana Burgen & Catherine O’Connor. Bulgakov, 1977a, p. 236).

Аналогичные случаи достаточно вольной интерпретации переводчиками русского социокультурного контекста мы наблюдаем и при передаче значения для слова *стопка* — небольшого стакана для крепких напитков: «Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно — жутких размеров черный кот со *стопкой водки* в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой» (Булгаков, 2004, с. 130).

От читателей перевода ускользает своеобразная элегантность эксцентричного персонажа, ведь стопку водки и стакан водки держат в руках по-разному, да и пьют по разному поводу: “Now he was clearly visible: the feathery moustache, one lens of the pince-nez gleaming, the other not there. But worse things were to be found in the bedroom: on the jeweller’s wife’s ottoman, in a casual pose, sprawled a third party — namely, a black cat of uncanny size, with a *glass of vodka* in one paw and a fork, on which he had managed to spear a pickled mushroom, in the other” (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Bulgakov, 1997, p. 83).

“...a black cat of revolting proportions sprawled in a nonchalant attitude on the pouffe, a *glass of vodka* in one paw and a fork, on which he had just speared a pickled mushroom, in the other (Michael Glenny. Bulgakov, 2003, p. 100).

“...sprawled in a relaxed pose on the pouffe... a black sat of horrific proportions with a *glass of vodka* in one paw and in the other a fork on

which he had speared a pickled mushroom” (Diana Burgen & Catherine O’Connor. Bulgakov, 1997a, p. 69).

На страницах романа мы встречаем и отношение к водке как к напитку, обладающему целебной силой. Здесь еще, по-видимому, сохраняется давняя ассоциация: со времени появления в XVI в. и до середины XVII в. *водками* на Руси называли целебные спиртовые настойки на травах (Судаков 2003, с. 79): «Заведующий большим гастрономическим магазином... перестал пить портвейн и пьет только водку, настоящую на смородиновых почках, отчего очень поздоровел» (Булгаков, 2004, с. 482).

Излюбленный русский напиток представляется как эффективное «лекарство», небольшая «доза» которого способна «излечить» от жесточайшего похмелья: «— Дорогой Степан Богданович, — заговорил посетитель, проницательно улыбаясь, — никакой пирамидон вам не поможет. Следуйте старому мудрому правилу, — лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две *стопки водки* с острой и горячей закуской <...> Прыгающей рукой поднес Степа *стопку* к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожёвывая кусок икры, Степа выдавил из себя слова...» (Булгаков, 2004, с. 124).

Кроме того, как ни парадоксально, водку предлагают Степе Лиходееву для трезвости мысли: «Незнакомец не дал Степиному изумлению развиться до степени болезненной и ловко налил ему *полстопки водки* <...> И вот проклятая зелень перед глазами растаяла, стали выговариваться слова, и, главное, Степа кое-что припомнил» (Булгаков, 2004, с. 125).

Р. Пивер и Л. Волконская предлагают следующий вариант перевода: “My dear Stepan Bogdanovich, the visitor said, with a perspicacious smile, ‘no aspirin will help you. Follow the wise old rule — cure like with like. The only thing that will bring you back to life is two *glasses of vodka* with something pickled and hot to go with it... His hand twitching, Styopa brought the *glass* to his lips, while the stranger swallowed the contents of his glass at one gulp. Chewing a lump of caviar, Styopa squeezed out of himself the words... <...> The stranger did not allow Styopa’s amazement to develop to a morbid degree, but deftly poured him half *a glass of vodka*” (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Bulgakov, 1997b, p. 78).

Как мы видим, и в этом случае в переводе используется эквивалент, обозначающий питейный сосуд бóльшего размера, хотя в английском языке существуют эквиваленты *shot glass* и *jigger*, способные выступить аналогом русской стопки. Два «стакана водки» и еще «полстакана», на наш взгляд, не только не могут облегчить страдания героя М.А. Булгакова, но, напротив, лишь усугубят его физическое и умственное состояние.

Вышеуказанные стереотипы появляются и в аннотации на обложке одного из изданий книги “Master and Margarita”:

“One hot spring the devil arrives in Moscow accompanied by two demons, a beautiful naked witch and a huge black cat with a *fondness* for chess and *vodka*.” (Bulgakov, 2003. Translated by M. Glenny).

Как мы понимаем, любовь булгаковского кота к водке совсем не главное его качество. То, что он ее пьет, — авторский приём, позволяющий поместить героя в нужный социокультурный контекст. Русский читатель, скорее всего, проигнорирует эту деталь. Но аннотация, написанная для иноязычного читателя, требует «опоры» на знакомое для него знание, и этим знанием часто являются удобные стереотипы.

В современном мире, где нации и культуры находятся в тесном взаимодействии, знание существующих национальных стереотипов и способность учитывать их влияние в процессе перевода представляет собой важный компонент профессиональной компетенции переводчика. «Живучие» стереотипы могут приводить к поверхностному истолкованию заложенной в тексте оригинальной мысли и исказить ее в переводе, тем самым формируя или закрепляя искаженное (стереотипное) представление реципиента переводного текста об определенных чертах того или иного национального характера и национальных культурных традициях.

Список литературы

- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. М., 2004.
Маяковский В.В. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
Рыжков В.А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
Судаков В.Г. Водка вину тетка. Вологда, 2003. С. 74—81.
Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. М., 1979. Т. 4—7.
Bulgakov M. The Master and Margarita / Transl. by D. Burgen, C. O'Connor. Picador L., 1997a.
Bulgakov M. The Master and Margarita / Transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. Penguin Books L., 1997b.
Bulgakov M. The Master and Margarita / Transl. by M. Glenny. Vintage, L., 2003.
Mayakovsky V. The Bedbug and Selected Poetry, translated by Max Hayward and George Reavey / Transcribed by M. Abidor. Bloomington, 1975.
Mennell S. All Manners of Food. Oxford, 1985.

Р.А. Малинина,

канд. филол. наук, доцент кафедры теории и методологии перевода
Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:*
r_malinina@mail.ru

Т.В. Пушкарева,

канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социокультурной
деятельности Российского государственного социального университета.
E-mail: ap-bib@yandex.ru

**GEDÄCHTNIS — ERINNERUNG — ERINNERUNGSKULTUR
В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
ГЕРМАНИИ. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА**

В статье анализируется проблематика исторической памяти на разных уровнях исторического сознания Германии (прежде всего, научном и идеологическом). Раскрывая особенности употребления понятий «Gedächtnis» (память), «Erinnerung» (память, воспоминание), «Erinnerungskultur» (культура воспоминаний) на конкретных примерах современной научной, публицистической, школьной учебной литературы Германии, авторы приходят к выводу о том, что понятие «Erinnerung» (носящее более динамический, субъективный характер, учитывающее индивидуальное человеческое измерение) употребляется намного чаще, чем понятие «Gedächtnis» (носящее статический, объективный характер и предполагающее в большей степени социальное измерение). Под воспоминанием («Erinnerung») понимается определённая выборка из монолита исторической памяти («Gedächtnis»), которая может быть социально полезной на данном историческом этапе и должна иметь выраженное человеческое измерение. В понятии «Erinnerungskultur» (в русском языке сейчас нет адекватного аналога для перевода, ближе всего смысл этого понятия передаётся словосочетанием «культура исторической памяти») фиксируется опыт по созданию системы социально полезной исторической памяти о недавнем прошлом, в основе которой лежит согласованная гражданская версия этого самого прошлого. Многообразие и особенности употребления немецкоязычной лексики, связанной с понятием «историческая память», отражают специфику меморального направления гуманитаристики в Германии — политизированность и особое внимание к проблемам XX в.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, коллективная память, идеология, политическая культура, «политика памяти».

R.A. Malinina,

Cand. Sc (Philology) Ass. Professor of the Department of Translation Theory and Methodology (Lomonosov MSU). *E-mail:* r_malinina@mail.ru

T.V. Pushkaryova,

Cand. Sc (Philosophy). Ass. Professor of the Department of Culturology, Russian State Social University. *E-mail:* ap-bib@yandex.ru

Gedächtnis — Erinnerung — Erinnerungskultur in the Modern Historical Perception of Germany. Problems of Translation

This article deals with problems of historical memory at different levels of the German historical consciousness (first of all, scientific and ideological). Revealing peculiarities of

the use of concepts “Gedächtnis” (memory), “Erinnerung” (memory, recollection) and “Erinnerungskultur” (culture of recollections) with concrete examples from the modern scientific, publicistic, school educational German literature, the authors come to the conclusion that the concept “Erinnerung” (having a more dynamic and subjective character, considering the individual dimension) is used much more often than concept “Gedächtnis” (having a static and objective character, more of the social dimension). Recollections (“Erinnerungen”) are understood as a certain sample of solid historical memory (“Gedächtnis”) which can be socially useful at a certain historical stage and in which the human dimension must be expressed. The experience in creating a system of socially useful historical memory of the recent past, based on the coordinated civil version of this past, is expressed through the concept “Erinnerungskultur” (there is no adequate translation equivalent in Russian today). The variety and peculiarities of the use of the German vocabulary relating to the concept “historical memory” reflect the specificity of the memorial branch in the Humanities in Germany, i.e. politicalization and great attention to paid to the problems of the XX-th century.

Key words: Historical consciousness, historical memory, collective memory, ideology, political culture, politics of memory.

Немецкий историко-философский лексикон подобен французскому куртуазному — он всегда отличался особым разнообразием и тонкостью (например, именно в немецком различаются понятие истории как процесса (Geschichte) и понятие истории как описания этого процесса (Historie), понятия памятника (Denkmal) и памятника, поставленного в назидание потомству (Mahnmal) и т.д.) Сегодня этот лексикон активно пополняется неологизмами. В последнее десятилетие необычайную популярность приобрело понятие *Erinnerungskultur* (дословно: культура памяти, воспоминания), все чаще употребляемое историками, социологами, культурологами, а также политиками, журналистами, педагогами. Появилось понятие *Erinnerungskultur* (154 000 ссылок в Google) в рамках мемориального направления гуманитаристики в Германии наряду с такими понятиями, как «Geschichtspolitik» (политика в отношении истории, 52 400 ссылок в Google), «Geschichtskultur» (историческая культура, 46 700 ссылок), «Vergangenheitspolitik» (политика в отношении прошлого, 33 000 ссылок) «Gedächtnispolitik» (политика памяти, 2360 ссылок), «Erinnerungsmanagement» (менеджмент воспоминаний, 427 ссылок), и широко используется. Многозначность и сложность употребления этого нового «кодового слова» германского исторического сознания объясняется как сложностью самого понятия «культура», относительной молодостью направления гуманитарного знания, изучающего историческую память, так и особенностями общественно-политической жизни Германии.

Итак, появление этого неологизма (как и ряда других) отчасти связано с так называемым «memory boom» («Erinnerungsboom») — своеобразной интеллектуальной модой, охватившей гуманитарные науки с 1980-х гг. Понятия «историческая память» и «культурная

память» прочно вошли в понятийный аппарат общественных и гуманитарных наук Европы и Америки, и, несмотря на нарастающий скепсис относительно возможности корректного использования этих понятий [Klein, 2000, p. 127—150; Olick, 1999, p. 333—348; Kansteiner, 2002, p. 179—197; Савельева, Полетаев, 2005, с. 170—220], речь всё чаще идет уже о новой «*меморальной*» парадигме гуманитарного знания [Assman, 1992; Zelizer, 1995, p. 214—239] или о новом направлении исторических исследований — «*исторической меморики как критики памяти*» [Fried, 2004].

Задали тон в этом смысле французские интеллектуалы: в 1925 г. Морис Хальбвакс публикует ставшую впоследствии классической для меморальных штудий работу «Социальные рамки памяти» («*Les cadres sociaux de la memoire*»), а уже больше чем через полвека в 1986 г. в связи с празднованием юбилея Великой Французской революции по инициативе и под общей редакцией Пьера Нора началось издание семитомника «Места памяти» («*Lieux de memoire*»), где были каталогизированы памятники, идеи, символы, тексты, праздники, с которыми связывается идентичность французской нации. Понятие «места памяти», сегодня давшее название целой исторической школе, было заимствовано Пьером Нора у Фрэнсис Йейтс, которая в своем классическом труде «Искусство памяти» (*The Art of Memory*, 1966) ввела это понятие для описания приёма мнемотехники ораторов и докладчиков в Средние века: связывать каждый тезис своего выступления с определённым предметом (мебель, светильник и т.п.) или областью пространства (атриум, окно и т.п.) в аудитории.

Немецкий вариант понятия «места памяти» распространился с выходом трехтомника «*Deutsche Erinnerungsorte*» (2001) [*Deutsche Erinnerungsorte*, 2001] — проекта, по аналогии с французским каталогизировавшим «места памяти» (или идентичности) немецкой нации. Три тома «*Deutsche Erinnerungsorte*» включают в себя 18 глав, в каждой из них размещено порядка 6—10 «немецких мест памяти». Первый том: «Рейх», «Поэты и мыслители», «Народ», «Смертельные враги», «Разобщенность», «Вина» (здесь, например, размещены статьи «Пиетизм», «Аушвиц», «Мемориал», «Книфаль»). Второй том: «Революция» (здесь, например, размещены статьи «Реформация», «Наполеон», «Бисмарк», «Роза Люксембург», «1968», «Брандербургские ворота»), «Свобода», «Дисциплина», «Достижения», «Право», «Современность». Третий том: «Образование», «Уют», «Вера и знание», «Родина», «Романтизм», «Идентичность». Интересно, что до выхода этого издания французское «*lieux de memoire*» переводили в Германии чаще как «*Gedächtnisorte*» [Nora, 1990].

Как выразился Ян Ассман (автор одной из наиболее влиятельных концепций культурной памяти в Германии), наряду с класси-

ческим ранковским историческим вопросом «как оно было на самом деле», теперь стоит также вопрос, как оно познавалось и как оно вспоминается [Assman, 2004].

Обращение того или иного общества к своей истории становится отдельным предметом исторических исследований. В 2008 г. в Германии завершился масштабный 12-летний научный исследовательский проект университета Гиссена «Erinnerungskulturen» [Sonderforschungsbereich 434], целью которого стало исследование форм и содержания культурной памяти (воспоминания) от Античности до наших дней, а также исследование причин, почему во всех человеческих сообществах есть потребность в коллективных воспоминаниях. Результатом проекта стали 40 томов, подготовленных 200 сотрудниками разных гуманитарных дисциплин.

Основные темы проекта «Erinnerungskulturen» дают адекватное представление о предлагаемых исследователями подходах: «Bildung und Identitätskonstruktion in Kaiserzeit und Spätantike» — «Образование и структура идентичности в кайзеровские времена и в эпоху поздней Античности»; «Erinnerungskulturen und Gruppenidentitäten in Spätmittelalter und Früher Neuzeit» («**Культуры исторической памяти**» и групповая идентичность в позднем Средневековье и в начале Нового времени); «Erinnerungskonjunkturen: Plurimedialität und Narrativität kultureller Erinnerungsprozesse» («**Конъюнктура исторической памяти: многообразие источников процесса формирования исторической памяти**»), «Erinnerungskulturen in Umbruchsituationen: Nationalsozialismus / Faschismus / Weltkrieg» («**Культуры исторической памяти**» в переломное время: национал-социализм / фашизм / Вторая мировая война), «Zeitentwürfe und Sakralität als Herausforderung an Erinnerung in der transnationalen Konstellation» («Временные контуры и сакральность как требование к исторической памяти в транснациональной констелляции») [Sonderforschungsbereich 434].

Однако необходимо заметить, что германские «memory studies» имели изначально отнюдь не академический, и уже конечно, в отличие от французских, совсем не юбилейный и праздничный характер. В Германии «memory studies» оказались связаны прежде всего с осмыслением нацистского прошлого (в немецкоязычной традиции закрепилось понятие «Aufarbeitung der Vergangenheit», т.е. дословно «обработка прошлого»), начавшимся в стране только в конце 50-х гг. XX в. после «конъюнктурного молчания» аденауэровских времён. «Книфаль» Вилли Брандта (1970) и публичное обсуждение коллективной вины немецкого народа за страдания, причинённые нацистами другим народам (Kollektivschuld), возвращение в школьную программу раздела по истории XX в. и созревшая необходимость разработки «педагогической версии» прошлого,

учреждение журнала «История и память» (1989), в материалах которого официальное воспоминание и государственная политика памяти стали темой исторических исследований (один из основателей журнала — израильский исследователь Холокоста Сауль Фридендер), Маастрихтское соглашение (1992) и осознание необходимости восстановления культурного единства с объединяющейся Европой, — эти и другие события политической и общественной жизни Германии составили и в определённой степени составляют до сих пор, как говорят немцы, «хинтерgrund», или подоплёку меморального направления гуманитарного знания в Германии.

В этом смысле меморальная проблематика в Германии оказалась наиболее политизированной и сконцентрированной на событиях XX в. Как справедливо замечает Алейда Ассман (еще один живой классик меморального направления гуманитаристики в Германии) в своей последней работе «Прошлого длинная тень. “Культура исторической памяти” и политика в отношении истории» (2006), «то, что в 60-е и 70-е годы называлось мифом, идеологией, с 90-х годов обсуждается с использованием понятия “память”» [Assman, 2006, p. 266.].

Kapitel 11. Europa als **Erinnerungsgemeinschaft**.

Europäische Identitätskonstruktionen; Holocaust als Gedächtnis Europas; **Europäische Erinnerungen** nach 1945; Unterschiede in West und Ost; Regeln für einen verträglichen Umgang mit **nationalen Erinnerungen**.

<...> **Erinnerungen**, sowohl auf der individuellen als auch auf der kollektiven Ebene, sind nicht immer wohltätig, sondern auch der Stoff, aus dem Konflikte und aggressive Mythen gemacht sind. Sie sind sowohl gefährlich als auch überlebenswichtig, sie sind ein Mittel zur Schürung von Gewalt als auch ein Mittel der Pazifizierung und Gewaltprävention. So wie es das Anliegen der Psychotherapie ist, die die Entwicklung des Individuums hemmenden **Erinnerungen** zu neutralisieren und in positive Kräfte zu überführen, muss es das Anliegen kulturwissenschaftlicher Forschung sein — und das bildet einen weiteren Schwerpunkt dieses Buches — die gefährliche Dynamik kollektiver **Erinnerungskonstruktionen** bloßzulegen und Kriterien zu entwickeln, an denen sich die negativen Kräfte objektivierend messen lassen. Hier sind einige solcher Fragen, die an **Erinnerungskonstruktionen** zu stellen sind:

- Geschlossenheit oder Offenheit: Können sie es mit der historischen Wahrheit aufnehmen, oder verschließen sie sich vor ihr?
- Einseitig oder inklusiv: Wie viel Widerspruch können sie integrieren?
- Egozentrik oder Verträglichkeit: Wie gehen sie mit den Nachbarn um?
- Heroisierung und Victimisierung: Stehen sie ausschließlich im Zeichen der Ehre, oder kreisen sie ausschließlich um die Opferrolle?

— Externalisierung oder Internalisierung: Wird Schuld abgewehrt oder angenommen?

Wir haben mehrfach von einer ethischen Wende in der **Erinnerungen** gesprochen, die zugleich eine Wende von der heroischen zur **postheroischen Erinnerung** ist. [Assman, 2006, p. 9, 276—277].

Глава 11. Европа как **носитель общей исторической памяти**

Европейские структуры идентичности; Холокост как **память Европы**; **историческая память народов Европы** после 1945; разница между Востоком и Западом; правила бережного обхождения с **национальной исторической памятью**.

<...> Как индивидуальные, так и коллективные воспоминания не всегда полезны, они зачастую представляют собой источник агрессивных мифов и почву для конфликтов. Воспоминания одинаково вредны и полезны для выживания, они средство разжигания насилия и одновременно средство умиротворения. Так же как задачей психотерапии является нейтрализация и перевод в позитивное русло **индивидуальных воспоминаний**, сдерживающих развитие индивидуума, так и задачей культурологического исследования должно быть... раскрытие опасной динамики **коллективных воспоминаний** и разработка объективных критериев определения их негативного потенциала. Вот несколько вопросов, которые помогут в таком анализе **конструкций исторической памяти**:

— Закрыта она или открыта: может ли историческая память соперничать с исторической истиной или она отгораживается от неё?

— Эксклюзивна или инклюзивна конструкция исторической памяти: как много противоречий внутри себя она может допускать?

— Организуется конструкция исторической памяти вокруг идеи гордости или вокруг идеи жертвы?

— Экстернализация или интернализация: предполагает ли конструкция исторической памяти признание исторической вины или нет?

— Историческая память эгоцентрична или миролюбиво уживчива: каким образом она обходится с соседями — носителями другой исторической памяти?

Мы обсудили этический поворот в построении **исторической памяти**, который также означает переход от героической к постгероической **исторической памяти**.

По сути, у Ассман понятие *Erinnerungskultur* означает *новую политическую культуру Европы*, формирование которой обусловлено требованиями глобализации (и, в частности, формированием ЕС). Отличительные особенности этой новой политической культуры, по мнению автора, — выраженное этическое измерение (нашедшее

выражение в извинительных практиках лидеров нескольких стран перед ущемлёнными ими народами в 90-х гг. XX в.) и *инклюзивный характер исторической памяти*, ориентированной, прежде всего, на создание согласованной *наднациональной версии* трагедии Второй мировой войны.

Стратегия идейного культурного сопровождения, объединённая в новое экономическое пространство Европы, конструирование соответствующего этому экономическому базису *совместного исторического сознания* и европейской идентичности [Пингель, 2000] находит отражение в исторической дидактике, где понятие *Erinnerungskultur* становится ключевым.

Заметным событием стал выход в свет немецко-французского трехтомного учебника для старших классов гимназий «Европа и мир» [Henri, 2006; Henri, 2008; Henri, Quintrec, Geiss, 2009], где глава во втором томе «Erinnerungen an den Zweiten Krieg» — «Память о Второй мировой войне», рассказывающая о традициях и современной исторической памяти о Второй мировой войне в Германии и Франции, а также в США, России, Японии и других странах, стала первой учебной презентацией такого рода.

Kapitel 2. Die **Erinnerungen** an den Zweiten Krieg

1. Vom Siegerkult zur «**Erinnerungspflicht**».

2. **Gedenken** an die Shoah. Dossier: **Erinnerungsorte** der Shoah in der Welt.

3. Die Franzosen und der Zweite Weltkrieg — ein «Vichy-Syndrom».

Dossier: Die **Erinnerung** an die Shoah in Frankreich;

4. Deutschland und seine **Erinnerungskultur** seit 1945.

Dossier: Schuldige oder Opfer? — Die Deutschen und ihre Vergangenheit.

Die tief Gedächtnis der Völker haftende **Erinnerungen** an den Zweiten Weltkrieg hatte für die Nachgeborenen eine völlig andere Bedeutung. An die Stelle patriotischer **Gedenkfeiern**, die an den Sieg oder die Niederlage gemahnten, traten weltweit Ehrungen der unzähligen Opfer des Krieges. Die tragische Erinnerung an den Genozid verdrängte nach und nach die **Erinnerung an das Heldentum der Kämpfer**. In einer zunehmend verunsicherten Welt appellieren **Gedenkfeiern** und **-orte** an die **Erinnerungspflicht** künftiger Generationen, damit sich die während des Krieges verübten Gräueltaten nicht wiederholen können.

Welche Spuren hinterließ der Zweite Weltkrieg im **kollektiven Gedächtnis** der Nationen? Wie gingen Frankreich und Deutschland mit ihrer Vergangenheit um und wie haben sie versucht, die Konflikte im Zusammenhang mit der **Erinnerung** an das Vichy-Regime bzw. an die nationalsozialistischen Verbrechen zu überwinden?

1. Vom Siegkult zur **Erinnerungspflicht**?

Können einst feindlich gesinnte Nationen durch die **Erinnerung** an den Zweiten Weltkrieg heute zu gemeinsamen Werten finden?

Sieger und Besiegte

Die offiziellen Feierlichkeiten zum **Gedenken** an das Ende des Zweiten Weltkriegs prägten sich nach 1945 von Land zu Land unterschiedlich aus. Für die westlichen Alliierten symbolisiert der 8. Mai den Sieg der Demokratie über den nationalsozialistischen Totalitarismus. Die UdSSR feierte an jedem 9. Mai das Ende des «Großen Vaterländischen Krieges», das Stalin in einen Sieg des russischen Nationalismus verwandelte, in den einst vom nationalsozialistischen Deutschland besetzten Ländern wird der Tag als Befreiung von der Hitler-Diktatur begangen, an dem vor allem der Widerstandskampf gewürdigt wird.

Die Prozesse von Nürnberg und Tokio (1946 bzw. 1948) mahnten die besiegten Nationen, die Verantwortung für ihre während des Krieges begangenen Verbrechen zu übernehmen. Mit dem Ausbruch des Kalten Krieges stellten die Amerikaner die Verfolgung der Kriegsverbrecher jedoch ein. In Japan wurde erst nach dem Tod von Kaiser Hirohito im Jahre 1989 die zuvor als tabu geltende Frage nach der Verantwortung des Monarchen und damit auch der gesamten japanischen Gesellschaft gestellt. Die Bombenangriffe auf Dresden und Hiroshima mussten für revisionistische Zwecke erhalten, um die von der deutschen und japanischen Armee verübten Verbrechen zu relativieren.

Eine Neubewertung der Vergangenheit

Der Generationenwechsel zu Beginn der 1960er-Jahre und der damit vollzogene Wertewandel führten zu einer weitaus kritischeren Auseinandersetzung mit der Vergangenheit. Daher wurde nun in Westeuropa und den Vereinigten Staaten die Frage nach der Verantwortung für den an den Juden begangenen Genozid in den Mittelpunkt gestellt. **Die Erinnerung** an die deutsche Besatzung löste aber auch neue Kontroversen aus, in Frankreich beispielsweise über das Vichy-Regime und in Österreich im Zusammenhang mit der Waldheim-Affäre.

Stärker als in der Vergangenheit bemühten sich einige Volksgruppen darum, die **Erinnerung** an das ihnen zugefügte Leid wach zu halten, so etwa die Juden oder die Roma und Sinti, die der nationalsozialistischen Barbarei zum Opfer fielen, aber auch die von Roosevelt internierten Amerikaner japanischer Herkunft oder die von Stalin deportierten Völker der Sowjetunion. Die wachsende Zahl der den Opfern verschiedenster Völker und Religionen gewidmeten **Gedenkstätten und Gedenkveranstaltungen** veranschaulicht die **Differenzierung der Erinnerung** an den Zweiten Weltkrieg. <...>

Die Internationalisierung der **Erinnerung** an den Krieg

Seit dem Ende des Kalten Krieges vereinen **offizielle Gedenkfeiern** Sieger und Besiegte im Geiste des Friedens und der Demokratie. Im

Jahre 2004, 60 Jahre nach der Landung der Alliierten in der Normandie, wurde zum ersten Mal auch ein deutscher Kanzler zu den Feierlichkeiten eingeladen. So wich der patriotische Siegeskult der weltweiten Forderung nach einer «Erinnerungspflicht» gegenüber den Opfern des Krieges.

Aber die **Erinnerung** an den Krieg wirkt mitunter auch stärker trennend als verbindend. Obgleich sich Japan bei seinen asiatischen Nachbarn für die von seiner Besatzungsarmee begangenen Gräueltaten offiziell entschuldigte, nährt die **Erinnerung** noch immer tiefe antijapanische Ressentiments in China. Da der Hitler-Stalin-Pakt von 1939 im **Gedächtnis** nach wie vor sehr präsent ist, blieben Litauen und Estland 2005 den von Russland ausgerichteten Feierlichkeiten zum 9. Mai fern.

Dossier: **Erinnerungsorte** der Shoah in der Welt

Noch in jüngster Zeit gab es nur vereinzelt Orte **der Erinnerung**, die sich ausschließlich der Shoah widmeten. Erst seit den 1980er-Jahren wuchs die Zahl der Shoah-**Gedenkstätten**. Dies hätte seine Ursache in einer stärker artikulierten jüdischen **Erinnerung** an den Zweiten Weltkrieg und in der innerhalb der amerikanischen und europäischen Öffentlichkeit erhobenen Forderung, den künftigen Generationen eine «**Kultur der Erinnerung**» zu vermitteln. Die in Berlin und Washington entbrannten Polemiken über den Platz, den es den jüdischen und nichtjüdischen Opfern des Nationalsozialismus einzuräumen gelte, waren Gradmesser der Bedeutung, die die Überlebenden und ihre Nachkommen heute der Anerkennung ihrer Identität beimessen. <...>

4. Deutschland und seine **Erinnerungskultur** seit 1945

Wie konnte die deutsche Gesellschaft ihre Kriegsoffer betrauern, ohne sich dabei ihrer Verantwortung für die national-sozialistischen Verbrechen zu entziehen? <...>

Ein noch immer schmerzendes Nationalbewusstsein

Nach wie vor löst die **Erinnerung an die NS-Zeit** Polemiken aus, die zeigen, dass die Deutschen ihre Vergangenheit noch nicht vollständig aufgearbeitet haben. 1986 prangerte der Philosoph Jürgen Habermas in der Wochenzeitung «Die Zeit» die Versuche zur patriotischen Rehabilitierung deutscher Geschichte an und löst damit den Historikerstreit aus. Das 1996 von dem Amerikaner Daniel Goldhagen veröffentlichte Buch «Hitlers willige Vollstrecker» wurde ein Bestseller trotz seiner umstrittenen These, der zufolge alle Deutschen, und nicht nur die Nationalsozialisten, «fanatisierte Antisemiten» gewesen seien.

1998 hielt der Schriftsteller Martin Walser eine Aufsehen erregende Rede über die Allgegenwart des Auschwitz-Themas in den Medien, die seiner Meinung nach am Ende Überdross und Ablehnung in der deutschen Öffentlichkeit auslösen würde. Eine ähnliche Debatte entspann sich um Zweckmäßigkeit eines neuen Holocaust-Denkmal mitten im wiedervereinigten Berlin; sie wurde vom rechtsextremen Lager aufgegriffen. Trotz allem stößt heute die Forderung nach einer **Kultur des Erinnerung**

auf breitere Akzeptanz als in der Vergangenheit: Die **Erinnerung an den Krieg** ist zu einem tragenden Bestandteil der nationalen Identität Deutschlands geworden, das dadurch sein Engagement für die Demokratie und seine Verantwortung innerhalb Europäischen Union zum Ausdruck bringen kann.

Dossier: Schuldige oder Opfer? — Die Deutsche und ihre Vergangenheit.

In Deutschland herrscht inzwischen ein breiter Konsens über die Notwendigkeit einer **Erinnerungspflicht** gegenüber den Opfer der Shoah. Unklar blieb jedoch lange Zeit die Frage, wie eine solche Verpflichtung an die jüngeren Generationen weitergegeben werden sollte, da sich diese im Unterschied zur Kriegsgeneration nicht mehr für die im Dritten Reich verübten Verbrechen schuldig fühlen.

Die öffentliche Auseinandersetzung mit den Verbrechen der NS-Diktatur, die seit Ende der 1950er-Jahre die kollektive Verantwortung der Deutschen hervorhebt, hat das **Familiengedächtnis, die Erinnerung** an das während des Zweiten Weltkrieges persönlich erlebte Leid, nie verdrängen können. So steht seit den 1990er-Jahren das Schicksal der deutschen Kriegsoffer — Zivilisten und Soldaten — und nicht mehr die Aufarbeitung des Genozids im Mittelpunkt heftiger Kontroversen. Doch kann Deutschland heute seiner Opfer **gedenken**, ohne, wie in der Vergangenheit, dem Vorwurf ausgesetzt zu sein, den Holocaust zu verharmlosen und seine Verantwortung gegenüber der Geschichte zu relativieren <...> [Henri, 2006, S. 30—43].

Глава 2. Память о Второй мировой войне

1. От культа победителей к долгу исторической памяти.

2. Память о Холокосте.

Досье: **Места памяти** Холокоста в мире.

3. Французы и Вторая мировая война — «синдром Виши».

Досье: **Память** о Холокосте во Франции

4. Германия и ее «культура исторической памяти» с 1945 года.

Досье: виновные или жертвы — Немцы и их прошлое.

Воспоминания о войне, глубоко запечатлённые в **памяти** народов, имели для потомков совершенно иное значение. Вместо патриотических **памятных празднеств**, которые напоминали о победе или поражении, пришло почитание большого количества жертв войны. Трагическая **память** о геноциде постепенно вытесняет **память** о героизме воинов. В мире растущей неуверенности **памятные празднества и места памяти** апеллируют к долгу **памяти** будущих поколений, чтобы не повторились ужасы войны.

Какие следы оставила Вторая мировая война в **коллективной памяти** нации?

Как справились Франция и Германия со своим прошлым и как они преодолели конфликты, связанные с **памятью** о режиме Виши и национал-социалистических преступлениях?

1. От культа победителей к **долгу памяти**.

Смогут ли ранее враждебно настроенные народы благодаря **исторической памяти** о Второй мировой войне прийти к общим ценностям?

Победители и побеждённые

Официальные празднества в **память** о конце Второй мировой войны отмечались в разных странах по-разному. Для большинства союзников 8 мая символизирует победу демократии над национал-социалистическим тоталитаризмом. Советский Союз праздновал 9 мая конец Великой Отечественной Войны, который Сталин превратил в победу русского национализма, в оккупированных национал-социалистической Германией странах этот день отмечается как день освобождения от гитлеровской диктатуры, когда, прежде всего, чувствуется движение Сопrotивления.

Процессы в Нюрнберге и Токио (соответственно в 1946 и 1948 гг.) призывали побеждённые нации взять на себя ответственность за свои преступления во время войны. С началом «холодной войны» американцы прекратили преследование военных преступников. В Японии только после смерти императора Хирохито в 1989 г. перед обществом был поставлен табуированный ранее вопрос об ответственности монарха. Бомбардировки Дрездена и Хиросимы рассматривались как события, релятивизирующие преступления немецкой и японской армии.

Переоценка прошлого

Смена поколений в начале 1960-х гг. и связанная с этим переоценка ценностей привели к критике событий прошлого. Исходя из этого центральным в Западной Европе и США стал вопрос ответственности за Холокост. Но воспоминания о немецкой оккупации также породили новые контroversы, к примеру во Франции они оказались связанными с оценкой режима Виши, в Австрии — с вальдгеймовскими событиями.

Некоторые народные объединения — как, например, евреи и цыгане, павшие жертвами национал-социалистического варварства, а также интернированные Рузвельтом американцы японского происхождения и депортированные по приказу Сталина народы Советского союза — еще сильнее, чем раньше, пытались возродить **память** о причинённых им страданиях. Различия в восприятии Второй мировой войны наглядно показывают растущее количество **памятников** и **памятных мероприятий**, посвящённых жертвам разной национальной и религиозной принадлежности, и **дифференциацию исторической памяти**.

Интернационализация **военных воспоминаний**

С конца холодной войны **официальные памятные мероприятия** объединяют победителей и побеждённых во имя мира и демократии. В 2004 г., к шестидесятой годовщине высадки союзных войск в Нормандии, на празднования был впервые приглашен и немецкий канцлер. Таким образом, патриотический культ победителей превращается по всему миру в исполнение **долга памяти** по отношению к жертвам войны.

Но сама **память** о военном времени в то же время оказывает более разобщающее, нежели объединяющее действие. Несмотря на то, что Япония официально извинилась перед соседними странами за произвол своих вооружённых сил, эти **воспоминания** всё еще питают глубинный антияпонский настрой в Китае. Ввиду того, что пакт 1939 г. между Гитлером и Сталиным до сих пор занимает заметное место в **исторической памяти**, в 2005 г. Эстония и Литва воздержались от участия в российских праздничных мероприятиях, приуроченных к 9 мая.

Досье: **Места памяти** Холокоста в мире.

Ещё совсем недавно **мемориалов**, посвящённых исключительно Холокосту, было крайне мало. Только с конца 1980-х гг. их количество возросло. Предпосылками этого процесса стали сильнее зазвучавшие **воспоминания** самих евреев о Второй мировой войне, а также стремление общественности Соединённых Штатов и Европы передать «**культуру исторической памяти**» следующим поколениям. Разгоревшиеся в Берлине и Вашингтоне дебаты о необходимости мемориала жертвам национал-социализма (еврейского и иного происхождения) показали значение, которое придают как пережившие Вторую мировую войну, так и их потомки социальному признанию своей идентичности.

4. Германия и её «**культура исторической памяти**» с 1945 г.

Как могла бы Германия оплакивать своих жертв военных действий, не уклоняясь при этом от ответственности за национал-социалистские преступления?

Всё ещё щемящее национальное самосознание.

Как прежде, так и теперь **воспоминания** о времени правления национал-социалистов порождают исторические споры, показывающие, что немцы не до конца переработали своё прошлое. В 1986 г. философ Юрген Хабермас опубликовал в газете «Die Zeit» свою попытку патриотически реабилитировать историю Германии и тем самым положил начало известному спору историков об общем и различном в режимах коммунизма и национал-социализма. Книга американца Даниэла Гольдхагена «Послушные исполнители Гитлера» (1996) стала бестселлером, несмотря на спорную гипотезу, согласно которой все немцы, а не только национал-социалисты, были «фанатичными антисемитами».

В 1998 г. писатель Мартин Вальзер выступил с вызвавшей скандал речью о том, что заполонившая средства массовой информации тема Освенцима может вызвать обратную реакцию раздражения и неприятия внутри немецкого общества. Такие же дебаты возникли и вокруг целесообразности сооружения нового памятника Холокосту в центре объединённого Берлина; эта тема была подхвачена правыми экстремистами. Несмотря на это, сегодня стремление воздать **память** жертвам войны, находящая отражение в «**культуре исторической памяти**», встречает большую поддержку, чем ранее: **память** о войне стала трагической частью национальной идентичности Германии, которая таким образом выражает своё стремление к демократии и признанию ответственности перед Европейским Союзом.

Досье: Виновники или жертвы? — Немцы и их прошлое.

В Германии между тем царит единодушие относительно необходимости **памяти** о жертвах Холокоста. Но на протяжении долгого времени оставался невыясненным вопрос, как подобная моральная обязанность должна быть передана молодым поколениям, не чувствующим, в отличие от военного поколения, вины за преступления времён Третьего рейха.

Внимание общества к преступлениям национал-социализма, которое с конца 1950-х гг. формирует коллективную ответственность немцев, не может вытеснить **семейную память** и личные страдания, испытанные во времена Второй мировой войны. Таким образом, с 1990-х гг. наиболее остро стоит вопрос о судьбе немецких жертв военных действий среди фронтовиков и работников тыла, а не анализ событий геноцида. Но может ли Германия сегодня **помнить** своих павших, одновременно не релятивизируя свою историческую ответственность и не подвергаясь упрекам?

Основная идея этой главы: необходимость в формировании исторической памяти о Второй мировой войне перейти от *культы победителей* (Siegertkult) к *долгу памяти* (Erinnerungspflicht), т.е. такого рода исторической памяти, которая позволила бы избежать повторения ужасов нацизма, геноцида и войны в будущем. *Долг памяти о войне* перед будущими поколениям в понимании авторов учебника состоит, прежде всего, в памяти о Холокосте, что вызывает противоречивые оценки в самом немецком обществе. Весьма уязвимо, в духе «конкуренции жертв», но по сути довольно точно сформулировал в 1993 г., например, сомнение в необходимости *особой памяти* о Холокосте (в немецкой традиции используется понятие *сакрализации*) Кристиан Майер: «Не попадают ли те преступления, которые мы совершили против Польши и России, в тень Холокоста?» [Assman, 2006, p. 266]. Итак, довольно часто

на обыденном и идеологическом уровне исторического сознания Германии и Европы под *Erinnerungskultur* понимается прежде всего память о геноциде и жертвах Холокоста, которую Ян Ассман назвал одним из видов гражданской религии в XX в. [Jarausch, Sabrow, 2002, p. 7]. Интересно, что именно в отношении памяти о Холокосте в процитированном выше учебнике применено понятие *Gedenken* (в целом это слово употребляется довольно редко).

Формирование европейской *Erinnerungskultur* в немецкой школе нередко подразумевает использование в учебном процессе индивидуальных воспоминаний свидетелей исторических событий, для этой цели созданы даже Биржи профессиональных исторических свидетелей, членами которых бывают обычно одинокие пожилые люди, охотно участвующие в уроках истории. Это, в определённом смысле, бесстрашные практики, так как зачастую возникают непростые ситуации, когда приглашённый на урок свидетель в непринужденной беседе начинает говорить что-то «не то» [Плато, Пандель, 2002, с. 92—122]. Яркий пример обращения к устным воспоминаниям свидетелей исторических событий в учебных целях можно найти на сайте дидактического (ориентированного на школу и учителей) проекта «“Черные часы” и “золотые времена”: судьбы европейских городов» [Schwarze Stunden und Goldene Zeiten...], проводимого Институтом международных исследований школьных учебников им. Георга Эккерта (г. Брауншвайг).

Infotext. Essen 1943: «Battle of the Ruhr». Unterschiedliches **Erinnern**.

Die Erinnerungen von Menschen und Menschengruppen an dieselben Ereignisse können unterschiedlich sein. Diese Unterschiede betreffen zum Beispiel die Beurteilung des Geschehens oder die Emotionalität mit der über dieses gesprochen wird. Das subjektive Empfinden von Ereignissen ist in erster Linie von der Betrachtungsperspektive abhängig. So ist es wichtig, wer **sich erinnert** und welche Art emotionaler Bindung die Personen an das historische Geschehen haben.

Auch die Bombenangriffe auf das Ruhrgebiet sind unterschiedlich in den **Erinnerungen einzelner Menschen und Menschengruppen** verhaftet.

Unterschiede sind beispielsweise bei den folgenden beiden Gruppen feststellbar: 1. Bei Zeitzeugen, die selber furchtbare Angst im Krieg erlebt haben und; 2. bei den Nachkommen, denen diese Erfahrungen weitergegeben wurden.

Aufgrund individueller Erfahrungen sind diese wiederum unterteilbar in: deutsche Bombenopfer; ausländische Bombenopfer und Zwangsarbeiter. Unterschiedlich **erinnern sich** auch einzelne Nationen. Zum Beispiel nimmt im englischen Kollektivgedächtnis die Luftschlacht über England einen wichtigeren Platz als der Luftkrieg in Deutschland an.

In Polen hingegen wird in erster Linie dem vom polnischen Volk erfahrenen Leid im Zweiten Weltkrieg gedacht. Im deutschen **öffentlichen Gedächtnis** wiederum dominierte seit Ende der 1950er Jahre das «Schuld — Narrativ». Das Verbrechen der Nationalsozialisten, insbesondere der Holocaust, stand im Mittelpunkt aller den Zweiten Weltkrieg betreffenden Debatten. Seit den 1990er Jahren wird über Veränderungen der **deutschen Erinnerungskultur** gesprochen. So wird heutzutage auch über das Leid der deutschen Kriegsoffer diskutiert (zum Beispiel der Menschen, die Bombenangriffe erlebten). Aktuell wird die Frage in der **deutschen Erinnerungskultur** gestellt, wie die deutsche Gesellschaft ihre Kriegsoffer betrauern kann, ohne dabei die Verantwortung für die nationalsozialistischen Verbrechen auszublenden.

Individuelle Erinnerungen sind oft selektiv. Einige Details, Episoden und Besonderheiten eines Ereignisses werden entweder behalten oder vergessen beziehungsweise für unwichtig gehalten, so dass sie nicht weiter vermittelt werden. Es kommt vor, dass Einzelheiten bewusst nicht thematisiert werden. Dies kann verschiedene Gründe haben. Zum einen können Details unangenehme Gefühle wecken, zum anderen können diese den Erzählenden in einem schlechten Licht darstellen. Dies stellt eine unvollständige Erzählung dar, die manipuliert anstatt aufzuklären. <...>

Quellenblatt. Essen 1943: «Battle of the Ruhr». Unterschiedliches **Erinnern**

Im Sommer 2008 wurden eine deutsche Gymnasialschülerin und ihre polnische Altersgenossin interviewt. Das Thema des Gesprächs waren «Bombenangriffe auf das Ruhrgebiet». Das Ergebnis dieses Interviews sehen Sie in Form einer Zusammenfassung. <...>

Interview: Paulina, 16 Jahre alt, Allgemeinbildendes Lyzeum, Warschau.

«Die Bombenangriffe auf das Ruhrgebiet? Hmm... ich weiß nur, dass die deutschen Städte sehr zerbombt waren, aber die Details kenne ich nicht. Die Alliierten wollten die deutsche Industrie zerstören, damit die Deutschen nicht mehr Waffen herstellen konnten. In das Ruhrgebiet waren viele Zwangsarbeiter von den Nazis verschleppt worden; viele sind nicht mehr nach Hause zurück gekommen. Unter ihnen waren auch viele Polen, die von den Luftangriffen betroffen waren. Wenn ich an die Bombenangriffe im Zweiten Weltkrieg denke, fallen mir eher die Informationen über das Schicksal der polnischen Hauptstadt ein, wo ich seit meiner Geburt lebe». <...>

Interview: Antonia, 16 Jahre alt, Gymnasium, Hannover.

«Deutschland wurde während des Krieges sehr zerbombt, viele Städte waren bis auf die Grundmauern zerstört. Die Zivilbevölkerung war sehr betroffen. Mein Vater erzählte mir, dass seine Oma **sich** sehr oft an die

Бомбардировки в Бохум **erinnerte**. Ihre Schwester hat diese Zeit nicht überlebt. Sie befand sich in einem Luftschutzraum, auf den direkt eine Bombe fiel». <...>

Aufgabenblatt. Essen 1943: «Battle of the Ruhr». Unterschiedlich **Erinnern**

<...> 4. Charakterisieren Sie mit Hilfe des Infotextes und mit Hilfe von M 3 das so genannte «**öffentliche**» und «**private**» **Gedächtnis**. Bewerten Sie die Rolle **des öffentlichen und des privaten Gedächtnis** innerhalb einer Gesellschaft. 5. Diskutieren Sie, wie die deutsche Gesellschaft ihre Kriegesopfer betrauern kann, ohne dabei die Verantwortung für die nationalsozialistischen Verbrechen auszublenden. 6. Recherchieren Sie über die weltweiten Bombardierungen im Zweiten Weltkrieg. Gehen Sie auf die betroffenen Länder, Regionen und Städte ein. Von wem wurden Sie bombardiert? Vergleichen Sie das «Schicksal» der Bevölkerungen während dieser Zeit. 7. Recherchieren Sie, wie die einzelnen Nationen dieser Bombardierungen gedenken. 8* Diskutieren Sie Chancen und Grenzen einer **gemeinsamen europäischen Erinnerungskultur**.

Информационный текст. «Бомбардировки Рурской области». Разные **воспоминания**.

Воспоминания отдельных людей и групп людей об одном и том же событии могут быть разными. Эти различия касаются прежде всего оценки событий или тех эмоций, с которыми говорится об этих событиях. Субъективное восприятие событий зависит от угла зрения, под которым оно рассматривается. Так, например, важно, кто **вспоминает** и какие эмоции связывают его с этим историческим событием. Например, бомбардировки Рурского бассейна по-разному запечатлелись в **памяти** разных людей и групп людей.

Различия восприятия можно разделить на две группы: современников, которые пережили ужасы войны; потомков, которым этот опыт был передан.

Индивидуальный опыт также неодинаков у немцев, переживших бомбардировки, и иностранцев, занятых принудительным трудом. По-разному воспринимают и разные народы. Например, в английской **коллективной памяти** битва в небе над Англией занимает более значительное место, чем битва в небе Германии. В Польше, однако, в первую очередь помнят о страдании польского народа во Второй мировой войне. В немецкой **публичной памяти** доминировал с конца 1950-х гг. нарратив исторической вины.

Преступление национал-социалистов, особенно Холокост, был всегда в центре дебатов о Второй мировой войне. С 1990-х гг. речь идет об изменении немецкой «**культуры исторической памяти**». Сегодня проходят дискуссии о страданиях немцев, например, пере-

живших бомбёжки. Для немецкой «культуры исторической памяти» актуальным становится вопрос, как немецкое общество может скорбеть по своим жертвам, не отказываясь при этом от ответственности за преступления национал-социалистов.

Индивидуальная память часто селективна. Некоторые детали, эпизоды и особенности события либо запоминаются, либо забываются, или считаются неважными, так что о них и не рассказывают. Случается, что детали осознанно утаиваются. Это может иметь разные причины. С одной стороны, детали могут вызвать неприятные чувства, с другой — они могут представить рассказчика не в лучшем свете. И тогда появляется искаженный рассказ, который манипулирует информацией вместо того, чтобы объяснить.

В учебный материал («Источники») о «черных часах» города Эссена («Бомбардировки 1943 года»), таким образом, были включены интервью двух гимназисток Эссена и Варшавы — немки и польки, которые рассказывают о том, что они знают о военных бомбёжках в своих городах. Воспоминания дедушек и бабушек, соответствующие памятники, средства массовой информации и школьная программа становятся источниками, с помощью которых формируется представление школьниц двух стран — бывших противников («преступника» и «жертвы») во Второй мировой войне. В учебный рассказ попадают *разные воспоминания*, сравнение и критика которых также входит в задачу формирования европейской *Erinnerungskultur*. А размышления о том, каким образом формируются исторические представления, становятся важным элементом учебного процесса и составной частью формируемой *Erinnerungskultur*.

* * *

Уже из этого короткого экскурса в меморальные штудии современной Германии очевидно, что при обсуждении проблематики исторической памяти понятие *Erinnerung*, носящее более динамический, изменчивый характер и включающее индивидуальное субъективное представление, используется чаще, чем понятие *Gedächtnis*, носящее статический, неизменный характер и предполагающее в большей степени социальное измерение. В русском языке для передачи этих трёх значений используется только одно слово — «память» (для указания на коллективный характер которой всегда вводятся прилагательные — «историческая», «культурная», «социальная», «коллективная»). Русское слово «воспоминание» используется для обозначения только индивидуального, отнюдь не социального процесса и результата воспоминания, поэтому данное

понятие не всегда можно использовать для передачи значения «Erinnerungen» в обсуждаемом контексте.

Под исторической памятью — *Erinnerungen* всё больше понимается определённая выборка из монолита исторической (а также культурной) памяти — *Gedächtnis*, которая может быть социально полезной на данном историческом этапе и иметь выраженное человеческое измерение. Понятие *Gedenken* делает акцент на непреходящем значении, возможно сверхценности, некоторых фрагментов исторической памяти — *Erinnerungen*.

Социальная выборка соответствующих фрагментов при формировании динамической исторической памяти — *Erinnerungen* в историческом сознании Германии осуществляется по законам демократического общества, но всегда остаётся более или менее конъюнктурной. Можно заметить, что этот процесс рефлексирован экспертным сообществом профессиональных историков [Jarausch, Sabrow, 2002] и в целом не приводит к необратимой релятивизации и политизации собственно научного исторического знания.

Для перевода понятия «Erinnerungskultur» в русском языке нет адекватного аналога, в целом его смысл передаёт словосочетание «культура исторической памяти». Интересно, что понятие *Erinnerungskultur* в немецкой академической традиции (научный уровень исторического сознания) основывается на *экспериментном понимании культуры* (согласно этой теории, культура рассматривается как социально значимый опыт человеческой деятельности, передаваемый из поколения в поколение [Муравьев, 1995]), здесь же имеется в виду любой социальный опыт обращения к прошлому. В дидактической традиции (идеологический уровень исторического сознания) *Erinnerungskultur* понимается сегодня, прежде всего, как *долг памяти о жертвах Второй мировой войны* и, таким образом, имеет выраженный аксиологический и конкретно-исторический характер. В понятии *Erinnerungskultur* в историческом сознании Германии, таким образом, оказывается зафиксирован опыт по созданию *системы социально полезной исторической памяти о недавнем прошлом, в основе которой лежит согласованная гражданская версия этого самого прошлого*. ...Излишне говорить о том, что для России (с XVIII в. с переменным успехом обретающей европейскую идентичность) и российского исторического сознания, контуры которого в значительной мере определяет память о Второй мировой войне, этот опыт имеет отнюдь не отвлечённый характер.

Работа выполнена при поддержке программы «Иммануил Кант» (2008) Германской службы академических обменов (DAAD).

Список литературы

- Муравьев Ю.А.* Истина. Культура. Идеал. М., 1995.
- Пингель Ф.* Национальная история и/или европейская история // Десять разных мнений: Учебник. Eszinija, 2000. С. 52—77.
- Плато фон А., Пандель Г.Ю.* и др. Выгоды и опасности участия свидетелей в учебном процессе // Возрождение из руин: воспоминания, мифы и табу в преподавании истории послевоенного времени в России и Германии: Материалы германо-русского семинара / Под общ. ред. М.А. Сукиасяна. Волгоград, 2002. С. 92—122.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М.Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 170—220.
- Assman J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
- Assman J.* Moses der Ägypter. Frankfurt, 2004.
- Assman A.* Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006.
- Deutsche Erinnerungsorte* / Hgs. von E. François, H. Schulze. München, 2001.
- Fried J.* Der Schleier der Erinnerungen: Grundzüge einer historischen Memorie. München, 2004.
- Henri D., Le Quintrec G., Geiss P.* Europa und die Welt seit 1945. Deutsch-französisches Geschichtsbuch. Gymnasiale Oberstufe. Stuttgart; Leipzig, 2006.
- Henri D., Le Quintrec G., Geiss P.* Europa und die Welt vom Wienerkongress bis zum Ende des 2. Weltkrieges. Deutsch-französisches Geschichtsbuch. Gymnasiale Oberstufe. Stuttgart; Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2008.
- Henri D., Le Quintrec G., Geiss P.E.* Europa und die Welt von Antike bis zu Napoleon. Deutsch-französisches Geschichtsbuch. Gymnasiale Oberstufe. Stuttgart; Leipzig: Ernst Klett Verlag (выход планируется к 2009/10 учебному году).
- Jarausch H., Sabrow M.* Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2002.
- Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *Historie and Theory*. May 2002. Vol. 41, N 2. P. 179—197.
- Klein K.L.* On the emergence of Memory in historical Discourse// *Representations*. Winter 2000. N 69 (Special Issue: Grounds for Remembering). P. 127—150.
- Nora P.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Wagenbach, 1990.
- Olick J.K.* Collective Memory: The Two Cultures// *Sociological*. November 1999. Vol. 17, N 3. P. 333—348.
- «Schwarze Stunden und Goldene Zeiten — Europäische Städteschicksale». Georg-Eckert-Institut für die internationale Schulbuchforschung (Braunschweig). <http://www.urban-kaleidoscope.eu>.
- «Sonderforschungsbereich 434. Erinnerungskulturen». Justus-Liebig Universität Gießen (<http://www.uni-giessen.de/erinnerungskulturen/home/index.html>).
- Zelizer B.* Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 12, N 2. P. 214—239.

М.А. Марусенко,

докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Санкт-Петербургского гос. ун-та. *E-mail*: mamikhail@yandex.ru

А.В. Шабалина,

аспирантка кафедры романской филологии Санкт-Петербургского гос. ун-та

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК ДИПЛОМАТИИ: О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ДИНАСТИЧЕСКОГО ЗАКАЗА

В статье рассматриваются вопросы истории использования французского языка в качестве международного дипломатического языка. Вопреки традиционной точке зрения, относящей начало этого периода к 1714 г., показано, что на самом деле первым международным дипломатическим документом, составленным на французском языке, является договор между королем Англии Эдуардом III и королем Наварры Карлом II Злым от 1 августа 1351 г. о передаче короны Франции королю Англии, а также дается объяснение игнорирования этого факта официальной французской историографией.

Ключевые слова: международный дипломатический язык, Нимвегенские договоры, Рашштатский договор, Соглашение в Мортфонтене, конкуренция английского языка, Ордонанс Вилле-Коттре, Договор от 1 августа 1351 г.

M.A. Marusenko,

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Romance Philology, St. Petersburg State University. *E-mail*: mamikhail@yandex.ru

A.V. Shabalina,

Post-graduate student, Department of Romance Philology, St. Petersburg State University

The French Language as the International Language of Diplomacy: Historical Fact vs. Dynastic Fiction

The article studies the history of the use of the French language as the language of international diplomacy. Despite the traditional point of view according to which this period started in 1714, the first international diplomatic document to be written in French was, in actual fact, the treaty of the devolution of the French crown to the King of England that was signed by the King of England, Edward III and the King of Navarra, Charles II the Angry 1 August 1351. The authors explain why this fact has been ignored by the official French historiography.

Key words: international language of diplomacy, Treaties of Nimwegen, Treaty of Rastadt, Convention of Mortefontaine, English language rivalry, Ordinance of Villers-Cotterets, Treaty of 1 August 1351.

Традиционно считается, что французский язык стал применяться за пределами Франции в качестве международного официального и дипломатического языка в царствование Людовика XIV.

В 1678—1679 гг. в голландском городе Нимвеген был заключен ряд мирных договоров между Францией и ее противниками — Союзными провинциями, Испанией и Священной римской империей, положивший конец Голландской войне (*Traité de Nimègue*). Переговоры велись, естественно, на языке победителя — французском. Самые большие потери в этой войне понесла Испания, вынужденная отдать Франции провинции Франш-Конте, Артуа и южную часть Фландрии. Нимвегские договоры были дополнены договором от 5 февраля 1679 г. между Людовиком XIV и императором Германии Леопольдом I. Этот договор был унижительным для Германской империи, вынужденной признать условия Вестфальского договора 1648 г., ознаменовавшего окончание Тридцатилетней войны. Франция сохранила за собой Лотарингию и ликвидировала относительную автономию Эльзаса. На севере Европы Людовик XIV заставил Данию и Бранденбург вернуть все территории, захваченные у Швеции, бывшей союзником Франции. Благодаря этим победам Франция стала главным военным, политическим и дипломатическим арбитром всей Европы.

Первым международным дипломатическим документом на французском языке по традиции считается Раштаттский договор (*Traité de Rastadt*), заключённый в 1714 г. и завершивший войну за испанское наследство. Почти все дипломатические канцелярии Европы стали использовать этот аристократический язык, вытеснявший латинский из этой сферы, хотя латынь еще продолжала употребляться.

Международному распространению французского языка способствовали военные успехи королевской армии. В это время Франция была самой могущественной страной континентальной Европы, имела огромную по тем временам армию и военный флот, насчитывающий более 200 боевых кораблей.

Мощным фактором распространения французского языка за пределами Франции был исход гугенотов, начавшийся после Варфоломеевской ночи (1572 г.). Этот факт старательно затушёвывается в официальной истории Франции, написанной республиканцем Ж. Мишле и историками его школы, хотя никто не отрицает, что именно гугеноты первыми ввели школьное обучение на французском языке, добившись почти поголовной грамотности, что позволило каждому ребёнку читать Библию на родном языке, а также того, что большинство книгоиздателей той эпохи, печатавших книги на французском языке, были приверженцами этой конфессии.

К 1811 г., в результате наполеоновских завоеваний, политическая карта Европы была изменена самым радикальным образом. Сама Франция, или то, что называется Шестиугольник (*Hexagone*),

состоявшая в 1790 г. из 83 департаментов, в 1811 г. насчитывала уже 130 департаментов. Бельгия была аннексирована Францией в 1795 г. и поделена на департаменты. Люксембург также стал Лесным департаментом Франции. В июле 1810 г. французской становится Голландия, за ней следуют северогерманские ганзейские города. На левом берегу Рейна в 1798 г. были образованы четыре французских департамента: Трев, Майенц, Кобленц и Экс-ла-Шапель. Французской территорией также стала и Женева. По ту сторону Альп Франция в 1809 г. увеличила свою территорию за счет Пьемонта (6 департаментов), Генуи, Тосканы, Пармы, Папской области. К этому нужно добавить еще и иллирийские провинции, Триест, Истрию, Хорватию, Далмацию. В 1812 г. Каталония была отнята у Испании и вошла в состав Франции четырьмя департаментами.

К этому времени Брюссель, Амстердам, Гамбург, Кобленц, Женева, Турин, Флоренция, Рим и Барселона представляли собой фактически французские города. Площадь империи превышала 750 000 кв. км, а население — 45 млн человек. Наполеон имел титулы короля Италии, в состав которой входили Милан и Венеция, медиатора Гельветической конфедерации, протектора Рейнского союза, объединявшего все немецкие государства. Германия всё еще оставалась раздробленной, и её единство держалось только на власти Наполеона. В её сердце, в Вестфальском королевстве, на руинах прусской монархии, на престол был посажен Жером Бонапарт, младший из братьев Наполеона. Эта Рейнская конфедерация заменила собой Священную римскую империю германской нации, переставшую существовать после поражения при Аустерлице (1805). К этому союзу примыкало Варшавское герцогство, образованное из прусской и австрийской долей от раздела Польши в конце XVIII в. Хотя формально это герцогство находилось под властью короля Саксонии, Наполеон посадил там резидента, который обеспечивал прямую связь между Парижем и Варшавой.

Наполеон управлял также и другими странами Европы через своих вассалов, которые теоретически были независимыми, но на деле подчинялись его приказам. Его старший брат Жозеф в 1808 г. стал королем Испании; на юге Италии неаполитанским королём стал зять Наполеона Мюрат. Датский и норвежский король Фредерик IV был верным союзником Наполеона. Швеция в 1810 г. выбрала наследным принцем французского маршала Бернадота.

В 1810 г., благодаря браку с Марией-Луизой Австрийской, Наполеон стал зятем императора Франца II, который после распада Священной Римской империи под именем Франца I правил Австрией, Венгрией, территориями, входящими сегодня в состав Чехии, Словакии и частично Румынии. С 1807 г., после заключения Тильзитского мира, союзницей Франции была Российская империя.

Таким образом, от власти Наполеона спаслись только островные государства: Великобритания, Сицилия и Сардиния.

Инструментом унификации этой огромной империи во всех областях политической и общественной жизни был французский язык.

Языковой унификации в значительной степени содействовала введённая в империи система воинской повинности, способствовавшая смешению народов на ее территории. Для вторжения в Россию в 1812 г. Наполеон собрал армию со всей Европы: французов, бельгийцев, голландцев, немцев из разных областей Германии, итальянцев, пьемонтцев, считавшихся французами, неаполитанцев, швейцарцев, датчан, испанцев, австрийцев, пруссаков, поляков, хорватов и т.д.¹. Управление из единого центра и координация действий многонационального воинского контингента требовали использования в армии единого языка-посредника, которым, конечно же, мог стать только французский язык.

Военная экспансия стала основной причиной использования французского языка в международных отношениях, где Франция с позиций силы диктовала свои условия и, естественно, на своем языке.

Однако уже в ту эпоху, в ситуации, когда политическое и военное положение Франции не было доминирующим, ей приходилось занимать более гибкую позицию, включая и язык дипломатических документов.

Так, во время Директории (1795—1799) произошло серьезное ухудшение отношений между США и Францией. С 1798 по 1800 г. между двумя республиками шла морская война, в ходе которой с обеих сторон имели место захваты торговых судов. Дело дошло до того, что 7 июля 1798 г. Конгресс США в одностороннем порядке аннулировал все соглашения и договоры, заключённые с Францией.

В декабре 1799 г., едва вступив в должность Первого консула, Наполеон, который был большим почитателем США и даже держал на своем письменном столе бюст Дж. Вашингтона, предложил американскому президенту Дж. Адамсу начать переговоры о заключении мирного договора. Переговоры начались 2 апреля 1800 г. и закончились 30 сентября того же года (8-й день вандемьера 9-го года Французской республики) подписанием договора, получившего название «Соглашение в Мортфонтене», по названию дворца, в котором проходило это дипломатическое событие. Договор был составлен на двух языках, что отражало слабость позиции Франции на этих переговорах, в ходе которых Наполеон был вы-

¹ *Tulard J.* Napoléon et l'Europe. Communication de Jean Tulard prononcée en séance publique devant l'Académie des sciences morales et politiques le lundi 9 février 2004 (www.canalacademie.com/Napoleon-et-l-Europe.html)

нужен отъехать в Италию спасти Республику, где 14 июня 1800 г. состоялась битва при Маренго. Договор состоял из 27 статей, а в заключении говорилось: «*En foi de quoi, les plénipotentiaires respectifs ont signé les articles ci-dessus, tant en langue française qu'en langue anglaise, et ils y ont apposé leur sceau, déclarant néanmoins que la signature en deux langues ne sera point citée comme exemple et ne préjudiciera à aucune des deux parties*»².

Исключительность такой уступки, сделанной Наполеоном своим американским партнерам, только подчеркивает преэминентность его языковой политики по отношению к политике императорской Франции, когда французский язык считался мировым дипломатическим языком.

Но уже в это время возникает реакция против французского языка, спровоцированная политической либо национальной ненавистью к Франции. После битвы под Йеной немецкий язык вытеснил французский из трудов Берлинской академии; в то же время прусские дипломаты стали использовать немецкий вместо французского в переписке со своим правительством и с дипломатами тех стран, где говорили по-немецки. После 1815 г. мода на французский язык в Германии быстро сошла на нет.

В России те же самые причины вызвали аналогичные последствия: Пушкин, например, после вторжения Наполеона стал писать стихи только по-русски.

Таким образом, французский язык обязан своей «универсальностью» не своим особенным качествам, а стечению исторических обстоятельств, причём исчезновение этих обстоятельств привело к потере исключительного положения³.

Член Французской академии А. Деко 16 октября 2001 г. на ежегодном собрании пяти академий выступил с докладом «Будущее французского языка»⁴, в котором приводилась хронология того, что позже назовут упадком французского языка.

А. Деко определил точку отсчёта, с которой началось падение международного значения французского языка. Еще в 1905 г. русско-японский договор о мире был составлен на французском языке. В то время французский язык, благодаря своей ясности и точности,

² В подтверждение чего полномочные послы обеих сторон подписали вышеперечисленные статьи, составленные как на французском, так и на английском языках, и приложили свои печати, заявив, однако, что подписание на двух языках не будет считаться прецедентом и не может трактоваться в ущерб какой-либо из сторон. Convention de Mortefontaine (www.napoleonicsociety.com/french/Mortefontaine.htm).

³ *Laloy E.* La langue française cessera-t-elle dans peu de temps d'être une langue scientifique? // *Mercure de France*, 1 décembre 1913. P. 455.

⁴ *Decaux A.* L'avenir de la langue française (www.institut-de-france.fr/rubrique_Discours_2001-L_AVENIR_DE_LA_LANGUE_FRANCAISE.html?arbo=148&page=696).

считался уникальным инструментом международного общения. К несчастью, виновником прекращения этой традиции явился один из самых великих французов — президент Франции Ж. Клемансо. В благодарность британским и американским союзникам за помощь в Первой мировой войне он пожелал, чтобы Версальский договор 1919 г. был составлен на французском и английском языках. Эта уступка повлекла за собой множество других.

В наши дни, под давлением внешних обстоятельств и конкуренции английского языка сфера применения французского языка сужается даже в МИД Франции. Так, в октябре 2006 г. французский Сенат рассмотрел доклад, представленный сенатором А. Гутейроном⁵, в котором рассматривались результаты проверки применения новых технологий посольствами и консульствами Франции. Проверке подверглись французские дипломатические учреждения в 62 странах. Сенаторы отметили, в частности, что многие сайты написаны только на французском языке (всего 56% имеют версию на местном языке) и рекомендовали перевести их на местные языки в течение 2007 г. Официальный сайт МИД Франции имеет немецкую, английскую, арабскую, китайскую и испанскую версии, и на нем регистрируется более 1 млн посещений в месяц.

Перед МИД Франции была поставлена задача создания «виртуальных присутственных мест», которые не связаны с физическим местонахождением посольства или консульства. Цель этих мероприятий — обеспечить физическое присутствие Франции в 350 городах с населением более 1 млн человек.

В этом отношении Франция отстает от США, которые на то время имели уже 33 виртуальных консульства и создали 20 новых в 2007 г. Эти виртуальные консульства выполняют 50% задач обычных консульств, а стоимость их создания составляет около 10 000 долларов.

В силу исторической традиции последним бастионом использования французского языка в дипломатической сфере довольно долго оставались заграничные паспорта. Однако 23 июня 1981 г. представители правительств стран, входящих в Европейские сообщества, приняли решение о введении европейских паспортов единого образца, записи в которых должны делаться на официальном(ых) языке(ах) стран-членов, а также на английском и французском. Большинство неевропейских стран к тому времени уже перевели свои паспорта на английский язык. При введении европейского паспорта для домашних животных, вступившего в силу с 1 октября

⁵ Ambassades et consulats virtuels: Accroître et diversifier la présence française à l'étranger. Rapport d'information n 10 (2006—2007) de M. Adrien GOUTEYRON, fait au nom de la commission des finances, déposé le 10 octobre 2006 (www.senat.fr/noticerap/2006/r06-010-notice.html).

2004 г., Евросоюз пошел еще дальше: этот паспорт заполняется на двух языках — языке страны происхождения животного и английском. Такое решение было принято еврокомиссаром-англичанином даже без голосования, поскольку вопрос считался несущественным.

Применение французского в качестве языка международной дипломатии и по сей день часто используемого — подтверждение его уникальных достоинств, ставящих его, якобы, над другими языками.

Само по себе распространение французского языка в средневековой Европе в XIII в. не подвергается сомнению. На нём говорили в Сирии, в Греции, в Константинополе, на Сицилии, на Кипре, в Македонии. Он употреблялся при дворах Англии, Португалии, Неаполя. Распространение французского языка происходило по причинам, которые не имели ничего общего с тем, что предлагали пропагандисты «гения французского языка»: «...начиная с XIII века за границей восхищаются его ясностью и его богатством»⁶. Все объяснялось гораздо проще: язык следовал за людьми, и везде, где говорили по-французски, присутствовали французы. В IX в. в Сицилии и XI в. в Англии это были нормандцы, затем наступила эра крестовых походов: в результате первого крестового похода французы и французский язык обосновались в Иерусалиме, Антиохии и Триполи; во время третьего похода Кипр захватили говорившие по-французски воины английского короля Ричарда Львиное Сердце; в результате четвертого — французские крестоносцы принесли свой язык в Константинополь и Македонию; во время пятого их язык звучал в Египте; восьмого — в Тунисе. Распространение французского языка в ту эпоху аналогично распространению английского языка и хлопчатобумажных тканей в бассейне Тихого океана в XIX в. Это, однако, не мешает французским авторам умиляться по поводу того, что в Египте существовала монета, называвшаяся *demi-franc*, или, что смородина по-гречески называется *frangostaphylon* (французский виноград).

Тот факт, что французы принесли из крестовых походов литературу, повествующую об Александре Македонском, царе Соломоне или Троянской войне, мозаику, лютню и литавры, «Начала» Евклида, арабские цифры, астрономию, химию, медицину, сахарный тростник, рис, индиго, кунжут, гречу, шафран, хлопок, шелковицу, инжир, лимоны, гранаты, арбузы, лук, компас и обозначающие их слова, никоим образом не свидетельствовал о «блеске арабской мысли»: наоборот, умение заимствовать эти слова ставилось в заслугу французов и свидетельствовало об их высокой культуре.

⁶ Royer E. Leçons de français, méthode active de langue française. Paris, 1931. P. 360.

Использование французского языка в качестве международного дипломатического языка, сначала как языка переговоров, а затем и языка дипломатических документов, также не имеет ничего общего с собственными достоинствами самого языка. Выбор французского языка для этой роли не был связан ни с формулированием требований, которым должен отвечать дипломатический язык, ни с доказательством, что французский язык соответствует этим требованиям в большей степени, чем любой другой.

То, что свое триумфальное шествие французский язык начал с Раштаттского договора, является следствием триумфа самой Франции. А то, что его триумф продолжался так долго, объясняется тем, что кроме короткого перерыва на Семилетнюю войну (1756—1763), начиная с Вестфальского договора (1648) и до 1814 г., т.е. на протяжении 166 лет, французская дипломатия, как победитель, диктовала условия всех мирных договоров.

А. Рамбо так писал о роли французского языка в XVIII в.: «Наш язык обладает универсальностью, которая в Средние века была у латыни. Он заменил её в качестве языка дипломатии, придворных языков, языка философии, наук и общества»⁷. Французский, как язык дипломатии, заменил латынь так же, как немецкий заменил французский в Эльзасе, так же, как итальянский заменил словенский в Карсо или греческий на Родосе, так же, как английский заменил мальтийский или греческий на Кипре.

Таким образом, официальная история употребления французского языка в функции международного языка дипломатии построена на той же династической цепочке «монархия — революция — империя — республика», что и вся история Франции в целом. При этом, в качестве опорных точек этой конструкции выбираются самые блестящие исторические личности, невзирая на реальные исторические обстоятельства.

Так, в качестве одной из ключевых фигур истории французского языка выбран король Франциск I (царств. 1515—1547), известный, в частности, благодаря изданию Ордонанса Вилле-Котре (1539), по которому французский язык стал, якобы, единственным официальным (государственным) языком французского королевства, победив региональные диалекты. Назначение Франциска I, действительно великого короля, давшего Франции единую государственную и юридическую систему, реформировавшего финансы и поднявшего благосостояние страны, «благодетелем» французского языка является историческим парадоксом, вызванным всё тем же стремлением возвеличивать крупных исторических деятелей

⁷ *Rimbaud A. Histoire de la civilisation française. Paris, 1887—1901. T. II. Depuis la Fronde jusqu'à la Révolution, suivi d'un aperçu de la civilisation contemporaine. 2e éd. 1887. P. 581.*

на фоне бледных или совсем ничтожных персонажей, не оставивших такого заметного следа в истории Франции.

Необходимо отметить, что современники Франциска I понимали ордонанс 1539 г. по-другому: он воспринимался ими, скорее, как свидетельство административного выбора между королевским французским (*françois du roy*) и местными вульгарными языками. Даже само выражение «официальный язык» еще не существовало в XVI в., потому что прилагательное *officiel* появилось во французском языке только в 1778 г. и представляло собой заимствование из английского (< англ. *official*). Только после Французской революции, в результате пересмотра этой части истории французского языка, обычный юридический документ стал частью национального мифа.

Миф об ордонансе Вилле-Коттре распадается на несколько частей, каждая из которых образует свой маленький миф.

Настоящее название этого документа — *Ordonnan du Roy sur le faid de justice* (на современном французском языке «*Ordonnance générale sur le fait de la justice, police et finances*»)⁸. Обширный документ содержит 192 статьи, направленные на создание системы записи актов гражданского состояния, совершенствование судопроизводства, работы полицейских и финансовых органов. Ордонанс ограничивал судебное производство сугубо по религиозным делам, вводил письменное и тайное производство по уголовным делам, вводил регистрацию актов гражданского состояния. Впервые в истории французского права было сформулировано право на необходимую оборону (ст. 168). К языку в целом имеют отношение только 2 статьи (ст. 110 и ст. 111), причем французский язык в этом огромном документе упоминается всего один раз — в ст. 111: «*De prononcer et expedier tous actes en langage françoys...*».

Кроме того, авторство Ордонанса Вилле-Коттре, который стал самым важным юридическим документом за всё время царствования Франциска I, принадлежит выходцу из провинции Анжу, адвокату Гийому Пуайе, который с 1538 г. занимал пост канцлера Франции, т.е. был первым должностным лицом королевства после самого короля.

Вступив в обязанности канцлера, Г. Пуайе развил обширную законодательную деятельность и подготовил множество законов на разные темы: от поддержания чистоты в Париже до охраны дубовых деревьев. Ему же Франция обязана устройством лотереи, которая тогда называлась *blanque* (Эдикт Шатореньяр 1539 г.).

⁸ Ordonnance 188 d'août 1539 (ou «ordonnance de Villers-Cotterêts») prise par le Roi François Ier imposant l'usage du français dans les actes officiels et de justice (www.assemblee-nationale.fr/histoire/villers-cotterets.asp).

Однако самым важным его произведением стал ордонанс Вилле-Коттре, который выполнял роль уголовно-процессуального кодекса в эпоху Старого режима. Этот документ назывался современниками «*Guillemine*», по имени своего создателя.

Этот ордонанс мог бы обеспечить Г. Пуайе посмертную славу, но в то же время он создал ему множество врагов, особенно среди духовенства, которое лишилось своего влияния в судебной сфере. Участие в придворных интригах на стороне коннетабля Монтморанси привело к его падению: Франциск I отстранил его от должности, повелел арестовать и заключить в Бастилию. Он умер в 1547 г. на свободе, но в немилости, а вся слава великого законодателя досталась королю.

Ордонанс Вилле-Коттре является одним из целого ряда королевских документов, постепенно заменяющих латынь на родные языки в правовых актах.

В 1454 г. Карл VII издал ордонанс Монти-лес-Тур (*Ordonnance de Montils-lès-Tours*), который делал обязательной запись устных кутюмов, которые заменяли свод законов⁹. Эти записи делались на вульгарных языках, как на севере, где использовались языки *oil*, так и на юге, где использовались языки *oc*. К этому же ряду относятся и другие королевские эдикты, также предписывающие употребление вульгарных языков и не требующие использования французского:

— Муленский ордонанс (*Ordonnance de Moulins*) Карла VIII от 1490 г., требующий, чтобы допросы и протоколы велись на вульгарных и родных языках, а не на латыни;

— Лионский ордонанс Людовика XII от 1510 г. (*Ordonnance sur la réformation de la justice, les mandements apostoliques, etc., rendue d'après le résultat de l'assemblée des nobles tenue à Lyon*), требующий, чтобы все юридические акты составлялись на родном языке народа, а не на латыни¹⁰: «*Dans le pays de droit écrit, les enquêtes se feront en langue vulgaire*». Таким образом, юридический язык включал в себя множество языков, существующих во Франции в то время;

⁹ Кутюмы (от франц. *coutume* — обычай), в феодальной Франции правовые обычаи отдельных провинций, округов, городов и т.д. На севере Франции (так называемая страна обычного права) К. существовали в устной традиции, никаких общих юридических записей обычаев там не было. К. представляли собой смесь старого германского права, заимствованного из варварских прав и соответственно переработанного, канонического права, грамот, регулировавших отношения сеньоров и городов, практики местных судов, приобретшей значение прецедента, и др. На юге Франции (так называемая страна писаного закона) в качестве общего обычая действовало упрощённое римское право, которое дополнялось местными К., получившими письменное оформление (БСЭ).

¹⁰ Jourdan A.-J.-L., Decrusy, Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. 29 vol. Paris, 1821—1833. Vol. 11. P. 575—603.

— Ис-сюр-Тильский ордонанс (*Ordonance d'Is-sur-Tille*) Франциска I от 1531 г. распространял действие ордонанса Людовика XII на территорию Лангедока.

Если попытаться определить, почему роль монумента национального самосознания выпала ордонансу Вилле-Коттре, можно привести два довода в его пользу: во-первых, он приписывается Франциску I, который является более значимой исторической фигурой, чем Карл VIII и Людовик XII, т.е. подкрепляется тезис, что распространение французского языка шло параллельно с укреплением монархии; во-вторых, в нём прямо называется *langage materiel francoys*, от которого должен происходить современный французский язык, а не какой-то непонятный *langue vulgaire*.

Однако в 1539 г. в королевстве Франция было множество «родных французских языков», поэтому современные юристы считали, что королевский указ защищал все родные языки, существующие в королевстве, а не ограничивался одним французским языком.

Впоследствии доминирующей стала интерпретация ордонанса, сформулированная республиканскими судами, согласно которой единственным родным языком считался государственный язык. Именно такое толкование, а не текст самого документа, легло в 1992 г. в основу новой редакции ст. 2 Конституции Французской республики¹¹. Даже в наше время, более чем через четыре с половиной века после принятия ордонанса, он продолжает действовать в юридической сфере: в 1986 г. Кассационный суд принял решение, что документы, представленные стороной защиты, должны быть составлены на французском языке; в 1989 г. тот же суд отменил постановление суда низшей инстанции, в котором цитировался американский закон в оригинале, без перевода¹². Сторонники неделимости Республики и сегодня приветствуют этот документ как один из важнейших в национальной истории Франции, в то время как сторонники регионализма видят во Франциске I могильщика провинциальных культур, наравне с аббатом Грегуаром и министрами Третьей республики.

Что касается международной роли французского языка, то в качестве знаковых фигур были выбраны король Людовик XIV и император Наполеон.

Раштаттский договор 1714 г. считается первым международным документом на французском языке исходя из тех же династических соображений, что и Ордонанс Вилле-Коттре, причём историческая правда, как обычно, никого не интересовала.

¹¹ Ordonnance de Villers-Cotterêts (fr.wikipedia.org/wiki/Ordonnance_de_villers-cotter%C3%Aats).

¹² Boyer L. Sur quelques adages. Notes d'histoire et de jurisprudence // Rémanences du droit d'Ancien Régime dans la France contemporaine. Bibliothèque de l'École des chartes, 1998. P. 13.

Подписание этого договора 6 марта 1714 г. положило конец войне за испанское наследство. Раштаттский мир оценивался современниками как большая военная и политическая победа Людовика XIV, потому что по нему Австрия отказывалась от прав на испанскую корону. Но с точки зрения закрепления за французским языком роли международного дипломатического языка, он не имел никакого значения.

Знание всех старых французских законов, изданных в период с 420 г. по 1789 г., дает возможность воссоздать более объективную картину использования французского языка в качестве языка международных дипломатических документов¹³.

Первым, обнаруженным нами, дипломатическим документом на французском языке является не Раштаттский договор 1714 г., а договор между королем Англии Эдуардом III и королем Наварры Карлом II Злым от 1 августа 1351 г., согласно которому последний согласился на то, чтобы корона Франции перешла к королю Англии¹⁴.

Таким образом, начало эпохи применения французского языка в качестве международного дипломатического языка могло бы быть отодвинуто на 363 года, но это очевидное открытие не было сделано. Возникает вопрос, почему?

Английский король Эдуард III (царств. 1327—1377) был сыном короля Эдуарда II и Изабеллы Французской, т.е. приходился внуком французскому королю Филиппу IV Красивому. Благодаря своему происхождению, он имел обширные владения на территории Франции и носил титул герцога Аквитанского. В 1337 г. он заявил свои права на корону Франции, положив тем самым начало Столетней войне.

Наваррский король Карл II Злой (царств. 1349—1387) был сыном короля Филиппа III и Жанны II Французской и, по материнской линии, был внуком короля Франции и Наварры Людовика X Воинственного. Большую часть своей жизни он посвятил интригам и борьбе за французскую корону. Французский король Иоанн II Храбрый (царств. 1350—1364), надеясь обуздать его склонность к предательству, женил его на своей дочери Жанне; тем не менее Карл II рассорился с династией Валуа и сблизился с английским королем Эдуардом III, с которым и заключил в 1351 г. договор, подписывать который он не имел юридического права, так как его претензии на распоряжение французской короной были чрезвычайно сомнительны.

¹³ Jourdan A.-J.-L., Decrusy, Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. 29 vol. Paris, 1821—1833.

¹⁴ Traite entre le Roi d'Angleterre et Charles, Roi de Navarre, par lequel celui-ci consent que la couronne de France passe au Roi d'Angleterre. 1 août 1351 // Dumont, Corps diplom. T. 1, part 3. P. 265.

Этот двусмысленно-деликатный с династической точки зрения документ (английский король Эдуард III имел не меньше прав на французский престол, чем царствующий французский король Иоанн II, сын графа Филиппа Валуа и Жанны Бургундской) никак не мог претендовать на роль родоначальника целой эпохи в истории французского языка, хотя бы из-за одной его статьи: «*Item, est parle que la couronne, et le seurplus du royaume de France, et les autres terres et seignuries, que celles qui ci dessus sont declares, seront ou demouront au dit Roy d'Engleterre*»¹⁵.

Впрочем, договор 1351 г. является не единственным международным дипломатическим документом на французском языке, составленным ранее, чем Раштаттский договор 1714 г. (см. таблицу).

**Международные дипломатические документы,
составленные на французском языке в период с 1351 по 1714 г.**

Правление	Категория документа	Год	Предмет
Jean II (1350—1364)	Traité	1351	La couronne de France passe au Roi d'Angleterre
	Traité	1355	De pacification entre le Roi de Navarre et le Roi de la France
	Traité	1360	Entre la France et l'Angleterre (le peuple contre le démembrement des terres)
	Traité	1360	De paix entre la France et l'Angleterre
Charles V le Sage (1364—1380)	Traité	1371	Entre l'Escoce et la France
Louis XI (1461—1483)	Traité	1465	Entre la France et Liège
	Traité	1475	De commerce avec l'Angleterre
	Traité	1482	Entre la France et le duc d'Autriche
François I (1514—1546)	Traité	1525	De paix avec Charles V, roi d'Espagne
	Traité	1529	Avec Charles Quint, confirmant celui fait à Madrid
Henri II (1546—1559)	Traité	1549	De paix et d'alliance avec les cantons Suisses

¹⁵ «Также говорится, что корона и все остальное королевство Франции, а также другие земли и сеньории, которые перечислены выше, перейдут или останутся во владении короля Англии».

Окончание таблицы

Правление	Категория документа	Год	Предмет
	Traité	1559	De paix et d'alliance avec Philippe II, Roi d'Espagne
Henri IV (1574—1610)	Déclaration	1595	De Guerre contre le Roi d'Espagne
	Traité	1598	Avec l'Espagne, l'Autriche, la Savoie
	Traité	1606	Avec Jacques I, roi d'Ecosse et d'Angleterre, pour la liberté de commerce entre les deux nations
Louis XIV (1643—1715)	Traité	1659	Avec Roi d'Espagne
	Traité	1662	D'alliance avec Hollande
	Traité	1663	De renouvellement d'alliance avec les Suisses
	Traité	1667	De paix de Breda (entre la France et l'Angleterre, l'Angleterre et le Danemark, la France et l'Hollande)
	Traité	1668	De paix entre la France et l'Espagne
	Traité	1684	De paix avec la régence d'Alger
	Traité	1697	De paix entre la France et la Hollande, l'Espagne, l'Angleterre
	Traité	1714	Entre la France et l'Allemagne

Таким образом, очевидно, что практика использования французского языка для составления международных дипломатических документов возникла задолго до канонической даты 1714 г. и существовала на всем протяжении периода 1351—1714 гг. «Назначение» Раштаттского договора на роль отправной точки в употреблении французского языка в качестве языка международной дипломатии обусловлено идеологией династического заказа, характерной для республиканского видения истории Франции и применяемой независимо от конкретной формы правления: монархической, имперской или республиканской.

Д.Г. Эстоева,

ст. преподаватель кафедры иностранных языков ИнгГУ; соискатель
кафедры романских языков Кабардино-Балкарского госуниверситета.
E-mail: shomakhova@rambler.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКОНЦЕПТА «ЧЕСТНОСТЬ» В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается структурно-семантическая парадигма как средство адекватности перевода концепта «честность» в разносистемных языках. Раскрываются смысловые компоненты ИТ и ПТ, структурирующие л-концепты в современном русском и немецком языках. Смысловое содержание концепта может быть реализованным не только в когнитивных, коммуникативных и прагматических функциях языка, но и через текст перевода, который на современном этапе становится объектом научных исследований в области лингвистического перевода. Выявляются особенности л-концепта ИТ и ПТ, репрезентирующего семантико-когнитивное выражение л-концепта в исследуемых языках. Структурируется семантико-когнитивная модель л-концепта «честность» с учётом парадигматических отношений ядро ↔ периферия, способствующих наиболее чёткому и полному переводу семантики лексических единиц языка.

Ключевые слова: перевод, исходный текст, переводной текст, семантика, структура, парадигма, смысл, концепт, честность.

D.G. Estoeva,

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Ingush State University; Applicant (Seeker) for the Department of Romance languages of Kabardino-Balkarian State University. *E-mail: shomakhova@rambler.ru*

The Structural and Semantic Paradigm as a Means of Appropriate Translation of the Linguoconcept "Honesty" in the Languages with Differing Systems

This article analyses the structural and semantic paradigm as a means of appropriate translation of the linguoconcept "honesty" in the languages with differing systems. This article exposes the semantic components of the Source Text (ST) and Target Text (TT) which structure linguoconcepts in Modern Russian and German. It also reveals the peculiarities of the linguoconcepts in the languages under consideration. The semantic and cognitive model of the linguoconcept of the ST and TT representing the semantic and cognitive expression of linguoconcept in the languages under consideration. The semantic and cognitive model of the linguoconcept "honesty" is structured considering the paradigmatic relations nucleus ↔ periphery, which contribute to a more precise and complete translation of the semantics of lexical units.

Key words: translation, source text, target text, semantics, structure, paradigm, sense, concept, honesty.

Обращение исследователей к проблемам соотношения семантики языка и когнитивной интерпретации лингвистической семантики очевидно не случайно связано со стремлением лингви-

стов установить, какие именно когнитивные процессы определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц, структурирующих содержание (смыслы) исследуемых концептов с целью определения места и роли концепта в национальной концептосфере, способствующих не только и не столько выявлению отличительных признаков концептов, репрезентируемых разносистемными языками, сколько раскрытию внутреннего смыслового единства, способствующего наиболее четкому и полному переводу семантики лексических единиц языка и в целом эффективному общению, а общение, в свою очередь, предполагает производство и восприятие смысла, в котором конкретный смысл слова возникает в результате устремления всех тех, которые могли бы иметь на его месте все другие слова, допустимые в данном контексте [Ажепс, 2007, с. 281]. Тем самым совершенно справедливо замечание, сделанное А.А. Зализняк, что смысл равен не только буквальному, но и передаваемому (по Грайсу) смыслу, природа которого порождается как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и многозначностью в целом и в которых наличие одновременно двух планов описания является конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка [Зализняк, 2004, с. 23].

В этой связи следует отметить, что, согласно З.Д. Поповой и И.А. Стерину, именно семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях достаточно четко показывает, что путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» наиболее надежен и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и смоделировать концепт [Попова, Стерин, 2007, с. 9].

Структурно-семантический подход к исследованию, системно разработанный в лингвистике XX в., дает основание: а) установить связь между традиционной лингвистикой, лингвистической теорией перевода и когнитивной лингвистикой; б) раскрыть содержание лингвоконцепта (л-концепта); в) выявить особенности когнитивного выражения л-концепта в современном русском и немецком языках посредством сопоставительного анализа текстовых конвенций в двух лингвокультурах; г) установить лингвистические эквивалентные элементы л-концептов в тексте перевода; д) выявить безэквивалентные л-концепты исходного текста (ИТ) и текста перевода (ТП).

Специфика семантической структуры концепта «честность» и специфика когнитологического подхода к исследованию л-концепта «честность» заключается в описании изучаемого концепта как части национальной «картины мира» современной русской и немецкой лингвокультур средствами данных толковых словарей,

в которых представленные абстрактные имена способны выполнять «роль знаков “языка” культуры с иной знаковой системой, нежели естественный язык» [Телия, 2006, с. 6].

Следовательно, нельзя не согласиться с С.Г. Воркачёвым, полагающим, что концепт в лингвокультурологических текстах — это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) — семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена и отличительным признаком которого является этнокультурная отмеченность [Воркачёв, 2007, с. 10], с одной стороны, с другой — небезынтесным является точка зрения В.В. Сдобникова, О.В. Петровой, полагающих, что достижению более полной с течением времени переводимости могут способствовать, во-первых, это само развитие народов в широком смысле, влекущее за собой развитие национальных языков, их взаимообогащение и (взаимо)развитие; во-вторых, большей переводимости способствует увеличение числа межэтнических контактов, способствующих выравниванию национальных менталитетов, восприятию народами тех понятий, которые существуют у других этносов [Попова, Стерин, 2007, с. 119], т.е. коммуникативная функция языка. Однако здесь следует особо отметить, выделяемые З.Д. Львовской два аспекта в «текстовой функции» языка: один аспект — языковой, второй — коммуникативный, касающийся в частности и теории перевода [Львовская, 2008, с. 135]. Со своей стороны решение проблемы мы видим в лингвистической теории перевода, тесно связанной с достижениями как традиционной лингвистики, так и бурно развивающейся когнитивной лингвистики, в нашем случае концептуальной семантики.

Соответственно стабильность этнокультур л-концепта непосредственно связана со стабильностью лексической системы, в которой сохраняется «семантическая устойчивость, четкость семантических границ и соответствие речевой практики словарным описаниям» [Скляревская, 1996, с. 469].

В этом отношении именно материалы «толковых словарей предполагают большие возможности в плане раскрытия содержания концепта в выявлении специфики его языкового выражения» [Маслова, 2005, с. 45].

Однако семантическая структура отдельных слов может быть довольно сложной, например, согласно Т.И. Вендиной, семантическая структура слова может состоять из нескольких типов лексического значения слова (так называемых лексико-семантических вариантов), среди которых выделяются основные (или первичные, прямые) значения и переносные (вторичные), находящиеся в со-

отношении ядерных и периферийных компонентов значения. Ядерные значения Т.И. Вендина отмечает общими (или инвариантными) значениями для целого класса слов, а периферийные значения могут несколько варьироваться [Вендина, 2001, с. 131—132].

В свое время В.М. Солнцев писал, что понятие инварианта и понятие вариативности имеют большое, если не решающее, значение для характеристики онтологической сущности единиц языка и тем самым для характеристики онтологической природы языка в целом. Инвариантом В.М. Солнцев называет то общее, что объективно существует в классе однородных предметов и явлений, в то время как любой предмет, входящий в какое-либо множество предметов, есть вариант по отношению к каждому другому предмету (но не вариант другого предмета!) и есть одновременно вариант по отношению к абстрактному предмету — инварианту, который мысленно, т.е. в абстракции, конструируется как обобщённое наименование данного множества предметов. В нашем случае особенно важен для построения структурно-семантической парадигмы л-концепта «честность» вывод, сделанный В.И. Солнцевым относительно того, что вариант и инвариант — принципиально негомогенные объекты [Солнцев, 1977, с. 214—215].

Таким образом сема в качестве «элементарной частицы смысла» [Кольцова, 2001, с. 18] составляет смысл концепта. Неизменной же смысловой единицей на уровне плана содержания, по мнению В.Г. Гака, является семантема, так как разные лексемы могут выражать одну семантему или же одна лексема может выражать разные смыслы [Гак, 1966, с. 34]. Следовательно, и в пространстве концепта допустимо полицентрическое ядро, заключающегося в сферической модели с иерархией ядро ↔ периферия (ближняя периферия, дальняя периферия, крайняя периферия), в которых концепты исследуются через значение языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, а конечной целью «является реконструкция (моделирование) концепта как мыслительной единицы по данным языкам» [Стерин, 2004, с. 68], т.е. смысловой. По этому поводу исследователи полагают, что единицами (структурантами) системы связей концептосферы являются смысловые компоненты (СК), вступающие в определенные парадигматические отношения, уровни которых представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурной), определяемые как подсистемы общей системы языка, а также и концептосферы в целом. Уровневые же подсистемы не считаются элементами по отношению к общей системе, но представляют собой части общей системы, связанные иерархическими отношениями через свои единицы [Солнцев, 1977, с. 86].

В связи с этим Т.И. Шомахова отмечает, что семантическая и смысловая структура концепта представляет собой иерархически обусловленную систему «планетарных отношений» с сильным ядром и периферией, распадающихся по принципу «цепной реакции». Согласно указанному автору, полицентрическое по своему содержанию ядро в свою очередь обладает своими смысловыми «спутниками», равнозначно удаленными от центра, которые исследователь представляет в виде сферической модели: 1. Ядро (Я); 2. Ядерные центры (ЯЦ); 3. Ближняя периферийная зона ЯЦ (БПЗ ЯЦ); 4. Дальняя периферийная зона ЯЦ (ДПЗ ЯЦ); 5. Крайняя периферийная зона ЯЦ (КПЗ ЯЦ) [Шомахова, 2007, с. 152].

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что пространство концепта заключается в сферической модели с иерархией ядро ↔ периферия. Единицей же измерения концептосферы являются смысловые компоненты (СК), структурирующие ту или иную сферическую модель, в нашем случае — лингвоконцепт ЧЕСТНОСТЬ, представленный в языках полицентрическим ядром. Было бы несправедливым недооценить внутрипарадигматические иерархические отношения, существующие между языковым значением ИТ (его семантикой) и его релевантным смысловым содержанием в ТП (в рамках современных проблем перевода).

В своём исследовании нами выявляется следующая структурно-семантическая парадигма лингвоконцепта «честность» в современном немецком и русском языках:

Анализ сферической модели лингвоконцепта ЧЕСТНОСТЬ в русской языковой картине мира с опорой на словарные дефиниции [Солнцев, 1977] способствует установлению следующих парадигматических отношений ядерного центра (ЯЦ) ЧЕСТНОСТЬ: 1) ядерные центры *честности* (ЯЦ) (искренность, прямота, добросовестность, уважение, безупречность); 2. ближняя периферийная зона (БПЗ) ЯЦ *честности* (**подлинность, правдивость, откровенность, обязательность, почтительность, признание, безукоризненность**); 3) дальняя периферийная зона (ДПЗ) ЯЦ *честности* (**истинность, правда, открытость, чистосердечность, ответственность, внимательность, верность, почтение, оценка, достоинство, положительность, совершенство**); крайняя периферийная зона (КПЗ) ЯЦ *честности* (**истинность, правда, открытость, чистосердечность, ответственность, внимательность, верность, почтение, оценка. Достоинство, положительность, совершенство**), вытекающих из смысловых компонентов (СК) внутренней организации честности.

Анализ сферической модели лингвоконцепта ЧЕСТНОСТЬ (ENRLICHKEIT) в немецкой языковой картине мира с опорой на словарные дефиниции [Солнцев, 1977] способствует установле-

нию следующих парадигматических отношений ядерного центра (ЯЦ) ЧЕСТНОСТЬ: 1) ядерные центры *честности* (ЯЦ) (**порядочность, искренность, откровенность, прямота, правдивость, надёжность**); 2) ближняя периферийная зона (БПЗ) ЯЦ *честности* (**поведение, отношение, подлинность, бесхитрость, общительность, отзывчивость, прямолинейность, истинность, верность, доверие**); 3) дальняя периферийная зона (ДПЗ) ЯЦ *честности* (**действие, тактичность, связь, контакт, неподдельность, простота, безвредность, обходительность, общение, сочувствие, участие, понимание, прямота, правильность, преданность, точность, неизменность, стойкость, убеждённость, непоколебимость**); крайняя периферийная зона (КПЗ) ЯЦ *честности* (**поведение, поступок, безответственность, деликатность, отношение, манера, характер, связь, срок, подлинность, скромность, невзыскательность, умеренность, безопасность, безобидность, общительность, уживчивость, миролюбивость, дружелюбность, знакомство, общество, соболезнование, симпатия, переживание, разумение, соглашение, взаимопонимание, чуткость, интуиция, проникновение, чистосердечность, откровенность, открытость, прямота, верность, точность, тщательность, бережливость, скупость, жадность, алчность, изменение, перемена, непоколебимость, упорство, приверженность, безропотность, убеждение, уверенность, незыблемость, стойкость, невозмутимость**), вытекающих из смысловых компонентов (СК) внутренней организации честности.

РУС. ЯЗ. ЧЕСТНОСТЬ, -и, *ж. честный*, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно, -тны. 1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. 2. Заслуживающий уважения, безупречный [Солнцев, 1977, с. 882].

1. СК ЯЦ *честности*: искренность, прямота, добросовестность, уважение, безупречность.

1.2. Ближняя периферийная зона ЯЦ *честности*:

ИСКРЕННОСТЬ, -и, *ж. искренний*, -ая, -ое; -енен, -енна, -енны. Выражающий подлинное чувства; правдивый, откровенный [Солнцев, 1977, с. 252].

СК *искренности*: **подлинность, правдивость.**

ПРЯМОТА, -ы, *ж. прямой*, -ая, -ое; -пряма, -пряма, -прямы. 1. Правдивый, откровенный, нелицемерный [Солнцев, 1977, с. 629].

СК *прямоты*: **откровенность.**

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, -и, *ж. добросовестный*, -ая, -ое; -тен, -тна. Честно выполняющий свои обязательства, обязанности [Солнцев, 1977, с. 169].

СК *добросовестности*: **обязательность.**

УВАЖЕНИЕ, -я, *ср.* Почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств [Солнцев, 1977, с. 822].

СК *уважения*: **почтительность, признание.**

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ, -и, *ж. безупречный*, -ая, -ое; -чен, -чна. Ничем не опороченный, безукоризненный [Солнцев, 1977, с. 42].

СК *безупречности*: **безукоризненность**.

СКБПЗ ЯЦ *честности*: **подлинность, правдивость, откровенность, обязательность, почтительность, признание, безукоризненность**.

1.3. Дальняя периферийная зона ЯЦ *честности*:

ПОДЛИННОСТЬ, -и, *ж. подлинный*, -ая, -ое; -инен, -инна.

1. Полн. ф. самый настоящий, истинный [Солнцев, 1977, с. 537].

СК *подлинности*: **истинность**.

ПРАВДИВОСТЬ, -и, *ж. правдивый*, -ая, -ое; -ив. 1. Содержащий, выражающий правду. 2. Любящий говорить правду, стремящийся к правде [Солнцев, 1977, с. 576].

СК *правдивости*: **правда**.

ОТКРОВЕННОСТЬ, -и, *ж. откровенный*, -ая, -ое; -енен, -енна.

1. Искренний, чистосердечный. 2. Очевидный нескрываемый [Солнцев, 1977, с. 472].

СК *откровенности*: **чистосердечность, открытость**.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, -и, *ж. обязательный*, -ая, -ое; -лен, -льна.

1. То же, что ответственный. 2. Всегда готовый оказать содействие, внимательный к людям и верный своему слову [Солнцев, 1977, с. 442].

СК *обязательности*: **ответственность, внимательность, верность**.

ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ, -и, *ж. почтительный*, -ая, -ое; -лен, -льна. Относящийся к кому-н. с почтением; выражающий почтение [Солнцев, 1977, с. 575].

СК *почтительности*: **почтение**.

ПРИЗНАНИЕ, -я, *ср.* 1. *см.* признать, -ся. 1. Оценка по достоинству, положительное отношение со стороны кого-чего-н. [Солнцев, 1977, с. 591].

СК *признания*: **оценка, достоинство, положительность**.

БЕЗУКОРИЗНЕННОСТЬ, — и, *ж. безукоризненный*, -ая, -ое; -знен, -зненна. Без недостатков, безупречный [Солнцев, 1977, с. 42].

СК *безукоризненности*: **совершенство**.

СКДПЗ ЯЦ *честности*: **истинность, правда, открытость, чистосердечность, ответственность, внимательность, верность, почтение, оценка, достоинство, положительность, совершенство**.

1.4. Крайняя периферийная зона ЯЦ *честности*: ИСТИННОСТЬ, -и, *ж. истинный*, -ая, -ое; -инен, -инна. 1. Соответствующий истине, содержащий истину. 2. Действительный, настоящий, несомненный [Солнцев, 1977, с. 255].

СК *истинности*: **истина, несомненность**.

ПРАВДА, -ы, *ж.* 1. То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. 2. Справедливость, честность [Солнцев, 1977, с. 576].

СК *правды*: **действительность, реальность, справедливость, честность.**

ОТКРЫТОСТЬ, -и, *ж. открытый*, -ая, -ое; -ыт. 1. Искренний, откровенный, выражающий прямоту [Солнцев, 1977, с. 472].

СК *открытости*: **искренность, откровенность, прямота.**

ЧИСТОСЕРДЕЧНОСТЬ, -и, *ж. чистосердечный*, -ая, -ое; -чен, -чна. Искренний, откровенный [Солнцев, 1977, с. 886].

СК *чистосердечности*: **искренность, откровенность.**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, -и, *ж. см. ответственный*. 2. Необходимость, обязанность отдавать кому-н. отчёт в своих действиях, поступках [Солнцев, 1977, с. 468].

СК *ответственности*: **необходимость, обязанность.**

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ, -и, *ж. внимательный*, -ая, -ое; -лен, -льна. 1. Проникнутый вниманием, сосредоточенный. 2. Проявляющий внимание, чуткий [Солнцев, 1977, с. 88].

СК *внимательности*: **внимание, чуткость.**

ВЕРНОСТЬ, -и, *ж. см. верный*. 2. Стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долг [Солнцев, 1977, с. 74].

СК *верности*: **стойкость, неизменность, долг.**

ПОЧТЕНИЕ, -я, *ср.* Глубокое уважение [Солнцев, 1977, с. 575].

СК *почтения*: **уважение.**

ОЦЕНКА, -и, *ж. см. оценить*. 2. Мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-н. [Солнцев, 1977, с. 486].

СК *оценки*: **мнение, ценность, значение.**

ДОСТОИНСТВО, -а, *ср.* 1. Положительное качество. 2. Совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [Солнцев, 1977, с. 177].

СК *достоинства*: **положительность, моральность, уважение.**

ПОЛОЖИТЕЛЬНОСТЬ, -и, *ж. положительный*, -ая, -ое; -лен, -льна. 1. Обладающий хорошими, полезными чертами, качествами [Солнцев, 1977, с. 555].

СК *положительность*: **польза.**

СОВЕРШЕНСТВО, -я, *ср.* Полнота всех достоинств, высшая степень какого-н. положительного качества [Солнцев, 1977, с. 741].

СК *совершенства*: **полнота, достоинство, положительность.**

СККПЗ ЯЦ *честности*: **истина, несомненность, действительность, реальность, справедливость, честность, искренность, откровенность, прямота, необходимость, обязанность, внимание, чуткость, стойкость, неизменность, долг, уважение, мнение, ценность, значение, польза, положительность, моральность, полнота, достоинство.**

НЕМ. ЯЗ. EHRLICHKEIT, die; -: 1. *das Ehrlichsein*; (1a) *Aufrichtigkeit, Wahrhaftigkeit*: an seiner E., an der E. seiner Aussagen ist nichtzuzweifeln. 2. *das Ehrlichsein*

(1b); *Zuverlässigkeit, bes. im Hinblick auf Geld- od. Sachwerte* [Стерин, 2004, с. 390].

ЧЕСТНОСТЬ, ж. порядочность: (1a) искренность, откровенность, прямота; правдивость: не нужно сомневаться в искренности и правдивости его высказываний.

2. (1б) надёжность в виде денег или ценностей (перевод наш. — Э.Д.).

1. СКЯЦ *честности*: **порядочность, искренность, откровенность, прямота, правдивость, надёжность.**

1.2. Ближняя периферийная зона ЯЦ *честности*:

EHRENAFTICHKEIT, die; -: *ehrenhaftes Verhalten* [Стерин, 2004, с. 389].

ПОРЯДОЧНОСТЬ, ж. честность: порядочное поведение (отношение) (перевод наш. — Э.Д.).

СК *порядочности*: **поведение, отношение.**

AUFRICHTIGKEIT, die; -: *das Aufrichtichsein; aufrichtig* <Adj.> : *dem innersten Gefühl, der eigenen Überzeugung ohne Verstellung Ausdruck gebend: ein -er Mensch* [Стерин, 2004, с. 162].

ИСКРЕННОСТЬ, ж. откровенность, прямота: искренний <прил.> выражающий подлинное чувство без лицемерия, по собственному убеждению: человек без хитростей (перевод наш. — Э.Д.).

СК *искренности*: **подлинность, бесхитрость.**

OFFENHEIT, die; -: 1. *freimütige Wesensart*: 2. *Aufgeschlossenheit; Bereitschaft, sich mit jemdm., unvoreingenommen auseinander zu setzen* [Стерин, 2004, с. 1095].

ОТКРОВЕННОСТЬ, ж. прямота, искренность: 1. Откровенный, прямой характер: 2. Общительность, отзывчивость; готовность объясниться с кем-л. без предубеждения (перевод наш. — Э.Д.).

СК *откровенности*: **общительность, отзывчивость.**

GERADHEIT, die; -: *Aufrichtigkeit, Offenheit; gerade*, <Adj.> 1. *aufrichtig, offen ohne seine Meinung äußernd, ohne sich durch Rücksichtname auf andere beirren zu lassen* [Стерин, 2004, с. 591].

ПРЯМОТА, ж. прямодушие: искренность, откровенность; прямой, <прил.> 1. Откровенно, прямо выражающий своё мнение, не считаясь с другими (перевод наш. — Э.Д.).

СК *прямоты*: **прямолинейность.**

WAHRHAFTIGKEIT, die; -(geh.): *das Wahrhaftigsein; wahrhaftig* <Adj.> (geh.): *wahr, von einem Streben nach Wahrheit erfüllt*: ein -er Mensch [Стерин, 2004, с. 1706].

ПРАВДИВОСТЬ, ж. (высок.): правдивость; правдивый <прил.> (высок.): истинный, настоящий, действительный: действительно, стремящийся к правде: правдивый человек (перевод наш. — Э.Д.).

СК *правдивости*: **истинность.**

ZUVERLÄSSIGKEIT, die; -: *das Zuverlässigsein, zuverlässige Beschaffenheit; zuverlässig* <Adj.>: a) *so, dass man sich auf ihn, darauf verlassen kann*: b) *glaubwürdig* [*gesichert*]: ein -er Zeuge [Стерин, 2004, с. 1808].

НАДЕЖНОСТЬ, ж. достоверность; сознание надёжности, качество (свойство) внушающее доверие; надёжный <прил.> верный, достоверный; внушающий доверие:

а) такой, на которого можно положиться. б) заслуживающий доверия [гарантированный]: правдивый свидетель (перевод наш. — Э.Д.).

СК *надёжности*: **верность, доверие.**

СКБПЗ ЯЦ *честности*: **поведение, отношение, подлинность, бесхитростность, общительность, отзывчивость, прямолинейность, истинность, верность, доверие.**

1.3. Дальняя периферийная зона ЯЦ *честности*:

VERHALTEN, das; -s, (Fachspr.): -: *Art und Weise, wie sich ein Lebewesen, etw. verhält*: ein seltsames, taktisch kluges V. [Стерин, 2004, с. 1646].

ПОВЕДЕНИЕ, ср. образ действий; вести себя по образу жизни и действий: особенное, тактически умное поведение (перевод наш. — Э.Д.).

СК *поведения*: **действие, тактичность.**

BEZIEHUNG, die; -s, -; en: 1. (meist Pl.) *politische, gesellschaftliche, geschäftliche, menschliche Verbindungen* [*die Vorteile verschaffen*].

ОТНОШЕНИЕ, ср. 1. отношение. 2. отношение, связь (больше мн. ч.) политические, общественные, деловые, человеческие связи (отношения, контакты) (перевод наш. — Э.Д.).

СК *отношения*: **связь, контакт.**

ECHTHEIT, die, -: *das Echtsein. echt* (Adj.) 1. *nicht nachgemacht, nicht imitiert; unverfälscht; ein -er Pelz*; 2. *wirklich* [*vjrhanden*] *nicht vorgetäuscht, nicht scheinbar, nicht scheinbar; eine -e Freundschaft*.

ПОДЛИННОСТЬ, ср. подлинность, неподдельность. 1. неподдельный, не имитированный; нефальшивый; настоящий мех; настоящий, истинный [не кажущийся], не обманчивый, не мнимый; настоящая дружба (перевод наш. — Э.Д.).

СК *подлинности*: **неподдельность.**

HARMLOSIGKEIT, die; -, -en: 1. <o.Pl.> *das Harmlossein; Ungefährlichkeit; Unschädlichkeit*.

2. *harmloses Wesen, Verhalten* [Стерин, 2004, с. 666].

БЕСХИТРОСТНОСТЬ, ж. простота, простодушие; 1. <без мн. ч.> безопасность; безвредность. 2. безобидное существо, поведение (перевод наш. — Э.Д.).

СК *бесхитростности*: **простота, безвредность.**

GESELLIGKEIT, die; -, -en:1. <o.Pl.> zwangloser Umgang, Verkehr mit anderen Menschen: 2. geselliger Abend, geselliges Beisammensein [Стерин, 2004, с. 599].

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ, *ж.* обходительность, общение; 1. <без мн. ч.> непринуждённое общение и знакомство с другими людьми. 2. дружеский вечер, встреча (перевод наш. — Э.Д.).

СК *общительности*: **обходительность, общение.**

MITEMPFINDEN, das; -s: mitempfinden, <st.V.; hat>: *etw. was ein anderer empfindet nachvollziehen (u. ihn dadurch verstehen) können* [Стерин, 2004, с. 1022].

ОТЗЫВЧИВОСТЬ, *ж.* сочувствие: сочувствовать, разделять чувство, <силен. гл.; hat>: отзывчивое, участливое отношение к чему-н. по отношению к другому с пониманием (перевод наш. — Э.Д.).

СК *отзывчивости*: **сочувствие, участие, понимание.**

GERADLINIGKEIT, die; -: *geradliniger Verlauf: Ü die G. seines Denkens; geradlinig <Adj.> in gerader Richtung verlaufend: ein (aufrichtig) denkener Mensch* [Стерин, 2004, с. 591].

ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ, *ж.* прямолинейное движение (идуший по прямой линии): изложение (передача) прямолинейности его мысли; прямолинейный <прил.> ровно идущий по прямой линии: (откровенно) думающий человек (перевод наш. — Э.Д.).

СК *прямолинейности*: **прямодушие.**

WAHRHEIT, die; -, -en: 1.a) <o.Pl.> *das Wahrsein*; die Übereinstimmung einer Aussage mit der Sache, über die sie gemacht; Richtigkeit [Стерин, 2004, с. 1706].

ИСТИННОСТЬ, *ж.* 1. а) <без мн. ч.> сознание истинности; соответствие истины сказанного со сделанным; правильность, верность; точность (перевод наш. — Э.Д.).

СК *истинности*: **правильность, точность.**

TREUE, die; -, 1. a) *das Treusein*; ewige, unwandelbare, unverbrüchliche, unerschütterliche T.; jmdm. T. schwören, geloben; jmdm einander die T. halten, bewahren; Treu und Glauben [Стерин, 2004, с. 1557].

ВЕРНОСТЬ, *ж.* 1. преданность; 2. надёжность; точность, правильность; вечная, неизменная, нерушимая, непоколебимая (стойкая) верность; присягать на верность, дать кому-л. клятву (в) верности; хранить верность, оставаться верным кому-л.; юр. добросовестность (перевод наш. — Э.Д.).

СК *верности*: **преданность, неизменность, стойкость.**

VERTRAUEN, das; -s: *festes Überzeugtsein von der Verlässlichkeit, Zuverlässigkeit einer Person, Sache*: unbegrenztes, unerschütterliches, blindes V.; V. zu jmdm. haben; V. erwecken [Стерин, 2004, с. 1671].

ДОВЕРИЕ, *ср.* доверие; твёрдая убеждённость в надёжности человека, питать доверие к кому-л.; безграничное, непоколебимое,

слепое доверие; относиться к кому-л. с доверием; внушать доверие (перевод наш. — Э.Д.).

СК *доверия*: **убеждённость, непоколебимость.**

СКДПЗЯЦ *честности*: **действие, тактичность, связь, контакт, неподдельность, простота, безвредность, обходительность, общение, сочувствие, участие. понимание, прямотушие. правильность, преданность, точность, неизменность, стойкость, убеждённость, непоколебимость.**

HANDLUNGSWEISE, die: *Art und Weise des Verhaltens u. Handelns einer Person in einer bestimmten Situation*: eine korrekte, unverantwortliche Н. [Стерин, 2004, с. 662].

ДЕЙСТВИЕ, *ср.* Образ действия, поведения и поступка человека в какой-то определённой ситуации: корректное, безответственное поведение (перевод наш. — Э.Д.).

СК *действия*: **поведение, поступок, безответственность.**

ТАКТGEFÜHL, das (о. Pl.): [*Gefühl für*] *Takt*; ТАКТ, der, -[e] s, -e. (о. Pl.) *Feingefühl (im Umgang mit anderen Menschen)*: [viel, wenig, keinen] Takt haben [Стерин, 2004, с. 1511].

ТАКТИЧНОСТЬ, *ж.* (без мн. ч.): [чувство] такта; такт, деликатность, м. (без. мн. ч.) тактичность (в общении с другими людьми): [много, мало, никакого] такта иметь (перевод наш. — Э.Д.).

СК *тактичности*: **деликатность.**

VERHÄLTNIS, das; -ses, -se: 1. *Art, wie jmd. zu jmdm., etw. steht; persönliche Beziehung*: das V. zu den Eltern; ein gutes V. zu jmdm haben [Стерин, 2004, с. 1646].

СВЯЗЬ, *ж.* отношение. 1. Манера (характер) отношения к кому-л., чему-л.; личное отношение: отношение к родителям; иметь хорошее отношение к кому-н (перевод наш. — Э.Д.).

СК *связи*: **отношение, манера, характер.**

КОНТАКТ, der; -[e]s, -e: 1. *Verbindung, die man (einmal od. in bestimmten Abständen wieder) für eine kurze Dauer herstellt; Fühlung*: persönlicher, direkter K.; berufliche, menschliche K. [Стерин, 2004, с. 875].

КОНТАКТ. *м.* связь, которая (однократная или восстановившаяся в определённой ситуации) устанавливается на короткий срок. Контакт: личный, прямой контакт; профессиональные, человеческие отношения (контакты) (перевод наш. — Э.Д.).

СК *контакта*: **связь, срок, отношение.**

UNVERFÄLSCHTHEIT, [auch: ----], die; -: *das Unverfälschtsein*. unverfälscht [auch: ---], <Adj.>: *nicht verfälscht* [Стерин, 2004, с. 1620].

НЕПОДДЕЛЬНОСТЬ, *ж.* То же, что подлинный, неподдельный [также: ---], <прил.>: не поддельный (перевод наш. — Э.Д.).

СК *неподдельности*: **подлинность.**

EINFACHHEIT, die; -: 1. *einfache Art; Schlichtheit, Bescheidenheit: sich mit betonter E. kleiden* [Стерин, 2004, с. 397].

ПРОСТОТА, *ж.* 1. простой характер; скромность, невзыскательность, умеренность: одеваться с подчёркнутой простотой (перевод наш. — Э.Д.).

СК *простоты*: **скромность, невзыскательность, умеренность.**

UNSCHÄDLICHKEIT, *die*; -: *das Unschädlichsein; unschädlich* <Adj.>: *nicht schädlich, harmlos, ungefährlich* [für den menschlichen Organismus] [Стерин, 2004, с. 1610].

БЕЗВРЕДНОСТЬ, *ж.* безопасность. Безвредный <прил.>: не вредный, безобидный, безопасный [для человеческого организма] (перевод наш. — Э.Д.).

СК *безвредности*: **безопасность, безобидность.**

UMGÄNGLICHKEIT, *die*; -: *das Umgänglichsein; umgänglich* <Adj.>: (*von einem Menschen, auch Tier*) *verträglich, freundlich, gut mit sich umgehen lassend, keine Schwierigkeiten bereitend* [Стерин, 2004, с. 1589].

ОБХОДИТЕЛЬНОСТЬ, *ж.* общительность, уживчивость; обходительный <прил.> (о человеке, также о животном) миролюбивый, дружелюбный, обходительный, не создающий трудности (перевод наш. — Э.Д.).

СК *общительности*: **общительность, уживчивость, миролюбивость, дружелюбность.**

UMGANG, *der*; -[e]s, *Umgänge*1. (o. Pl.) *gesellschaftlicher Verkehr* [mit jmdm.]; *Beziehung, persönliche Verbindung* [Стерин, 2004, с. 1589].

ОБЩЕНИЕ, *ср.* 1. знакомство, связь. 2. компания, общество (без мн. ч.) общественная связь [с кем-л.] отношение, личная связь (перевод наш. — Э.Д.).

СК *общения*: **знакомство, связь, общество.**

MITGEFÜHL, *das*; -[e]s (o. Pl.): *Anteilnahme am Leid an der Not o. Ä. anderer* tiefes M.; jmdm. sein M. ausdrücken, bezeigen [Стерин, 2004, с. 1023].

СОЧУВСТВИЕ, *ср.* соболезнование, симпатия, участие; (без мн. ч.): участие в горе, в нужде или в чём-л. подобном: глубокое участие; выразить, высказать кому-л. своё сочувствие (перевод наш. — Э.Д.).

СК *сочувствия*: **соболезнование, симпатия, участие.**

TEILNAHME, *die*; -, -n: 1. *das Teilnehmen, Mitmachen*: *die T. 2.a) innere* [geistige] *Beteiligung; Interesse: ohne besondere T.* [Стерин, 2004, с. 1522].

УЧАСТИЕ, *ср.* соучастие; сочувствие, сострадание, симпатия; 1. сочувствие, переживание: 2a) внутреннее [духовное] участие; интересы: без особого участия (перевод наш. — Э.Д.).

СК *участия*: **соучастие, сочувствие, сострадание, симпатия, переживание.**

VERSTÄNDNIS, *das*; -ses, -se <selten Pl.> 1. *das Verstehen*: dem Leser das V. [des Textes] erleichtern: 2. <o. Pl.> *innere Beziehung zu etwas; Einfühlungsvermögen* [Стерин, 2004, с. 1667].

ПОНИМАНИЕ, *ср.* разумение; сочувствие; соглашение. <редко мн. ч.> 1. понимание, взаимопонимание: облегчить читателю понимание [текста]; 2. (без мн. ч.) внутреннее отношение к чему-л.; чуткость, интуиция; способность проникновения (во что-л.) (перевод наш. — Э.Д.).

СК *понимания*: **разумение, соглашение, взаимопонимание, чуткость, интуиция, проникновение.**

OFFENHERZIGKEIT, die; -: *offenherziges Wesen; offenherzig* <Adj.>: *zu freimütiger Äußerung der eigenen Meinung bereit; unverhohlenen innersten Gedanken mitteilend: eine -e Äußerung* [Стерин, 2004, с. 1095].

ПРЯМОДУШИЕ, *ср.* чистосердечность, откровенность; прямота: открытый нрав; прямодушный <прил.>: готовый откровенно высказать своё мнение; делящийся откровенными внутренними мыслями: откровенное высказывание (перевод наш. — Э.Д.).

СК *прямодушия*: **чистосердечность, откровенность, открытость, прямота.**

RICHTIGKEIT, die; -: *das Richtichsein einer Sache: die R. eines Beschlusses, einer Theorie, Ansicht, Rechnung* [Стерин, 2004, с. 1255].

ПРАВИЛЬНОСТЬ, *ж.* верность; точность, подлинность: верность дела: правильность решения, теории (перевод наш. — Э.Д.).

СК *правильности*: **верность, точность, подлинность.**

GENAUIGKEIT, die; -: a) *das Genauein*: die G. einer Waage; b) *puritanische G.*; etw. mit pedantischer G.befolgen; c) *Sparsamkeit, Geiz* [Стерин, 2004, с. 586].

ТОЧНОСТЬ, *ж.* тщательность: а) точность: точность весов; б) пуританская точность; исполнить что-н. с педантичной точностью; в) бережливость, экономность; скупость, жадность, алчность (перевод наш. — Э.Д.).

СК *точности*: **тщательность, бережливость, скупость, жадность, алчность.**

UNVERÄNDERLICHKEIT, die; -: *das Unveränderlichsein; unverändert* <Adj.> a) *ohne jede Veränderung*: in seinem Aussehen war er u.; b) *ohne jede Änderung*: ein -er Nachdruck [Стерин, 2004, с. 1620].

НЕИЗМЕННОСТЬ, *ж.* Не подвергающийся изменениям; неизменный <прил.> без всякого изменения: он был неизменен своему виду; б) без всякой перемены: неизменный акцент (перевод наш. — Э.Д.).

СК *неизменности*: **изменение, перемена.**

STANDHAFTIGKEIT, die; -: *standhaftes Wesen, Verhalten* [Стерин, 2004, с. 1453].

СТОЙКОСТЬ, *ж.* непоколебимость; упорство: стойкий характер, непоколебимое поведение (перевод наш. — Э.Д.).

СК *стойкости*: **непоколебимость, упорство, поведение.**

ERGEBENHEIT, die; -: a) *Treue, Fügsamkeit, Hingegebenheit*: jmdm. seine E. zeigen; b) *klagloses Sichfügen*: sein Schicksal mit E. tragen [Стерин, 2004, с. 449].

ПРЕДАННОСТЬ, ж. приверженность; покорность: а) верность, покладистость, самоотверженность: проявить к кому-н. свою преданность; б) безропотность: нести свою судьбу с покорностью (перевод наш. — Э.Д.).

СК *преданности*: **приверженность, покорность, покладистость, самоотверженность, безропотность.**

ÜBERZEUGTHEIT, die; -: *das Überzeugtsein*; überzeugt <Adj.>: *fest an etw. Bestimmtes glaubend*: er ist ein -er Marxist [Стерин, 2004, с. 1586].

УБЕЖДЁННОСТЬ, ж. убеждение; убеждённый <прил.>: Твёрдо уверенный в чём-н.: он убеждённый марксист (перевод наш. — Э.Д.).

СК *убеждённости*: **убеждение, уверенность.**

UNERSCHÜTTERLICHKEIT, die; -: *das Uerschütterlichsein. Unerschütterlich* <Adj.>: sich durch nichts erschüttern, infrage stellen lassend: ein -er Optimismus; -e Liebe [Стерин, 2004, с. 1601].

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ, ж. незыблемость; стойкость, невозмутимость. непоколебимый, <прил.> не поддаться сомнению: непоколебимый оптимизм; стойкая любовь (перевод наш. — Э.Д.).

СК *непоколебимости*: **незыблемость, стойкость, невозмутимость.**

СККПЗЯЦ *честности*: **поведение, поступок, безответственность, деликатность, отношение, манера, характер, связь, срок, подлинность, скромность, невзыскательность, умеренность, безопасность, безобидность, общительность, уживчивость, миролюбивость, дружелюбность, знакомство, общество, соболезнавание, симпатия, переживание, разумение, соглашение, взаимопонимание, чуткость, интуиция, проникновение, чистосердечность, откровенность, открытость, прямота, верность, точность, тщательность, бережливость, скупость, жадность, алчность, изменение, перемена, непоколебимость, упорство, приверженность, безропотность, убеждение, уверенность, незыблемость, стойкость, невозмутимость.**

Таким образом, проведённый анализ семантико-когнитивной модели ЧЕСТНОСТЬ в разных языковых картинах мира показывает, что общими СК, структурирующими исследуемую модель, являются для: 1. ЯЦ — ИСКРЕННОСТЬ, ПРЯМОТА; 2. БПЗ ЯЦ — ПОДЛИННОСТЬ; 3. ДПЗ ЯЦ не имеет общих СК; КПЗ ЯЦ — ОТКРОВЕННОСТЬ, ПРЯМОТА, ЧУТКОСТЬ, СТОЙКОСТЬ.

Список литературы

Ажеев К. Территория знака. Смысл звуков, или Неразделенная действительность // Знак, система, коммуникация. Пятигорск, 2007. С. 282—288.

- Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М., 2001. С. 287.
- Воркачев С.Г.* Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. М., 2007. С. 10—12.
- Гак В.Г.* Беседы о французском слове. М., 1966. С. 334.
- Зализняк А.А.* Феномен многозначности и способы его описания // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 20—45.
- Кольцова Ю.Н.* О структуре концепта как категории культурологи // Сб. науч. тр. Моск. гос. ун-та. 2001. С. 5—20.
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода. М., 2008.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2005.
- Попова З.Д., Стерин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М., 2007. С. 7—10.
- Скляревская Г.Н.* Русский язык конца XX века: Версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 43—472.
- Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. М., 2008.
- Стерин И.А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65—70.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 340.
- Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь / Под ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 784.
- Шомахова Т.М.* Семантико-смысловые подходы к изучению языка/концепта в лингвистике: Тез. докл. IV Междунар. науч. конф., 27—30 сент. 2007 г. / Рос. акад. наук, Рос. акад. лингв. наук, МИИЯ, науч. журнал «Вопросы филологии». М., 2007. С. 159—160.

Словари

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 944.
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag. Mannheim; Zeipzig; Zürich, 2004. С. 234.

А.И. Яндиева,

ст. преподаватель кафедры иностранных языков ИнгГУ; соискатель
кафедры романских языков Кабардино-Балкарского госуниверситета.
E-mail: shomakhova@rambler.ru

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ДОЛГ» В ПАРАДИГМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Эта статья представляет собой научное исследование, посвященное сопоставительному изучению отношений между понятиями смысл ↔ концепт с точки зрения семантической теории перевода во взаимодействии с достижениями концептуальной семантики. Анализ данной проблемы показывает, что структурное содержание лингво-концепта находится в семантической области концепта, в котором сема представлена как элементарная частица смысла. Модель пространства концепта «долг» может быть представлена в виде сферической иерархии ядро ↔ периферия.

Ключевые слова: семантическая теория перевода, переводческая трансформация, порождение переводного текста, смысл, поле, концепт, долг.

A.I. Yandieva,

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Ingush State University; Applicant (Seeker) for the Department of Romance languages of Kabardino-Balkarian State University. *E-mail:* shomakhova@rambler.ru

The semantic-cognitive area of the conceptsphere «duty» in the paradigm of the semantic translation theory

This article is a comparative study of the relations between the notions “meaning ↔ concept” from the point of view of the semantic translation theory in interaction with the progress of conceptual semantics. The analysis of the problem at the level of the target text helps to differentiate these notions and shows that the structural content of the linguoconcept is in the semantic sphere of the concept in which the seme is an elementary particle of the meaning. The space model of the concept “duty” space can be presented in the form of spherical hierarchy: nucleus ↔ periphery.

Key-words: semantic translation theory, translation transformation, production of the target text, meaning, field, concept, duty.

Проблема соотношения системы языка и ее структуры с полевой методикой исследования настолько сложна, насколько и многоаспектна. Следовательно, необходимо показать некоторые, наиболее значимые точки зрения на теорию поля в лингвистике, способствующие в дальнейшем раскрытию системно-структурных (полевых) и концептуально-семантических (сферических) отношений абстрактного имени в разносистемных языках. В этой связи на современном этапе развития не у кого не вызывает сомнения,

что теория перевода является междисциплинарной наукой. Так, по мнению Н.К. Гарбовского, общая теория перевода — научная дисциплина, изучающая функционирование и взаимодействие *семиотических* систем, возможности и закономерности передачи смысла знаками, принадлежащими *разным языковым* системам как вариант единой семиотической системы, которой является естественный человеческий язык. И далее ученый говорит о том, что перевод как объект может изучаться с разных *сторон*, разными научными дисциплинами [Гарбовский, 2007, с. 205] (курсив наш. — А.Я.).

Особый научный интерес представляет акцептуализация в семантических теориях перевода категории концепта как одной из форм познания, формирующая систему смысла, речевого произведения и отражающая в обобщенном виде явление действительности и связи между ними [Кольцова, 2008, с. 38]. Такое понимание теоретических проблем перевода, а именно выделение в ней семиотической системы как возможности передачи смысла, с одной стороны, и концепта как части этой системы, формирующего систему смыслов, — с другой, дает нам основание представить лингво-концепт (л-концепт) «долг» как концептосферу, допускающую объединение семантико-смыслового развития лексемы «долг» с последующей ее когнитивной интерпретацией через призму переводного текста. Следует также отметить, что идея неоднозначности внутренней формы, в результате чего слово приобретает дополнительный смысл, в той или иной степени отличный от его буквального смысла, была отмечена А.А. Зализняк, полагающей, что восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления служит основой для построения абстрактного концепта [Зализняк, 2004, с. 24].

Представление о системности, структурности всех тех явлений и процессов, объединяемых лингвистическим термином *поле*, ни у кого не вызывает сомнений. На современном этапе развития семантической теории перевода применение метода полевого структурирования приобретает особую актуальность.

Однако мы полагаем, что среди многообразных подходов к теории поля более подробно остановимся на *семантическом, функционально-семантическом и ассоциативном* понимании термина «поле».

Семантическое поле как лингвистический термин употребляется в двух значениях: 1. Частица («кусочек») действительности, выделяемая в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы (Семантическое поле радости. Семантическое поле времени). 2. Совокупность слов и выражений, составляющая тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область знаний (слова, относящиеся

в данном языке к одному из семантических полей (в первом значении), например к полю времени — час, продолжительность, скоро и т.п. [Ахманова, 1969, с. 334].

Вопрос о семантическом поле является одним из дискуссионных в современной и зарубежной лингвистике. Довольно часто семантическое поле приравнивается к лексико-тематической группе слов. Очевидно, что отождествление лексико-семантической группы слов и лексико-тематической с полем происходит в результате того, что «понятие семантического поля было в свое время введено в лингвистический обиход в связи с задачей системной организации лексики (иначе — описания лексики как системы), возникающей из общих предпосылок структурного подхода к языку» [Падучева, 2001, с. 23]. Так, семантическими полями исследователями было принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, семантические соотносительные классы (группы) слов разных частей речи и лексико-грамматические (функционально-семантические) поля, и парадигмы синтаксических конструкций, связанные с трансформационными (деривационными) отношениями, и различные типы семантико-синтаксических синтагм. Семантические же классы слов одной и той же части речи — это лексические поля парадигматического типа, члены которых связаны общим смыслом (инвариантным значением — идентификатором). Парадигматически структурированный порядок имеют все лексические группы слов, в том числе терминосистемы и тематические группы [Васильев, 1990, с. 126—127].

Существуют и другие точки зрения на «семантические поля», изложенные в большом количестве работ, авторы которых полагают, что их подход является полевым, «однако для многих из них характерно мнение, почему данный подход следует считать полевым и почему несколько недоказываемых утверждений авторы рассматривают как теорию поля». В литературе известно множество терминов с компонентом «поле», при этом понять, что вкладывается в это понятие, можно лишь эмпирически. Например: функционально-семантические поля, морфемные поля, фонемные поля, словообразовательные поля, микро- и макрополя, поле множественности и т.д. [Апажев, 2000, с. 19].

Итак, понятие «поле» в лингвистике весьма популярно, но далеко не однозначно. Как отмечает А.И. Геляева, существенным в извлекаемой из анализа проблематики теории поля является то, что поле выступает как отражение системности в языке (в частности, на таком уровне, как лексика), а сама системность предписывается лексике с помощью поля. Далее автор отмечает, что всякое семантическое поле имеет специфическую структуру. Принцип сегментации тем-блоков в структуре поля и их номинационное

наполнение тесно связаны с языковыми и экстралингвистическими (культура, общественные условия) факторами [Геляева, 2002, с. 27].

Конкретные семантические исследования в области функциональной грамматики приводят языковедов к интегрированию разноуровневых средств внутри одного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических) на базе общности их функций и созданию направления, известного в лингвистике как теория функциональной грамматики (ТФГ), предметом исследования которого, согласно С.Г. Татевосову, является **функционально-семантическое поле**, мыслимое как система различных языковых средств конкретного языка, которые обслуживают ту или иную семантическую категорию [Татевосов, 2001, с. 143]. М.М. Маковский также отмечает, что функционально-семантическое поле трактуется как группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определённой семантической категории [Маковский, 2000, с. 133].

А.В. Бондарко рассматривает функционально-семантическое поле (ФСП) главным образом с точки зрения его системно-структурных признаков [Бондарко, 1981, с. 28]. Дальнейшие разработки теоретических аспектов анализа полевых структур, в частности структуры поля темпоральности, приводят А.В. Бондарко к выделению в лингвистике принципа членения поля «центр — периферия». Так, для центра полевой структуры, по мнению ученого, характерно: 1) максимальная концентрация признаков, определяющих качественную специфику данного единства, т.е. по отношению к ФСП — базисных семантических функций; 2) центр поля обладает признаком наибольшей специализированности языковых средств, служащих для реализации базисных семантических функций; 3) концентрация связей между средствами, являющимися носителями структурной концентрации, проявляющейся прежде всего в сосредоточении комплекса семантических оппозиций в определенной системе форм; 4) регулярности или меньшей регулярности, меньшей употребительности периферийных элементов [Бондарко, 1996, с. 39—41].

Все указанные выше признаки и соответствующие им критерии выделения центральных компонентов ФСП, согласно А.В. Бондарко, вступают в иерархические отношения исходя из: а) содержательного признака «базисной функции», заключающего в себе то, что определяет качественную специфику ФСП; б) понятия средств. Однако в ряде случаев, как это отмечает А.В. Бондарко, отнесение того или иного языкового средства к определённой ступени иерархии компонентного поля оказывается особенно сложным в связи с тем, что по одному признаку (критерию) данный

компонент ФСП может претендовать на центральное положение в структуре поля, а по другому он оттесняется на периферию. Для структуры поля характерна постепенность перехода от центра к периферии, что, по мнению А.В. Бондарко, является следствием размытости границ между центральной и периферийной сферами ФСП. А.В. Бондарко также полагает, что особого внимания требует соотношение дискретности и непрерывности в структуре поля, в связи с тем, что, как пишет об этом учёный, именно в этих аспектах конкретной аргументации определения принадлежности того или иного элемента ФСП к центру или периферии заключается доминанта того или иного типа анализа, который А.В. Бондарко называет «полевым структурированием» [Там же, 1996, с. 42].

Ассоциативное поле — лексико-семантическая группа, объединённая ассоциативными отношениями, в которую, согласно Ф. де Соссюру, может входить любое слово, вызывающее в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться. В ассоциативное поле также могут попадать слова по совокупности ассоциативных представлений, так или иначе связанные с данным словом [Ахманова, 1969, с. 334]. Как полагает М.Л. Апажев, разграничение ассоциативных, семантических и других полей как определённых лексических микросистем или группировок слов, основанных на разных принципах и отражающих различные свойства лексического состава языка, проводилось целым рядом исследователей, однако все еще остаётся много неясного, продолжает иметь место терминологическая путаница, смешение ассоциативного поля с ассоциативной группой и т.д. [Апажев, 2000, с. 154].

Нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой, ассоциативный подход к изучению лексических единиц даёт возможность обнаружить зависимость лексических ассоциаций от разного рода факторов, таких, как возрастной, половой, географический, а также, вне всякого сомнения, национальный, социальный, классовый, политический и т.п. Ещё в свое время Ш. Балли отмечал эластичность ассоциативного поля, выделяя при этом ближние и дальние ассоциации, зависимые от большей или меньшей мотивированности знака и объясняя эту зависимость тем, что, чем мотивированнее обычный знак, тем больше сосредотачивается внимание на его внутреннем состоянии, вследствие чего, по мнению Ш. Балли, уменьшаются количество и роль внешних ассоциаций, т.е. его «ассоциативное поле» [Балли, 2001, с. 151, 154]. Данное рассуждение приводит Ш. Балли к убедительному выводу о том, что возможность слова одновременно входить в несколько разных ассоциативных и других групп определяется его многозначностью, а также тем, что слова обозначают предметы, которые могут использоваться человеком в самых разнообразных функциях.

Поэтому, по мнению Ш. Балли, лексическое значение слова определяется с внутрилингвистической точки зрения не только его сочетаемостными связями с другими словами или такими парадигматическими связями, как синонимические, антонимические, тематические, но многообразными ассоциативными связями, возникающими в сознании человека при восприятии того или иного слова [там же, с. 89]. Отсюда, очевидно, не случайно и проводимое в некоторых случаях терминологическое смешение понятий «семантическое поле», «ассоциативное поле», «лексико-тематическая группа», «лексико-семантическая группа» и т.д.

Таким образом, в полевое структурирование, как это было показано нами выше, могут входить различные крупные группировки одноуровневых (семантическое поле) и разноуровневых (функционально-семантическое, ассоциативное поле) классов слов конкретного одного языка или определенного множества языков, выделяемых на основании семантических, ассоциативных, морфологических, синтаксических (или комбинаторных) признаков номинативной функции слова.

Сложнее вопрос обстоит с определением понятия «сфера» или «концептосфера» в когнитивной лингвистике в связи с недостаточной разработанностью теоретических подходов к данной проблематике в когнитивной лингвистике, объясняемой нами ее относительной молодостью, что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейшей разработки: 1) собственного терминологического аппарата; 2) методики исследования изучения тех или иных лингвистических проблем; 3) принципов объединения лексических единиц в единую концептосферу; 4) концептуального аппарата; 5) иерархии внутри парадигматических отношений концептосферы, репрезентантами которой являются: а) ядро (центр); б) околоядерная зона; в) периферия (ближняя, дальняя, крайняя).

Согласно Е.В. Лукашевич, концепт изображается в виде полевой модели, в идеале сферической, а не плоскостной, подчёркивающей принципиальную континуальность феномена с иерархией «ядро—периферия» [Лукашевич; 2002, с. 71].

Данный вывод имеет колоссальное значение в целом для концептуальной семантики, так как даёт основание дифференцировать структурную семантику (традиционная лингвистика), внутри которой зародился термин «поле», от концептуальной семантики (когнитивная лингвистика), закрепляющей за собой термин «сфера», позволяющий исследователю описывать различные явления языка изнутри, вскрывающий внутреннее представление (ментальные сущности) носителей конкретных языков. Такое разграничение лингвистических понятий «поле» и «сфера» поможет в дальнейшем и переводчику использовать семантико-смысловую многозначность слова в своей переводческой деятельности.

Ближе всего к теории «сфера» подходит В.Г. Гак, согласно которому для общей теории познания и, следовательно, когнитивной лингвистики существенное значение имеет изучение перехода номинации из одной сферы, из одного семантического поля в другое. В этой связи, по мнению В.Г. Гака, полноценный анализ всякого семантического поля включает два основных направления:

1. Исследование поля внутри него самого, выявление его членения и аспектов. Внутри поля пространства В.Г. Гак предлагает выделить ряд структур:

- 1) типы пространств (в измерениях): точка — линия — поверхность — объём;
- 2) организация пространства — оппозиция: центр/периферия; открытое/закрытое пространство;
- 3) позиция объектов, их пространственная соотнесенность (относительное пространство: близко/далеко, справа/слева и т.д.); равнозначное удаление лексической единицы (ЛЕ) от центра (ядра);
- 4) направления, ориентация, координаты;
- 5) мера длины, расстояния, поверхности и др.;
- 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения), подход.

2. Исследование внешних связей и отношений данного поля с другими полями, предполагающих переход номинаций из других полей в данное поле и, наоборот, переход номинаций из данного поля в другие поля [Гак, 1998, с. 670].

Однако не все подходы, выдвигаемые учёным к модели «поля» могут быть применимы к модели сферы как внутреннего (сферического) объекта исследования.

Так, для сферического поля более всего подходят следующие параметры, взятые нами из определения В.Г. Гака: 1) типы пространств: объём; 2) организация пространства — оппозиция: центр/периферия; закрытое пространство; 3) позиция объектов: сюда мы включаем вместо «близко/далеко, справа/слева» — равнозначное удаление ЛЕ от центра (ядра) сферы; 4) восприятия пространства, в нашем понимании, те смыслы, порождаемые в этом пространстве; 5) исследования не только внешних, но и внутренних связей и отношений данной сферы с другими сферами, предполагающих номинативную связь с другими номинативными связями той или иной концептосферы (концептосфер).

Однако следует отметить, что различительной особенностью в понимании «поля» и «сферы» является тот факт, что *поле* обладает единым центром (ядром), в то время как *сфера* имеет полицентрическое ядро.

Обобщая, можно сказать, что, согласно Т.М. Шомаховой, семантическая и смысловая структура концепта представляет собой

иерархически обусловленную систему «планетарных» отношений с сильным ядром и периферией (зона ближней периферии, зона дальней периферии, зона крайней периферии), распадающихся по принципу «цепной реакции». Полицентрическое по своему содержанию ядро, в свою очередь, обладает своими смысловыми «спутниками», равнозначно удаленными от центра, которые можно представить в виде сферической модели:

1. Ядро (Я); 2. Ядерные центры (ЯЦ); 3. Ближняя периферийная зона ЯЦ (БПЗ ЯЦ); 4. Дальняя периферийная зона ЯЦ (ДПЗ ЯЦ); 5. Крайняя периферийная зона ЯЦ (КПЗ ЯЦ); 6. Центры околоядерной зоны (ЦОЗ); 7. Ближняя периферийная зона ЦОЗ (БПЗ ЦОЗ); 8. Дальняя периферийная зона ЦОЗ (ДПЗ ЦОЗ); 9. Крайняя периферийная зона ЦОЗ (КПЗ ЦОЗ) [Шомахова, 2007, с. 159].

Таким образом, семантико-когнитивное пространство концептосферы ДОЛГ выявляет следующие внутрипарадигматические отношения с последующим её сопоставлением с переводным текстом немецкого языка:

1. рус. яз. Долг¹, -а, *предл.* о долге, в долге, мн. нет, м. То же, что обязанность, *Выполнить* свой д. *Гражданский* д. По долгу службы, *Человек долга* (честно выполняющий свои обязательства). Отдать последний д. кому-н. (перен.: почтить память умершего, прощаясь с ним при погребении). *Первым долгом* (разг.) — в первую очередь, сначала, прежде всего [Ожегов, Шведова, 2000, с. 173].

СКЯЦ л-концепта *ДОЛГ*: ОБЯЗАННОСТЬ, ЧЕСТНОСТЬ.

Долг², -а (-у), *предл.* о долге, в долгу, мн. -и, -ов, м. Взятые взаймы (преимущ. деньги). Взять в д. (взаймы, с последующей отдачей). *Наделать долгов. Войти, влезть в долги* (сделать много долгов). *Жить в д.* (на занятые деньги). *По уши в долгах* (очень много долгов). *Не выходит (не вылезает) из долгов* (постоянно кому-нибудь должен). *Д. платежом красен* (посл.). *В долгу перед ним или у кого* — обязан кому-н. чем-н. *В долгу как в шелку* кто — шутол. погов. о том, кто кругом должен. *В неоплатном долгу кто у кого* — о том, кто кому-н. чем-н. обязан, бесконечно благодарен. *Не оставаться в долгу у кого* — отплатить тем же самым. // *уменьш. Должок, -жка, м.* // прил. Долговой, -ая, -ое. *Долговое обязательство* [Ожегов, Шведова, 2000, с. 173].

1. СКЯЦ л-концепта *ДОЛГ*²: ЗАЁМ, ВОЗВРАТ, ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ.

Смысловые компоненты концепта ДОЛГ свидетельствуют о том, что для русской языковой картины мира (РЯКМ) полицентрическое ядро представлено двумя «глубинными» СК (термин «глубинные» смыслы): 1) духовное начало; 2) материальное начало.

Следовательно и «линия смысловой связи» будет разворачиваться, согласно выделенным нами двум ЯЦ:

2. Ближняя периферийная зона ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹:

2.1. Обязанность; -и, ж. Круг действий, возложенных на кого-н. и безусловных для выполнения. *Права и обязанности граждан. Служебные обязанности. Общественная о. исполняющий обязанности* (т.е. еще не утвержденный в должности или работающий временно; офиц.). ♦ **Всеобщая воинская обязанность** — закрепленный Конституцией долг граждан нести службу в рядах Вооруженных Сил и выполнять другие обязанности, связанные с обороной страны. *Закон о всеобщей воинской обязанности* [Ожегов, Шведова, 2000, с. 442].

СК БПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (обязанность): БЕЗУСЛОВНОСТЬ, ЗАКОН, ОФИЦИАЛЬНОСТЬ.

2.2. Честность, -и, ж. — честный, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно, -тны и -тны.

1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. *Ч. Человек. Ч. Труд. Поступить честно* (нареч.). *Честные намерения. Ч. взгляд.*

2. Заслуживающий уважения, безупречный. *Честная жизнь. Честное имя. Ч. заработок* (трудоовой). ♦ **Честное слово** — уверение в искренности, правдивости чего-н. **На честном слове держаться** (разг. шутол.) — о чем-н., что держится непрочнo, готово оторваться, упасть [Ожегов, Шведова, 2000, с. 882].

СК БПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (честность): ИСКРЕННОСТЬ, ПРЯМОТА, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, ПРАВДИВОСТЬ.

3. Дальняя периферийная зона концепта ДОЛГ¹:

3.1. Безусловность, -и, ж. — безусловный, -ая, -ое; -вен, -вна. 1. Не ограниченный никакими условиями, полный, безоговорочный. *Безусловное обязательство. Безусловное подчинение.* 2. То же, что несомненный (в 1 знач.). *Безусловная удача. Безусловно* (нареч.) *необходим.* 3. **безусловно**, вводн. сл. Конечно, без сомнения. *Он, безусловно, согласится.* 4. **безусловно**, частица. Выражает уверенное утверждение, подтверждение, конечно. *Он умен? — Безусловно.* ♦ **Безусловный рефлекс** (спец.) — наследственная реакция организма на определенные воздействия извне [Ожегов, Шведова, 2000, с. 42].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (безусловность): БЕЗОГОВОРОЧНОСТЬ, ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, УВЕРЕННОСТЬ, УТВЕРЖДЕНИЕ.

3.2. Закон, -а, м. 1. Не зависящая ни от чьей либо воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром. *Законы природы. Законы движения планет. 3. общественного развития. Законы рынка.* 2. Постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общепринятые

правила. Конституция — основной з. государства. Соблюдать законы. 3. Общеобязательное и непреложное правило. Законы нравственности. Неписанные законы (сложившиеся нравственные устои, нормы). 4. Общее название основных принципов и идей религиозного вероучения, свод правил какой-н. религии. 3. Божий (род. п. Закона Божия; православное вероучение; также такой предмет) ◆ Слово (желание) чье закон для кого — о беспрекословном подчинении чьей-н. воле, желанию. Слово учителя — для тебя закон. Вне закона (офиц.) — о том, кто лишен защиты законов, охраны со стороны государства. Объявлен вне закона. Закон не писан кому (разг. неодобр.) — о том, кто действует как ему заблагорассудится. Дуракам закон не писан [Ожегов, Шведова, 2000, с. 208].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (закон): НЕЗАВИСИМОСТЬ, НЕПРЕЛОЖНОСТЬ, ОФИЦИАЛЬНОСТЬ, НОРМА, ВЕРОУЧЕНИЕ, ПОДЧИНЕНИЕ.

3.3. Искренность, -и, ж. — искренний, -ая, -ее, -енн, -енна, -енне и -енно, -енни и -енны. Выражающий подлинные чувства; правдивый, откровенный. Искреннее признание. Говорю искренне (нареч.). Искренне (нареч.) ваш (вежливая форма окончания письма, предшествующая подписи) [Ожегов, Шведова, 2000, с. 252].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (искренность): ПОДЛИННОСТЬ, ПРАВДИВОСТЬ, ОТКРОВЕННОСТЬ.

3.4. Прямота, -ы, ж. — прямой, -ая, -ое, прям, пряма, прямо, прямы и прямы. 1. Ровно идущий в каком-н. направлении, без изгибов. Прямая линия (линия, образцом которой может служить бесконечная туго натянутая нить). Провести прямую (т.е. прямую линию; сущ.). Дорога идет прямо (нареч.). Прямые волосы (не выходящие). Прямая кишка (последняя часть кишечного канала в виде короткой прямой трубки). Прямая линия родства (родословная от отца к сыну, от сына к внуку, не боковая). П. наследник (наследник по прямой линии родства). 2. полн. ф. Непосредственно следующий куда-н., соединяющий что-н. без промежуточных пунктов. Прямое сообщение (беспересадочное). По прямому проводу (о непосредственном соединении пунктом связи). 3. полн. ф. Непосредственно относящийся кому-чему-н., непосредственно вытекающий из чего-н. Иметь прямое отношение к делу. Прямое указание. Это прямо (нареч.) тебя касается. Прямые обороты. П. налог. В прямом смысле слов (буквально, не переносно). 4. Явный, открытый. П. вызов. Прямая насмешка. 5. Правдивый, откровенный, нелицемерный. П. человек. П. ответ. Говорить прямо (нареч.) в глаза. 6. полн. ф. Действительный, настоятельно необходимый, безусловный (разг.). П. расчет лететь самолетом. Прямая польза. 7. полн. ф. Полный, совершенный. Полный, совершенный [Ожегов, Шведова, 2000, с. 629].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ (прямота): ОТКРЫТОСТЬ, ПРАВДИВОСТЬ, ОТКРОВЕННОСТЬ.

3.5. Добросовестность, -и, ж. — добросовестный, -ая, -ое, -тен, -тна. Честно выполняющий свои обязательства, обязанности. *Д. работник. Добросовестно* (нареч.) *трудиться* [Ожегов, Шведова, 2000, с. 169].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (добросовестность): ЧЕСТНОСТЬ, ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ.

3.6. Правдивость, -и, ж. — правдивый, -ая, -ое; -ив. 1. Содержащий, выражающий правду. *П. рассказ. Правдиво* (нареч.) *отвечать. П. взгляд.* 2. Любящий говорить правду, стремящийся к правде. *П. человек. П. характер* [Ожегов, Шведова, 2000, с. 576].

СК ДПЗ ЯЦ л-концепта ДОЛГ¹ (правдивость): ПРАВДА.

Следовательно, структурами крайней периферийной зоны ЯЦ ДОЛГ¹ являются: (безусловность): безоговорочность, обязательства, уверенность, утверждение; (закон): независимость, непреклонность, официальность, вероучение, подчинение; (прямота): открытость, правдивость, откровенность; (добросовестность): честность, обязательность; (правдивость): правда.

В немецком языке лексема «долг» (der Pflicht) представлена следующим образом: Pflicht, die; -, -en. 1. *Aufgabe, deren Erfüllung sich jmd. einer inneren Notwendigkeit zufolge nicht entziehen kann od. die jmdm obliegt, für ihn verbindlich ist*: eine sittliche, moralische, selbstverständliche, schwere P.; staatsbürgerliche, berufliche, die alltäglichen kleinen -en; eheliche -en (oft verhüll. für *Verpflichtung zum Geschlechtsverkehr mit dem Ehepartner*); eine P. der Höflichkeit; die P. fordert, verlangt, dass...; die P. ruft (eine Aufgabe, Arbeit wartet auf [unmittelbare] Erledigung); die P. haben etw. zu tun; -en übernehmen; jmd. eine P., etw. als P. auferlegen; seine P. erfüllen, tun, vergessen, vernachlässigen; etw. als eine P. ansehen; sie wollen nur Rechte, aber keine -en haben; wir haben die traurige P., Ihnen mitzuteilen (müssen Ihnen aus traurigem Anlass mitteilen), dass...; der P. genügen, gehorchen; sich seinen -en entziehen; etw. enthebt jmdn. seiner P.; du entledigst dich deiner -en sehr nachlässig; sich auf seine P. besinnen; es für seine P. halten, jmdn. zu warnen; es mit seinen -en nicht so genau nehmen; jmdm. etw. streng zur P. machen; es gehört zu seinen -en, das Haus abzuschliessen; *jmds. P. und Schuldigkeit (emotional:) verdammte P. und Schuldigkeit sein (nachdrücklich; jmds. Selbstverständliche Pflicht sein); jmdn in [die] P. nehmen (geh.; dafür sorgen, dass jmd. eine bestimmte Pflicht übernimmt). 2. (Sport) bei einem Wettkampf vorgeschriebene Übung[en] im Unterschied zur Kür; eine ansprechende, verunglückte P.; die P. im Kunstturnen; das tschechische Paar führt in der P. [Duden, 2002, p. 1144]. Долг — задача, от выполнения которой, по внутреннему убеждению, кто-либо не может уклониться (избежать), или которую кому-либо надлежит

сделать, или является обязательной для него, нравственный, моральный, естественный (само собой разумеющийся), трудный, тягостный Д.; гражданский, профессиональный долг, повседневные мелкие обязанности, супружеские обязанности; долг вежливости; долг требует, чтобы...: долг требует (задача, работа ждет [непосредственно] выполнения); иметь долг сделать что-либо; принимать обязанности; кому-либо что-либо вменить в обязанность (обязать кого-либо сделать что-либо); выполнить свой долг; сделать что-либо из чувства долга, забыть, пренебрегать, считать что-либо долгом; они хотят иметь только права, и никаких обязанностей; у нас печальные обязанности сообщить Вам (должны сообщить по печальному поводу), что...; выполнять (исполнять) свой долг; уклоняться от обязанностей; что-либо освобождает его от обязанностей (долга); ты снял с себя свои обязанности очень небрежно; вспомнить о своих обязанностях (долге); считать своим долгом предостеречь кого-либо; обязать кого-либо сделать что-либо, в его обязанности входит запира́ть дом; быть чьим-либо долгом и обязанностью (эмоционально), быть проклятым долгом и обязанностью (настойчиво); быть чьей-либо само собой разумеющейся обязанностью): кого-либо взять в обязанности (позаботиться о том, чтобы кто-либо взял на себя определенные обязанности. 2. (Спорт) установленные упражнения в соревнованиях, в отличие от произвольных упражнений: удачные, неудачные упражнения; упражнения в художественной гимнастике; чешская пара лидирует в обязательной программе'. Следовательно:

1. Ядерными центрами концепта «долг» (der Pflicht) в немецком языке являются: NOTWENDIGKEIT, VERPFLICHTUNG, ERFÜLLUNG, WETTKAMPF.

2. Ближняя периферийная зона концепта: der Pflicht:

1) **Notwendigkeit**, die; 1. *das Notwendigsein*: dazu besteht [für jmdn.] keine N.; etw. aus [zwingender] N. tun. 2. *etwas was notwendig ist*: meine Abreise ist eine traurige N. [Duden, 2002, p. 1086]. 1. *Необходимость*: в этом нет [для кого-л.] необходимости: делать что-л. [вынужденно] по необходимости. 2. *что-л., что является необходимым*: мой отъезд является печальной необходимостью (здесь и далее перевод наш. — А.Я.).

СК л-концепта Notwendigkeit: Verpflichtung.

2) **Verpflichtung**, die; 1. *das Verpflichten* (1a), *Verpflichtetwerden*: die V. der Beamten auf den Staat. 2. *das Verpflichten* (2a), *Engagieren* (2a): die V. neuer Künstler ans Stadttheater. 3.a) *das Verpflichtetsein* zu etwas.; Tätigkeit, zu der jmd. verpflichtet ist: berufliche, vertragliche, gesellschaftliche -en; eine V., -en eingehen, erfüllen; etw. erlegt jmdm. hohe, schwere -en auf, ich habe die V. ihm zu helfen; seinen -en gewissenhaft nachkommen; b) <meist Pl.> *Schulden*: er hat ungeheure [finanzielle] -en; die Firma konnte ihren -en [gegenüber der Bank] schon lange nicht

mehr nachkommen [Duden 2002, p. 1657]. 1. Обязанность, обязательство: а) Обязанности чиновника перед государством. 2. Прием на работу (2а), приглашение на работу (2а): приём на работу в городской театр нового актера. 3. а) Обязательство к чему-л., деятельность, которую кто-либо обязан вести; профессиональные, договорные, общественные обязанности; взять на себя обязанности, выполнять обязанности; что-либо возлагает на кого-либо трудные обязательства, Я должен помочь ему добросовестно выполнить свои обязанности. б) долги, обязательства: у него большие [финансовые] долги; фирма не может более выполнять свои обязательства [по отношению к банку].

СК л-концепта die Verpflichtung: Tätigkeit.

3) **Erfüllung**, die; -, -en: 1. das innere Erfüllungsein von einer Sache, sodass das Denken u. Fühlen weitgehend davon beherrscht wird: in einer Aufgabe E. finden. 2. das Erfüllen (3): die E. meines Wunsches, des Vertrags. 3. in E. gehen (Wirklichkeit werden): mein Traum ging in E. [Duden 2002, p. 448—449]. Выполнение, исполнение. Внутренняя наполненность делом, так что мысли и чувства глубоко заняты этим: найти удовлетворение в работе. 2. выполнение, исполнение: исполнение моего желания, выполнение договора. 3. исполниться (стать действительностью): моя мечта сбылась.

СК л-концепта Erfüllung: Wirklichkeit.

4) **Wettkampf**, der (bes. Sport): Kampf um die beste [sportliche] Leistung: einen W. veranstalten [Duden 2002, p. 1736]. Соревнование, состязание (спорт.): борьба за лучшие [спортивные] достижения, успехи: проводить соревнования.

СК л-концепта Wettkampf: Veranstaltung.

Следовательно, СК БПЗ концепта der Pflicht включают в себя: die Tätigkeit, der Wirklichkeit, die Veranstaltung.

3. Дальняя периферийная зона концепта der Pflicht состоит из:

СК БПЗ: die Tätigkeit, die Wirklichkeit, die Veranstaltung (см. с. 11 Verpflichtung)

1) **Tätigkeit**, di; 1. а) *das Tätigsein, das Sichbeschäftigen mit etw: eine*, б) *Gesamtheit derjenigen Verrichtungen, mit denen jmd. in Ausübung seines Berufs zu tun hat*; Arbeit: eine interessante, gut bezahlte T.; eine T. ausüben; sich eine neue T. suchen; seine T. aufnehmen; nach zweijähriger T. als Lehrer, im Ausland, für die Partei. 2. <o. Pl.> *das IN — Betrieb — Sein, In — Funktion- Sein*: die T. des Herzens; die Maschine ist in, außer T.; eine Anlage in, außer T. setzen; der Vulkan ist auser T. getreten, (ausgebrochen) [Duden 2002, p. 1517]. Деятельность, занятость чем-л.; заниматься утомительной работой, фирма развернула также за границей активную деятельность (активно занимается там торговлей); это относится к обязанностям домохозяйки; б) совокупность служебных обязанностей, которые выполняет кто-л. в своей специальности (профессии); работа: интересная, хорошо оплачиваемая

деятельность; заниматься работой, искать новую работу; приступить к своей новой работе, после двух лет работы учителем за границей, по призыву партии. 2. <мн. ч.> Работа, функционирование: работа сердца; аппарат (механизм) работает, не работает; подать/забрать жалобу; вулкан стал действующим (потух).

СК л-концепта Tätigkeit является Arbeit, Verpflichtung, Beruf.

2) **Wirklichkeit**, die ; -, -en: [alles] das, Bereich dessen, was als Gegebenheit, Erscheinung wahrnehmbar, erfahrbar ist: die raue, politische W.; die graue W. des Alltags; sein Traum ist W. geworden (hat sich verwirklicht); die W. verfälschen; wozu sollte man fremde -en an sich herankommen lassen?; die Erkenntnis der W.; unsere Erwartungen blieben hinter der W. zurück (erfüllen sich nicht ganz); in W. (wie sich die Dinge verhalten) ist alles anders; sich mit der W. auseinander setzen; was er sagte, war von der W. weit entfernt [Duden, 2002, p. 1747]. Действительность, истинность, реальность; вся сфера того, что воспринимается как действительность, явление: суровая, политическая действительность; серая действительность будней; его мечта сбылась (осуществилась); фальсифицировать действительность; для чего нужно позволять приближаться чуждой действительности? в действительности (по положению вещей) все обстоит по-другому; претворять в жизнь; то, что он говорил, было далеко от действительности.

СК л-концепта Wirklichkeit: Gegebenheit, Erscheinung, Sphäre, Leben.

3) **Veranstaltung**, die; -, -en: 1. das Veranstellen. 2. etw. was veranstaltet (1) wird: kulturelle, mehrtägige -en; die V. findet im Freien statt [Duden, 2002, p. 1632]. 1. Мероприятие, 2. что-либо, что проводится: культурные, многодневные мероприятия; мероприятие состоится на открытом воздухе.

СК-л-концепта Veranstaltung: Veranstaltung.

Таким образом, исходя из результатов интерпретативного анализа ИТ, а также полученных результатов «воспринимающего» смысла ПТ нами выявляются в порождении ПТ следующие семантико-смысловые сходства л-концепта «долг» в русской и немецкой языковой картинах мира, для: 1) ЯЦ — Долг; 2) БПЗ — Необходимость, Обязанность; 3) ДПЗ — Нужда, Проблемы, Трудности, свидетельствующие о ментальной общности европейского человека, обусловленные тем, что именно словарный состав является главным хранилищем языкового фонда народа. Для переводчика-теоретика полученные результаты представляют определённую ценность в том, что л-концепт «долг» в исследуемых языках имеет семантическую общность в концептуальной системе ИТ и ПТ. Для переводчика-практика создаётся возможность приблизить перевод к коммуникативной эквивалентности.

Список литературы

- Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык. Лексикология. Лексикография. Нальчик, 2000.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М., 2001.
- Бондарко А.В.* О структуре грамматических категорий // *Вопр. языкознания.* 1981. № 6. С. 17—28.
- Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2007.
- Геляева А.И.* Человек как объект номинации в языковой картине мира: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2002.
- Зализняк А.А.* Феномен многозначности и способы его описания // *Вопр. языкознания.* М., 2004. № 2. С. 20—45.
- Кольцова Ю.Н.* Концепт как семантическая теория перевода // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода.* М., 2008. № 4. С. 37—48.
- Лукашевич Е.В.* Когнитивная семантика. М.; Барнаул, 2002.
- Маковский М.М.* Язык и речевая деятельность // *Вопр. языкознания.* 2000. № 3. С. 132—148.
- Падучева Е.В.* О структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // *Вопр. языкознания.* 2001. № 4. С. 23—44.
- Татевосов С.Г.* Теория функциональной грамматики: Качественность, количественность // *Вопр. языкознания.* 2001. № 2. С. 143—147.
- Шомахова Т.М.* Семантико-смысловые подходы к изучению языка/ концепта в лингвистике: Тез. докл. 4 Междунар. науч. конф., 27—30 сент. 2007 г. / Рос. акад. наук, Рос. акад. лингв. наук, МИИЯ, науч. журнал «Вопросы филологии». М., 2007. С. 159—160.

Словари

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Под ред. С.Н. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2000.
- Duden.* Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag. Mannheim; Leipzig; Zürich; 2002.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

М.О. Алексеева,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ
имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* monorime@mail.ru

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВОСЛАВИЯ

В статье рассматривается ряд аспектов исследования семантики терминов, связанных с русским православием. Исследуется специфика таких явлений, как моносемия, амбисемия, полисемия и эврисемия в религионимах. Выявляются особенности омонимии и синонимии, а также ряд других аспектов исследования семантики терминов конфессионального характера. Дается количественный и качественный анализ многозначных терминов в терминологии православия.

Ключевые слова: фидеистическая лексика, религионимы, специфические особенности терминов православия, семантические проблемы терминологии, амбисемия, полисемия и эврисемия термина.

M.O. Alekseyeva,

Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU).
E-mail: monorime@mail.ru

Semasiologic Aspects in Studying Orthodox Terminology

The article deals with a number of specific issues in studying the semantic of terms, relating to the Russian Orthodoxy. Such phenomena as monosemy, ambysemy, polysemy, and eurysemy in religionyms are researched. The peculiarities of homonymy and synonymy, and a number of other aspects of studying the semantic of confessional terms are explained. Quantitative and qualitative analysis of polysemic Orthodox terms is carried out.

Key words: phyeidistic lexic, religionyms, specific peculiarities of orthodox terms, semantic problems of terminology, ambysemy, polysemy and eurysemy of terms.

Фидеистические тексты с древнейших времён были объектом пристального внимания и источником творческого вдохновения переводчиков. Кроме того, переводы таких текстов выполняли в истории культурного развития человечества огромную цивилизаторскую миссию. Естественно, что для верующих важно, с одной стороны, сохранить особую сакральную окрашенность текста, с другой — сделать тексты понятными, удобными для чтения [Гарбовский, 2004, с. 37, 39]. Кроме того, переводчики всегда стремились как можно более точно передать все смыслы фидеистических терминов, что из-за развитой полисемии в древних языках (особенно в древнееврейском) представляло собой зачастую не только сложную, но и невыполнимую задачу. Такого рода проблемы стоя-

ли и перед Кириллом и Мефодием, осуществившими перевод Священного Писания на церковно-славянский язык.

Православие на протяжении столетий являлось духовным ядром русской национальной культуры, и в русском языке лексические единицы с религиозной семантикой прослеживаются на огромном временном отрезке. Априорная авторитетность языка церкви позволяла носителям русского языка воспринимать его как особый инструмент для постижения смысла бытия и истины. Русский язык развивался вместе с национальным самосознанием, которое формировалось на основе христианского мировоззрения, и органически вобрал в себя православную культуру — более того, он стал важным элементом этой культуры. Активизация религиозной жизни общества и его обращение к христианским ценностям наложили отпечаток на лексический состав русского языка: в тексты светского характера стали внедряться реминисценции из священных текстов, вводиться религиозные понятия и термины.

В истории перевода довольно чётко прослеживается разграничение между литературой светской и религиозной, однако, поскольку в последние десятилетия лексика русского православия проникает в современную жизнь и занимает всё более важное место в общенациональном языке, мы можем рассматривать фидеистическую лексику с позиций как религиозного, так и светского дискурса.

А.В. Фёдоров, подчёркивая статус теории перевода как лингвистической науки, отмечал, что в процессе переводческой деятельности необходимо рассматривать и оценивать языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства, которыми пользовались переводчики [Фёдоров, 1953, с. 13]. Сегодня мы можем говорить о таких определяющих направлениях развития теории перевода, как поиск эквивалентности и адекватности, и здесь очень важную роль играют системные семасиологические сопоставительные исследования, невозможные без тщательного анализа содержания языковых единиц и фиксации таких семантических явлений, как различные виды много- и разнозначности. Изучение семантики фидеистических терминов необходимо для построения семантической модели перевода, основанной на принципах многокомпонентного анализа, с помощью которой мы можем выделить необходимые составляющие семного состава системы смыслов, заключённой в той или иной языковой единице.

* * *

Семантика термина, т.е. проблема соответствия термина и соотносимого с ним понятия, вызывает неугасающий интерес лингвистов. Большинство считает, что лексическая единица языка, ис-

пользующаяся в качестве наименования специального понятия, наделяется терминологическим, понятийным значением, которое накладывается на её собственно языковое, лексическое значение [Гринёв-Гриневич, 2008, с. 90]. Именно сложное взаимодействие лексического и понятийного значений формирует семантику термина.

Проблема неоднозначности является центральной семантической проблемой терминоведения. В общей лексике она решается давно и разработана достаточно полно, в терминоведении же её решение значительно усложняется. Специфика семантических проблем связана с тем, что в идеале термин должен стремиться к однозначности: «одно слово — один смысл», т.е. у идеального термина не может быть полисемии, омонимии, синонимии и т.п. Но, как справедливо и не без юмора заметила Р.З. Котелова, «термины — это слова, и ничто языковое им не чуждо» [Котелова, 1970, с. 124]. Очевидно, что термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют, однако, терминологи должны производить отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к терминам [Суперанская, 2007, с. 55].

В современном терминоведении всё чаще используется термин «неоднозначность», так как он включает в себя не только значения *многозначности* или *разнозначности*, но и *неопределённости семантического объёма* слова. Для максимально точного и полного анализа семантики термина исследователь вводит лингвистические понятия «эврисемия» и «амбисемия», которыми мы и будем оперировать при описании терминологии православия. Под амбисемией понимается неопределённость содержания термина, а под эврисемией — его способность относиться к неопределённому количеству денотатов. Соответственно, полисемия — это свойство термина иметь два или несколько значений, отражающих логико-содержательные связи взаимообусловленных и взаимодействующих понятий. Нам представляется справедливым утверждение, что именно таким образом выстраивается адекватный ряд понятий, фиксирующий любое возможное состояние терминологической единицы в её отношении к семантике: моносемия — амбисемия — полисемия — эврисемия [Татаринов, 1996, с. 167—168]. Следует признать, что такая структура исследования семантики термина открывает новые возможности анализа; к сожалению, используется она, на наш взгляд, недостаточно широко.

На примере терминологии православия мы рассмотрим ряд вопросов, связанных с проблемой неоднозначности термина, и выявим все возможные виды семантических отношений: моносемию, амбисемию, полисемию и эврисемию, а также наличие синонимов, омонимов и паронимов.

1. Моносемия термина

Большинство лингвистов считает, что понятие однозначности термина существует только в рамках конкретной области знаний и наличие другого значения в иных областях не отменяет однозначность термина в рамках определённой терминосистемы. Моносемия (от греческого $\mu\omicron\nu\omicron$ — один и $\sigma\acute{\iota}\mu\alpha$ — знак) всегда воспринималась как одна из важнейших характеристик термина, но сегодня почти все лингвисты пришли к заключению, что однозначность — не свойство термина, а требование, предъявляемое к нему [Суперанская, 2007, с. 44].

Моносемичные термины составляют довольно значительную часть терминологии православия. Это связано с тем, что во многих терминах фидеистических терминологий не происходит постоянного обновления содержания понятия (как, например, в научных терминологиях) и изменения их семантического объема, т.е. понятия, выражаемые этими терминами, как бы консервируются.

Моносемичны в первую очередь названия некоторых богослужений или их частей: **«молебен»** — церковное богослужение, **«отпуст»** — последняя часть богослужения и т.д. или некоторые обряды: **«каждение»** — обряд воскурения фимиама во время литургии, **«колелопреклонение»** — действие при совершении богослужений и молитв, **«воцерковление»** — часть обряда крещения, содержащая определённые молитвы и действия.

Свойственна моносемия и названиям веществ, продуктов, изделий и др., используемых при совершении того или иного обряда: **«родостамна»** — розовая вода, употребляемая при освящении престола, **«воскомастих»** — специальная мастика, необходимая принадлежности освящения православных храмов, **«просфора»** — ритуальный хлеб, употребляемый для таинства евхаристии.

Многие термины, обозначающие названия предметов богослужения (**«дискос»**, **«потир»**, **«лжица»** и др.) и детали церковных облачений (**«стихарь»**, **«орарь»**, **«епитрахиль»** и др.), а также термины, обозначающие названия церковных должностей и званий (**«диакон»**, **«монах»**, **«протоиерей»** и др.), также являются моносемичными.

2. Амбисемия термина

Каждый носитель языка, использующий терминологию православия, обладает своей идеологией восприятия определённого понятия, выделяя в нем не только устоявшиеся параметры, но и те аспекты, на которых он сосредоточивает свое внимание. В этом случае наличие дефиниции не приводит к моносемантизации термина, не гарантирует его однозначного восприятия и единообразного применения в акте коммуникации [Татаринов, 1996, с. 172].

Явление амбисемии (от греческого ἀμφίς — вокруг, около и σήμα — знак) есть свойство термина функционировать в языке с разным объемом семантики, свойство, которое вызывается рядом экстралингвистических факторов, когда наличие дефиниции не гарантирует его однозначного восприятия и единообразного применения в акте коммуникации. Амбисемия — это разнообъёмная характеристика интенционала термина-понятия, его семантическая аспектация, различающаяся квантитативно и квалитативно; она отражает стремление носителя языка подчеркнуть своё восприятие данного термина [там же, с. 168].

Именно в терминологии православия явление амбисемии проявляется максимально отчетливо, что связано со спецификой возникновения и существования в языке религионимов. В частности, мы можем отчётливо наблюдать его в названиях церковных таинств и обрядов, что связано с комплексом причин. В первую очередь с тем, что многие термины пришли в православие из иудаизма или из древней византийской церкви, но в процессе развития восточной церкви меняли или уточняли свое значение, так как многие обряды с первохристианских времён претерпели целый ряд изменений с точки зрения как формы, так и содержания. Одни и те же термины по-разному осмысливаются в православии и католицизме или протестантизме. Так, например, термин «**миропомазание**» у католиков означает самостоятельный обряд, не связанный только с крещением, а у православных — чин, совершаемый преимущественно над верующими, принимающими крещение, термин «**поминовение усопших**» также имеет различное значение у православных и католиков, что связано в первую очередь с учением о Чистилище, а термин «**пострижение**» употребляется как при крещении, так и при принятии монашества, т.е. имеет разное смысловое содержание при назывании одной и той же манипуляции.

В названиях церковной утвари мы также сталкиваемся с явлением амбисемии. Так, например, термин «**ковчег**» означает различного вида, формы и размера деревянный, украшенный металлом ящик. В православии этот термин используется для обозначения самых разных священных сосудов: ковчегом, например, называется богато украшенный ящичек в форме храма, в котором хранятся Святые Дары, в ковчеге завета по библейской легенде хранились скрижали, корабль Ноя также назывался ковчегом и имел форму огромного параллелепипеда, в иконописи ковчегом называется углублённое среднее прямоугольное поле иконной доски. А термином «**сосуд**» называются самые разные — металлические или деревянные, круглой или квадратной формы (в древности они могли быть также стеклянными, глиняными, каменными, оловя-

ными или медными) — богато украшенные ёмкости, употребляемые для разнообразных богослужебных целей. Более того, священными сосудами называются также лжица (ложка) и копие (нож).

3. Эврисемия термина

Под эврисемией (от греческого εὐρύς — широкий и σήμα — знак) понимается способность термина относиться к неопределённому количеству денотатов [там же, с. 174], т.е. констатируется некоторая размытость содержания термина, возникающая вследствие его различной интерпретации, что приводит к неопределённости круга потенциальных денотатов. Процесс эврисемантизации по сути отражает стремление термина к своему абстрактному значению, а эврисемантами называются слова с широкой понятийной основой, соотносящиеся с понятиями, отражающими действительность в максимально обобщенном виде, причем в каждом случае процесс номинации основывается на реализации одной и той же семы [Медникова, 1979, с. 13—17].

В терминах явление эврисемии мы должны отличать от полисемии: в разных эврисемантах степень лексической абстракции достигает разного уровня, но при этом широкое значение остаётся основой любого специализированного своего варианта, в полисемичных же словах исключаются все его лексические значения, кроме одного, действующего в данный момент [Амосова, 1963, с. 114—117], т.е. широкозначному слову в сущности присуще лишь одно значение, а не много разных, и невозможно говорить об элиминации каких-либо значений в контексте. Многозначность, развиваясь за счет метафорической или метонимической деривации от первичного значения, распадается на отдельные семантические сегменты и не сводится к единому значению. А широкозначность (т.е. эврисемия. — *М.А.*) сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях [Степанова, 1990, с. 49—58].

Процесс эврисемантизации характерен для терминологии православия и проявляется в ряде терминов. Эврисеманты обладают обобщённым сигнификативным значением, выражающим широкие по охвату фактов и явлений понятия. Специфика употребления терминов-эврисемантов является свидетельством важности закрепления общих сторон явлений или предметов церковного дискурса и их символического, сакрального значения за отдельными словесными единицами. Высокая валентность термина «**вода**» позволяет ему вступать в лексическую связь с существительными и прилагательными различных лексико-семантических классов: конкретными, вещественными, абстрактными. Этот термин приобретает невероятно широкий смысл в различных священных текстах: в книге

Бытия, например, он означает не только планету Земля, но и истинное познание, и богопоклонение. План содержания данного термина основывается на значении денотата «**вода**» как сакрального источника жизни. Поэтому в терминологии православия существует целый ряд терминов, основой которых стало слово «вода»: «**богоявленская вода**», символизирующая иорданскую воду, освящённую крестившимся в ней Христом, «**крестильная вода**», освящённая при совершении таинства крещения, «**святая вода**», получаемая после обряда молитвенного освящения ее священником, а также постепенно выходящие из употребления термины «**гуляфная вода**», которой омывали престол во время освящения храма, и «**вода нечистоты**», являющаяся символом греховности. Все эти значения реализуются в контексте. Следует отметить, что эти термины не находятся между собой в иерархических отношениях и не являются гипонимами по отношению к слову «вода».

Термины-эврисеманты выражают определённую коммуникативную интенцию говорящего, сочетаясь с различными атрибутивными модификаторами. В этом смысле показателен термин «**крест**». Этот основополагающий сакральный символ христианства охватывает в своей семантике сразу несколько значений: 1) орудие казни Иисуса Христа и одновременно символ воскрешения и вечной жизни; 2) совокупность лишений и страданий; 3) сакральный жест, отличающий христианина, — крестное знамение; 4) четырёх-, шести-, семи- или восьмиконечное изображение креста разной величины и вида, используемое в религиозной практике, 4) род присяги в церкви или перед иконой, означающий верность христианским святыням и добродетелям. Все эти смыслы аккумулируются в денотате «крест», но их иерархия зависит от контекста, когда на первый план выдвигается один, а остальные становятся сопутствующими. Таким образом, этот термин, означающий культовый знак и богословское понятие, всегда содержит значение символа страдания и искупления, а следовательно, включает и значение «инструмент казни», отсылая нас к первохристианским векам и событиям жизни Иисуса Христа. Эта крайняя степень обобщённости приводит к неопределённости круга потенциальных денотатов. При этом «крест» как термин, обозначающий геометрическую фигуру и принадлежащий совершенно другой области знаний, является, безусловно, исходным, но не связанным с терминологией православия.

Термины-эврисеманты могут передавать не только предметные, но и абстрактные сущности окружающего мира. Они способны представить любой тип опыта человека, так как обладают концептуальной формой и изменяющимся концептуальным содержанием — в этом проявляется их когнитивная сущность. Так, термин «**гроб**»

содержит как предельно абстрактные значения — страдания, смерть, нечто, разделяющее этот и тот свет, и т.д., так и достаточно конкретные — могила или собственно гроб, в который кладут тело умершего при совершении обряда отпевания. Кроме того, в значении термина есть отсылка к истории христианства: «гроб» — это пещера, в которой погребали умерших, в такой пещере находилось тело Христа до воскрешения.

Термины-эврисеманты встречаются и в названиях церковных сооружений. Термин **«церковь»** содержит множество связанных друг с другом диффундирующих значений — от конкретных до самых общих: здание для богослужения, храм; особый тип религиозной общины; объединение последователей вероучения (духовных лиц и мирян); общество священнослужителей; институт, организация, ведающая вопросами веры и отправления религиозного культа; разработанная догматическая и культовая система; сама христианская вера; дом Господень на небесах. Кроме того, термин «церковь» имеет широкую сакральную («символьную») семантику: «церковь земная и небесная», «церковь видимая и невидимая», «тело и душа церкви» и так далее.

Эврисемичными могут быть и названия обрядов. Термин **«таинство»** включает в себя множество значений. В нём сохраняется два наиболее существенных: «априори непостижимое явление, сакральная тайна» и «определённые религиозные действия, установленные церковью». Этот термин означает «таинство крещения», «таинство миропомазания», «таинство причащения», «таинство покаяния», «таинство священства», «таинство брака», «таинство елеосвящения». Следует отметить при этом, что в восточной и западной церквях эти термины наполняются нетождественным содержанием.

В православной терминологии термин **«возлияние»** означает жертвоприношение Богу по определённым числам. В церковной практике используются термины: «возлияние мукой», «возлияние елеем», «возлияние вином», «возлияние солью» и «возлияние ладаном». Термин «возлияние» включает в себя также целый ряд значений, связанных с разными эпохами и странами: с античностью, со славянским язычеством, с библейскими временами, с христианской традицией. Эврисемичны и сходные по значению термины **«жертва»** и **«жертвоприношение»**, имеющие широкую семантику как в православной терминологии, так и в общенациональном языке.

Явление эврисемии редко встречается в группе терминов, обозначающих церковную утварь. Однако и здесь мы можем выделить термин **«чаша»**, который означает и предмет церковной утвари, и страдания, горькую участь, и судьбу; кроме того, в нём есть отсылка к евангельским сюжетам.

Некоторые термины, обозначающие церковные одежды, также стремятся к своему наиболее общему лексическому значению и получают способность относиться к неопределенному количеству денотатов, приобретая сложную семантику. Это касается, в частности, термина «**покров**». Покровами называются драгоценные ткани, украшенные крестом, употребляемые при совершении литургии; в православии три вида покровов: для потира (чаши), для дискаса (блюда) и, большой, для обоих вместе. Кроме того, термин «покров» употребляется в широком значении — «защита, покровительство». В ППБЭС даются следующие значения этого термина: 1) головной женский убор, 2) специальная украшенная ткань определённой формы для потира или дискаса, 3) защита или опека, 4) православный праздник («Покров Пресвятой Богородицы»).

4. Полисемия термина

Считается, что к разряду многозначных относятся термины, функционирующие в терминологических значениях в одной отрасли, термины, значения которых находятся между собой в отношениях семантической производности и характеризуются полиденотативностью и категориальностью своей семантики [Татаринов, 1996, с. 177]. В терминологии полисемия (от греческого *πολύς* — много и *σημα* — знак) в ряде случаев неизбежна [Суперанская, 2007, с. 44], в частности, когда один термин выражает процесс и результат («**священство**» как обряд посвящения в сан и «**священство**» как духовенство) или процесс и предмет («**трапеза**» как процесс принятия пищи и «**трапеза**» как стол в монастыре). Э. Грозинский считает, что мы можем разделить объём содержания термина-полисеманта на несколько частей на основе наиболее очевидных характеристик, отличающих десигнаты друг от друга [Grodzinski, 1985, p. 154—155].

Полисемантность терминов предполагает ряд актуальных значений одного и того же термина, которые реализуются в определённых контекстах. В.П. Даниленко справедливо утверждает, что именно контекст закрепляет за термином строго определенное его значение [Даниленко, 1971, с. 77]. Мы видим это в полисемантах, обозначающих названия церковных сооружений и архитектурных частей храма: «**трапезная**» — 1) столовая в монастыре или при храме, 2) просторная западная часть храма; «**жертвенник**» — 1) в православной терминологии деревянный постамент или стол, на котором совершается таинство, 2) особое помещение в северной части алтаря православного храма для совершения таинства проскомидии; «**божница**» — 1) храм или церковь, 2) маленькая постройка в виде часовни над могилой усопшего, 3) богадельня или

странноприимный дом (устар.) и, наконец, 4) специальная полочка, на которую в доме ставят иконы, «**алтарь**» — 1) вся восточная часть храма, в которой находится престол, 2) сам престол.

Лексико-семантическое варьирование (или полисемию) мы фиксируем в названиях церковных таинств и обрядов: «**целование креста**» — 1) род присяги, 2) обряд, исполняемый после исповеди; «**чин**» — 1) установленный порядок церковного обряда («чин крещения», «чин погребения» и т.д.), 2) ряд иконостаса, 2) иерархия священнослужителей (например, «монашеский чин»), а также в названиях церковной утвари: «**лампада**» — 1) сосуд с елеем, зажигаемый во время богослужения перед иконами, 2) большие переносные подсвечники, которые несут перед священником и дьяконом при малом и великом выходах на литургии; «**панагия**» — 1) часть просфоры, изъятая в честь Божьей Матери и находящаяся в специальном ящичке; 2) нагрудный знак архиереев, внутри которого иногда хранились частицы мощей; 3) небольшая круглая икона Богородицы, которая носится на груди епископами как знак архиерейского достоинства.

Явление полисемии существует и в названиях церковных одежд и облачений: «**ризы**» — 1) священнослужительское облачение, 2) оклады, т.е. металлические покрытия икон, оставляющие видимыми лишь лик святого и его руки; «**приплотие**» — 1) нижняя одежда престола, 2) верхняя одежда епископа; «**убрус**» — 1) полотенце для лица, 2) платок для головы, 3) покров для Святых Даров; кроме того, Святым Убрусом называется христианская реликвия, на которой отпечатался лик Христа, когда он отер лицо.

5. Омонимия термина

Омонимами называют одинаково звучащие слова, имеющие разные значения. Заметим, что отличие многозначных слов и омонимов не очевидно, так как в обоих случаях различается содержание при единстве внешнего облика [Grodzinski, 1985, p. 155]. В.М. Лейчик, внося в этот вопрос определённую предположил, что если после разделения значения термина общая главная сема сохраняется, а второстепенные расходятся, то образуются полисеманты, а если, наоборот, второстепенные семы совпадают, а главная сема расщепляется, то образуются омонимы [Лейчик, 1991, с. 115–121]. Нам этот тезис представляется наиболее убедительным при разграничении полисемантов и омонимов в лексике православия.

Слова специальной лексики объединяются в лексические системы, обособленные от слов общей лексики, и соотносятся с иными предметно-понятийными полями. Следствием этого оказывается омонимия ($\delta\mu\omega\nu\upsilon\mu\iota\alpha$ от греческого $\delta\mu\acute{o}\varsigma$ — одинаковый и $\omicron\nu\omicron\mu\alpha$ —

имя) слов общей и специальной лексики как единиц, относящихся к разным полям [Суперанская, 2007, с. 33]: термины «**причастие**» или «**анафора**» принадлежат не только терминологии лингвистики, но и терминологии православия. Но здесь можно говорить лишь о междисциплинарной омонимии, а не об омонимии в терминологии православия. Нельзя не согласиться с утверждением, что за пределами отраслевой терминологии проблема омонимии теряет всякий смысл, поскольку одинаково звучащие термины в одной отрасли практически не встречаются и между ними нет взаимной семантической мотивации, так как лежащее в их основе общеязыковое значение дало независимыми путями два или более независимых друг от друга значений, а междисциплинарная омонимия — это «проблема филологическая, а не терминоведческая» [Татаринов, 1996, с. 177]. Необходимо выделить случаи омонимии, связанные с использованием одних и тех же языковых единиц в специальной терминологии и в общей лексике. Слова специальной лексики объединяются в лексические системы, обособленные от слов общей лексики, и соотносятся с иными предметно-понятийными полями. Следствием этого оказывается омонимия слов общей и специальной лексики как единиц, относящихся к разным полям [Суперанская, 1977, с. 33]. Как правило, это связано с сужением значения общеупотребительных слов в процессе их терминологизации: подобного рода омонимию мы фиксируем в словах «**чин**», «**возглас**», «**очищение**» и т.д., принадлежащих и общенациональному и специальному языку. Не будем забывать также, что термины, обозначающие церковные чины, должности и духовные звания, обозначают и лиц, носящих эти чины и звания и занимающих эти должности, то есть и здесь можно говорить о неполной омонимии: «**ризничий**», «**протоиерей**», «**келарь**» и т.д. И в том, и другом случае главная сема расщепляется, а второстепенная сохраняется в обоих терминах.

Рассматривая с этой точки зрения терминологию православия, мы должны признать, что явление омонимии носит маргинальный характер.

6. Синонимия, вариативность и дублетность терминов

Проблема синонимии (от греческого *synonymia* — одноимённость) терминов, т.е. использования нескольких специальных лексических единиц для именованя одного понятия, является одной из наиболее важных проблем терминоведения [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 102]. В процессе обсуждения этой проблемы терминологи выработали несколько определений, которые в разных сочетаниях

используются в ряде исследований: синонимия, дублетность, эквивалентность, вариативность и равнозначность, но понимаются они лингвистами не одинаково, и каждый исследователь вкладывает в эти понятия своё содержание.

Учитывая всю палитру мнений, для нашего исследования мы выбрали три основных понятия: синонимия, вариативность и дублетность. Синонимами мы будем называть термины с нетождественным, но подобным значением, вариантами — термины, значения которых совпадают полностью, а форма отличается незначительно, а дублетами — термины, полностью совпадающие по значению и абсолютно не совпадающие по форме.

6.1. Синонимия терминов

Синонимами принято называть языковые единицы, коррелирующие в смысловом отношении, но различающиеся периферийной семантикой. Но значение синонимии для общеупотребительной и специальной лексики неодинаково: наличие синонимов в общеупотребительной лексике — явление положительное, так как придает речи богатство, точность, яркость, а в специальной лексике, наоборот, наличие синонимов мешает точности и адекватности передачи информации.

Некоторые терминологи считают синонимию недопустимой в специальной лексике, другие утверждают, что синонимия возникает в специальной лексике в результате поиска более рационального обозначения.

В лексике, обслуживающей русское православие, мы можем выделить ряд случаев, в которых наблюдается синонимия, т.е. лексические значения вариантов отличаются.

Синонимия проявляется в ряде терминов, означающих церковные сооружения и части храма: **«церковь»** и **«храм»**, **«колокольня»** и **«звонница»**, **«крестовая церковь»** и **«домовая церковь»**.

Явление синонимии широко представлено в терминах, означающих церковные обряды и таинства: **«побратимство»** и **«крестование»** (если первый термин означает заключение братского союза между неродственными людьми, то под вторым подразумевается побратимство через обмен нательными крестами); **«троекратное целование»** и **«христосование»** (оба термина означают ритуальный обмен поцелуями, но первый термин может называть часть церковного обряда, выражение братской любви, следование православной традиции и т.д., а второй связан с праздником Пасхи); **«священство»**, **«посвящение»** и **«рукоположение»** (первый термин означает таинство, второй — определенный обряд, а третий — часть обряда, чин).

Синонимами могут быть и термины, означающие церковную утварь: «**кадило**» и «**кация**» (термины означают богослужебные сосуды для каждения, один из которых подвешивается на цепочках, а другой укрепляется вертикально вверх на металлической рукоятке с утолщением); «**покров**» и «**воздух**» (первый термин имеет более широкое значение и является наименованием церковных покровов разного размера и формы, второй означает плат, покрывающий дискос и потир).

Есть синонимы и среди терминов, обозначающих одежды и облачения: например, «**фелонь**», «**риза**» и «**полиставрион**». Эти термины различаются по значению и по употреблению. «**Фелонь**» — деталь облачения священников, длинное и широкое одеяние без рукавов (короткая фелонь надевается при посвящении церковнослужителей — чтеца или певца). Термин «**риза**» является названием священнослужительских облачений, а термин «**полиставрион**» означает облачение с нашитыми на нем крестами (в таком облачении традиционно изображается на иконах Св. Николай).

6.2. Вариативность терминов

Проблема вариативности также не решена окончательно современным терминоведением. Некоторые лингвисты утверждают, что понятие варианта в терминологии потеснило понятие синонимии.

Если синонимами мы называем термины с нетождественным, но подобным значением, то формально-структурными вариантами — термины, значения которых совпадают полностью, а форма в той или иной степени отличается. С нашей точки зрения, при исследовании данных терминов имеет смысл говорить именно о вариативности, а не о синонимии: формально-структурное варьирование не влечет за собой смысловых сдвигов, ничего не меняет в значении и функционировании слова.

В терминологии православия встречаются:

— графические варианты: термины, различающиеся только написанием («**киот** — **кивот**», «**лохань** — **лахань**», «**налой** — **аналой**»);

— морфологические варианты: термины, различающиеся словообразовательными аффиксами или флексиями («**пострижение** — **постриг**», «**утреня** — **заутреня**», «**запон** — **запона**», «**красовуля** — **красовуль**»);

— синтаксические или морфолого-синтаксические варианты: двух- (или более) компонентные термины или термины-словосочетания, различающиеся синтаксической моделью словообразования: «**возложение рук** — **руководствование**», «**черноризник** — **чернец**», «**духовный отец** — **духовник**»;

— эллиптические варианты: термины, образованные пропуском одного из компонентов: «**бескровная жертва — жертва**», «**крёстная мать — крёстная**», «**утренняя служба — утренняя**».

6.3. Дублетность терминов

Дублетами мы называем термины, полностью совпадающие по значению и совсем не совпадающие по форме.

Для более точной классификации мы будем оперировать понятием «разноязычные дублеты» в случае, если в паре оказывается исконный и заимствованный термины с тождественным значением («**трёхсвечник — трикирий**», «**раскол — схизма**»), и «супплетивные дублеты» в случае, если в паре сосуществуют два заимствованных («**параман — аналав**») или два собственно русских термина с абсолютно тождественным значением («**срачица — приплотие**»).

Терминов-дублетов в терминологии православия значительно больше, чем вариантов. Это связано, в большинстве случаев, с существованием в рамках одной терминосистемы заимствованного и собственно русского термина: «**баптистерий — крестильня**» — отдельное помещение при храме или отдельно стоящее здание для совершения таинства крещения, «**прапрат — придел**» — часть храма, особый алтарь в храме, отдельный от главного, «**трансепт — корабль**» — продольная часть храма от дверей до алтарной части.

Дублетность существует и в названиях обрядов и таинств: «**евхаристия — бескровная и словесная служба**» — одно из важнейших таинств церкви; «**литургия — обедня**» — основная церковная служба; «**парагас — панихида**» — заупокойная служба.

Термины-дублеты мы видим и в названиях церковной утвари и веществ: «**потир — чаша**» — удлинённый, расширяющийся кверху сосуд для причащения, «**дикирий — двухсвечник**», «**трикирий — трёхсвечник**» — церковные переносные подсвечники для двух и трёх свечей, «**триптих — складень**» — складная икона, состоящая из трёх частей.

Дублетность проявляется в названиях церковных одежд и облачений: «**омофор — нарамник**» — длинный и широкий плат, возлагаемый поверх других одежд на плечи архиерею, низко спускающийся спереди и сзади (символ пастыря); «**лентион — срачица**» — облачение, надеваемое священниками сверх священных одежд при освящении храма, епископ надевает его при освящении антиминсов; «**эпигонатий — наколенник**» — принадлежность архиерейского облачения в виде квадратного плата, используется в обряде омовения ног;

В терминологии православия существуют и одноязычные термины-дублеты. Два заимствованных термина: «**алтарь — кувуклия**» — восточная часть храма, или два национальных термина: «**перезвон — благовест**» — колокольный звон.

7. Термины-паронимы

В рамках терминологии православия существуют и другие лексические явления, связанные с семантикой термина, но они носят абсолютно маргинальный характер. В ограниченном количестве случаев можно говорить о терминах-паронимах, обладающих звуковым сходством при частичном смысловом различии. В качестве примера можно привести термины «обедня» и «обедница»: первый означает просто церковную службу, а второй — богослужение, в некоторые дни заменяющее литургию (известно, что накануне гибели Николай II просил отслужить именно обедницу), при этом термины «обедня» и «литургия» являются очевидными вариантами.

Паронимами можно считать и термины «руковозложение» — посвящение в церковнослужители и «рукоположение» — посвящение в степень священств, а также термины «покров» и «покровец», так как они означают разные виды покровов для жертвенника.

Явление антонимии практически не встречается в терминологии православия; единичные случаи связаны с изменениями чина обрядов в результате реформ патриарха Никона. Антонимами являются термины «посолонное хождение» и «противосолонное хождение», означающие часть православного обряда в старообрядчестве и в православной церкви. Единичные случаи мы видим также в группе терминов, называющих приверженцев того или иного религиозного направления. По-видимому, антонимичными можно считать пары «обновленцы» — «тихоновцы» и «живоцерковники» — «староцерковники». Эти термины означают священнослужителей, принявших Советскую власть, и, соответственно, священнослужителей, не оставивших патриарха Тихона и не поддержавших обновленцев в 1922 г.

Следует отметить, что расхождение между лексическим и терминологическим значением может приводить к противоречиям внутри терминосистемы. Случай энантиосемии наблюдается в значении терминов «срачица» и «приплатие»: оба эти термина могут обозначать как верхнюю, так и нижнюю одежду священников или верхний и нижний покровы для престола.

* * *

Итак, рассматривая весь корпус терминов православия — более полутора тысяч, — мы приходим к выводу, что полисемантами можно назвать 4,4% терминов, а омонимы встречаются в единичных случаях и составляют меньше 0,5%. Столь же незначительно количество паронимов — чуть больше 1%.

Мы можем выделить несколько десятков синонимичных рядов, в которые в общей сложности входит 11% терминов и около двух-

сот пар вариантов и дублетов (35%). В итоге 46% терминов православия имеют синонимы, варианты или дублеты, и это очень высокий процент.

Среди религиозных терминов существуют термины с расплывчатым или чрезмерно широким значением, которое определяется только контекстом, — амбисемичные или эврисемичные, но их количество невелико. Термины-амбисеманты составляют только 3,8%, число эврисемантов еще меньше и составляет 2,9%.

Мы видим здесь целый ряд отклонений от взаимно однозначного соответствия между понятиями и терминами: одна лексическая единица используется для называния нескольких понятий или несколько лексических единиц выражают одно понятие. В одном случае лексические значения термина и соответствующего понятия расходятся, в другом — лексическое значение термина содержит дополнительные (существенные или избыточные) признаки понятия.

Семасиологический анализ терминологии православия показал, что она содержит значительное число многозначных терминов (амбисемантов, полисемантов, эврисемантов, омонимов, синонимов, паронимов, вариантов и дублетов), что свидетельствует о слабой унифицированности данной терминологии.

Те или иные семантические аспекты слова проявляются в семантических трансформациях и представляют немалый интерес для теории перевода, «так как позволяют проанализировать и описать преобразования смыслов в переводе с позиции единых логических оснований путем различения типов отношений между понятиями». «Такой подход соответствует нашему пониманию переводческой трансформации как процесса преобразования смыслов», — отмечает Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2004, с. 336].

Список литературы

- Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004.
Гринева-Гринева С.В. Терминоведение. М., 2008.
Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971.
Даниленко В.П. Русская терминология. М., 1977.
Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. М., 2003.
Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
Лейчик В.М. Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов // Лексика и лексикография. М., 1991.
Медникова Э.Н. Семантическая валентность каузативных глаголов // Проблемы английской грамматики. 1979. Вып. 143.

- Полный православный богословский энциклопедический словарь (ППБЭС).
М., 1992 (репринт)
- Степанова А.Н., Кистанова Л.Ф.* Широкозначные слова в функциональном аспекте // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика. Л., 1990.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории. М., 2007.
- Татаринов В.А.* Теория терминоведения. М., 1966. Т. 1.
- Федоров А.В.* Введение в теорию перевода. М., 1953.
- Grodzinski E.* Jezykoznawcy i logicy o synonimach i synonimii. Wroclaw, 1985.

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Просьба к авторам — вернуть в тексты букву «ё».

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Высшая школа перевода
Московского
государственного
университета
имени М.В. Ломоносова

Higher School
of Translation &
Interpretation
Lomonosov Moscow
State University

Программы:

- Для выпускников школ:

Программа подготовки бакалавров по направлению «Лингвистика» с профессионализацией «Теория и практика перевода и международного менеджмента». Срок обучения — 4 года.

- Для учащихся старших классов:

Подготовительные курсы. Срок обучения — 8 месяцев.

Переводчик-международник — команда юниоров. Срок обучения — 2 года.

- Для студентов старших курсов и дипломированных специалистов:

Магистерские программы «Переводчик международных конференций», «Письменный научно-технический и художественный перевод», «Теория, история, методология переводческой деятельности». Срок обучения — 2 года.

Программа дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Срок обучения — 2 года.

Аспирантура по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание.

Адрес Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова:
119991, г. Москва, Ленинские горы ГСП-1, 1-й учебный корпус, комн. 1150

Контактный телефон: + 7 495 939 33 48

e-mail : translator_msu@mail.ru

www.esti.msu.ru

***В Издательстве Московского университета
готовится к печати:***

Смышляев А.В., Сорокин А.Л.

Курс устного перевода. Испанский язык — русский язык: Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. — 336 с.

Цель учебного пособия — совершенствовать навыки и приемы устного перевода, приобретенные ранее, и развить более сложные навыки, необходимые профессиональному переводчику, в частности — последовательного с записью и синхронного перевода.

Пособие предназначено для практических занятий по устному переводу со студентами, изучающими испанский язык и овладевающими специальностью «переводчик» в рамках направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также для обучающихся по программе дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Материал учебного пособия подобран таким образом, чтобы охватить наиболее значительные сферы международного сотрудничества и касается вопросов, которые наиболее часто возникают при обсуждении проблем современного мира и взаимоотношений между Россией и испаноговорящими странами. Тематически материалы пособия объединены в шесть глав.

Глава 1. Испания в современном мире. Испанский мир (La Hispanidad).

Глава 2. Россия: прошлое и настоящее.

Глава 3. Россия и Испания: дипломатические, экономические и культурные отношения.

Глава 4. Международная безопасность и борьба с терроризмом.

Глава 5. Права человека.

Глава 6. Наука и образование.

***В Издательстве Московского университета
работает***

**Ассортиментный кабинет
вузовской литературы**

Здесь Вы найдете весь спектр учебной литературы для студентов и абитуриентов от Издательства Московского государственного университета и различных факультетов и подразделений МГУ, Издательства Санкт-Петербургского университета, издательств «Алетейя», «Петербургское Востоковедение», «Специальная литература», «Азбука», «Амфора», «Гиперион», «БХВ», «Дмитрий Буланин», «Молодая гвардия», «Росспэн», «Республика», «Мысль», «Наука», «Высшая школа», «Изд-во УРСС», «Гнозис», «Прогресс Традиция», «Праксис», ЧеРо, «Смысл» и других издательств, выпускающих литературу по психологии, философии, культурологии, юриспруденции, филологии, журналистике, компьютерную литературу. В ближайшее время появятся книги издательств «Рипол Классик», «Ad marginem», «Бахрах М», «Энигма», «Юридическая литература», «АСТ Пресс», «Индрик», «Восточная литература». Кроме того, в магазинах большой выбор «звуковой книги» — литературы в звуковом формате MP-3, интеллектуального кино на DVD.

Книги продаются по минимальной розничной цене.

***По вопросам, связанным с приобретением книг,
обращайтесь в Издательство МГУ по адресу:***

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел./Факс: (495) 939-33-23 (отдел реализации)

www.msu.ru/depts/MSURubl2005

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МАТАСОВ Р.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ЕСАКОВА М.Н.**, **ЗАБРОВСКИЙ А.П.**,
КОЛЬЦОВА Ю.Н., **МИШКУРОВ Э.Н.**, **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**,
ТОРСУКОВ Е.Г., **ШАБАГА И.Ю.**

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел. 697-31-28

Подписано в печать 28.07.2009. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 2,37.
Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 237 экз. Заказ № . Изд. № 8820.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.
Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 2. 1—160.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636